

Тетрадь первая. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://tsvetaevamarina.ru/> Приятного чтения!

Тетрадь первая. Марина Ивановна Цветаева

ЗАПИСИ ИЗ ЧЕРНОВЫХ ТЕТРАДЕЙ
(подарок Е. А. Извольской [1] перед отъездом в Японию, Мёдон, апрель 1931 г.)

...Так с каждым мигом всё непоправимей

К горлу – ремнем...

И если здесь всего земное имя –

дело не в нем. [2]

* * *

С. М. Волконский. [3]

– Что у Вас уцелело – из ценностей?

Он: – Ничто. (?) (точно спрашивая, проверяя...)

– А человек?

– Мало... Закат солнца... тень трепещущих деревьев... карканье вороны...

* * *

Вам удалось то, чего не удавалось до сих пор никому: оторвать меня не от: себя (отрывал всякий), а от: своего. Так, подолгу застываю над белой страницей своего Егория Храброго [4]. Этого (другое – всё было!) этого со мною еще не было.

* * *

Думать в ответ. Нескончаемый разговор. Что я буду делать, когда прочту Вашу последнюю строчку? (точку!)

(Ответ: писать свое. Как оно и было. Кламар, 29-го июня 1932 г.)

* * *

Вы – последнее русло моей души, мне так хорошо у Вас в берегах! (как: в руках) О, искус всего обратного мне! Искус преграды! Раскрываю книгу [5]: Театр (чужд), Танец (люблю только танец Melie Laurence из Гейне и Эсмеральды [6], но таких не видела и увидеть не могла бы: танец – в слове).

С. М.! Немудрено в Исповеди Руссо – дать живого Руссо, в записях Эккермана – дать живого Гёте [7], в мемуарах Казановы – живого Казанову, но мудрено и невозможно в книге о театре...

Всё тайное станет явным. Это, обычно, говорят о лжи (NB! чужой!). Я это говорю о правде, единственно-сущей: правде сущности. Не моя случайная ложь станет явной, а моя вечная насущная правда. Не станет: уже есть.

* * *

Простите и не примите за дерзость: мне горько, что всегда «по поводу». О как мне бы хотелось – Вас вне театра – балета – мимики, Вас по поводу Вас же, Вас – без, Вас – Вас. «Разговоры» [8] я уже начинаю вспоминать как вскрытую лирическую жилу по сравнению с отрешенностью Откликов.

* * *

Победа путем отказа. (У Вас: вездесущие путем отказа. Музыка.)

Страница 134 (конец). Слышен голос.

* * *

Мысль – тоже страсть (впервые).

* * *

Для меня стихи – дом, «хочу домой» – с чужого праздника, а сейчас хочу домой – в Вашу книгу. В чем же дело? До сих пор я любила только свое и только в определенных (человека – в дневниках, стихах, письмах), т. е. беспредельных, самых непосредственных формах – самых не-формах! – человеческой беззащитности. Голого человека. Нет, ободранного человека (себя). Немудрено, что многое сходило. Всё сходило.

* * *

Ваша геометрия – пуще всякой магии! На всем, что Вы говорите, печать неопровержимости.

* * *

Тоска и благодарность. (Страница 144)

* * *

Хеллерау [9] – вражда – точно от меня отрывают Алю.

* * *

Но книгу, которую я от Вас хочу – Вы ее не напишете. Ее мог бы написать только кто-нб. из Ваших учеников, при котором Вы бы думали вслух. Goethe бы сам не написал Эккермана.

* * *

Ваши книги – книги про всё (так Аля, 6-ти л., назвала свою будущую книгу).

* * *

Породы Гёте – и горечь та же – в броне. Щедрость в радости, скупость в горе. После Вашей книги хочется (можно – должно бы) читать только Гёте.

* * *

Все Ваши дороги ведут в Мир. («Все дороги ведут в Рим», привели в Рим и С. М. В. – 1932 г.)

* * *

Вчера вечером заходила на Пятницкую (NB! заходила: из Борисоглебского переулкa на Поварской! 1932 г.), мне еще слышался Ваш голос, когда Вы читали Пушкина.

* * *

Сейчас – ночь со вторника на среду – вспоминала, сколько времени я Вас не видела. Первое, непосредственное – недели две! И: Благовещение – затмение – дальше 28-ое (русское), суббота, т.е. день встречи, сегодня 31-ое марта – три дня!

* * *

Дорогой Сергей Михайлович!

Вот то, что мне удалось узнать в Лавке Писателей [10]. Издатель из Риги еще не приехал. Редакционный Комитет состоит из Бердяева, Зайцева и Осоргина. Первого Вы знаете, второй и третий – люди безупречные и достаточно культурные. Я говорила им о Фижмах. Тон приблизительно был таков: «Эх, господа, господа, вы вот снабжаете за границу Новиковым и Ко (NB! Ко – они), а знаете ли Вы такую замечательную вещь „Фижмы“» – и т. д. Немножко рассказала. Спросили о длине вещи, я сказала печатный лист. (Так?) – Не набралось бы несколько таких рассказов? – Пока один. – Тогда можно поместить в альманахе. Но хорошо бы иметь на руках вещь. –

И вот, дорогой С. М., просьба: если Вам не жалко отдавать фижмы в альманах (мне – жалко!) не могли бы Вы их держать наготове, чтобы к приезду рижского издателя

Тетрадь первая. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
представить в Редакционный Комитет? (Не решаюсь предложить Вам свои услуги по переписке, – сама и всегда боюсь выпускать? вещь из рук – хотя бы в самые любящие.)

Об этом его приезде буду знать, предупрежу Вас. А другие Ваши книги – цельные? Переписаны ли они? Но – когда начинаешь думать – всё жалко!

Посылаю Вам прежних-времен чаю: противоядие от советских полезных напитков. Если у Вас уже есть, пусть будет еще. Все вечера читаю Художественные отклики, и уже с утра – жду вечера.

М. Ц.

* * *

Москва, 28-го русского марта 1921 г., суббота.

Дорогой С. М.!

Только что вернулась с Алей из Вашего сжатого загроможденного переулочка, точно нарочно такого, чтобы крепче держал мою мысль. Шли темной Воздвиженкой – большими шагами – было почти пусто – от этого – чувство господства и полета.

Сейчас Аля спит, а я думаю.

Вам (не зная и не ведая, а главное: не желая) удалось то, чего не удавалось д. с. п. никому: оторвать меня не от себя (никогда не была привержена и – мог всякий!), а от своего. Для меня стихи – дом, «хочу домой» – с чужого праздника, а сейчас «хочу домой» – в Вашу книгу. Перемещение дома.

И есть еще разница, существенная.

Любимые книги, задумываюсь, те любимые без сверху: от которых в гробу не будет спастись: M-me de Staël – Коринна, письма M-elle de Lespinasse [11], записки Эккермана о Гёте... Перечисляю: ни одного литературного произведения, всё письма, мемуары, дневники, не литература, а живое мясо (души!). Человек без кожи – вот я. (Уже само слово я...) Под этим знаком – многое сходило.

* * *

С. М., немудрено в дневнике Гонкуров дать живых Гонкуров, в Исповеди Руссо – дать живого Руссо, но ведь Вы даете себя – вопреки.

(Не есть ли это закон – вопреки?)

Ваша сущность всё время пробивает Вашу броню, всё время – выпады, вылазки, скобки, живой голос.

Простите и не примите за дерзость: мне горько, что всегда «по поводу», о как бы мне хотелось Вас – вне театра, вне – Далькроза [12], вне, без, Вас наедине с собой, Вас – Вас. «Разговоры» я уже начинаю вспоминать как покинутый рай – по сравнению с отрешенностью «Откликов». И как показательно, что Вы из двух книг любите именно эту. И как, поняв, не преклониться?

* * *

О, искус всего обратного мне! Искус преграды (барьера). Раскрываю книгу: Театр (чужд), Танец (обхожусь без – и как!), Балет (условно – люблю, и как раз Вы – не любите). Но как Вы сразу – легкой оговоркой – усмиряете весь мой польский

Тетрадь первая. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
мятеж – еще до вспышки.

Я, над первой строкой:

– Не любить балета – это не любить (ряд перечислений и, собирательное:) ни той Франции, ни той России!

И сразу – в ответ Ваш медлительный, такой спокойный, голос:

– Кто же не любит...

Читаю дальше:

– Но когда вспомните загорелую крестьянку... трагическую героиню...

Слышу голос:

– Перед судом природы. –

И – освобожденно и блаженно – вздохнув, читаю дальше.

(Сейчас Аля – мне: «До свидания, Марина!» и я – ей, не отрываясь: – «Спокойной ночи!» – Белый день! – Смеемся обе.)

* * *

Музыка.

Есть у Вас в главе о Музыке (Существо) – такая фраза:

– Конечно, вездесущие достигнутое не победою над пространством, а отказом от пространства...

Читаю сначала в точном применении к Музыке. – Формула.

Потом уцелевают три слова: Победа путем отказа.

Дальше (страница 134 – Материал, в самом конце):

– Что такое полярность с ее распределенным притяжением перед расстилающейся бесконечностью неизмеримых заполярностей.

Два впечатления, слуховое и зрительное.

Читая, слышишь голос вопрошающего – ушами – живой – в комнате. Кто-то, кто не тебя, но при тебе, самого себя спрашивает. Вопрос, постепенно (слово за словом!) переходящий в возглас: в голосовой вывод.

Второе впечатление (запечатление) зрительное. Дорогой С. М., если у Вас есть в доме книга, возьмите ее в руки, раскройте на 134 странице, смотрите в конце...

Это не наваждение, это наглядная – воочию – достоверность. Сами слова – неизмеримые пространства (вроде тех по которым Снежная Королева везла Кая) сам вид слов. (Широта и долгота.) Вид слов здесь есть их смысл.

* * *

Вы орудие того, о чем Вы пишете. Не Вы это пишете, это (то) Вами пишет.

* * *

Подземные ходы мысли. Шахтер, слушающий голос земли, которую роет, которая хочет, чтобы из нее вырыли руду. (Или – голос руды?)

Отсутствие произвола – власть над предметом путем подчинения ему, – ах, поняла: Победа путем отказа!

* * *

Но книгу, которую я от Вас хочу – Вы ее не напишете, ее бы мог написать кто-нибудь из Ваших учеников, при котором Вы бы думали вслух. (Мысленно: только я!) Goethe сам бы не написал книги о нем Эккермана.

* * *

Породы Гёте – и горечь та же – в броне. И щедрость та же – только в радости. (У людей – наоборот!) И то же слушание природы, послушание ей. После Вашей книги хочется (можно бы – должно бы) читать только Гёте.

* * *

Гёте. Целый день сегодня силилась вспомнить одно стихотворение, прочитанное мною случайно, на какой-то обертке, вспоминала, восстанавливала, заново писала, – наконец восстановила:

Goethe nimmt Abschied von einer Landschaft und einer Geliebten [13]

* * *

In eines Sommerabends halbem Licht

Sah er zum weinenden und letzten Male

Hinab auf Wiesen, Wälder, Berg' und Thale.

Er stand mit wetterleuchtendem Gesicht.

Noch einmal warf sich wie ein wunder Riese

Ihm das gelebte Leben an die Brust,

Dann löste leicht und lächelnd er – auch diese

Umarmung, seiner Gottheit schon bewusst. [14]

* * *

Вдоль левого поля, напротив первой строфы: Hinab – auf Berge? [15]

* * *

Знаю одно: Вы бы жили на классическом «острове», Вы бы всё равно думали свои мысли, и так же бы их записывали, а если бы нечем и не на чем, произносили бы вслух и отпускали обратно.

Вы бы всё равно, без Далькроза и др. были бы тем же, нашли, открыли бы – то же. (Законы Ритма Вы бы открыли в движущейся ветке и т. д.) Не отрицаю этим пропуск одного-двух слов в Вашей жизни X, Y, Z: ценность спутничества – до (два шахтера – находят жилу). Но Вы ведь всё это уже знали, между Вами и Миром нет третьего, природа Вам открывается не путем человека.

Тетрадь первая. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

* * *

Боюсь, Вы подумаете: бред.

Да, но во-первых: если бред, то от Вашей же книги, не от соседней на столе (автор моего «брёда» – Вы!), а во-вторых: только на вершине восторга человек видит мир правильно, Бог сотворил мир в восторге (NB! человека – в меньшем, оно и видно), и у человека не в восторге не может быть правильного видения вещей.

* * *

Боюсь, Вы скажете: кто тебя поставил судьей, кто дал тебе право – хотя бы возносить меня до неба? Ведь и на это нужно право.

Задумываюсь: – на славословье?

Высказанная похвала – иногда нескромность, даже наглость (похвалить можно только младшего!) – но хвала (всякое дыхание да хвалит Господа)? [16]

Хвала – долг. Нет. Хвала – дыханье.

* * *

И Вы же должны понять, что я не «хваляю», а – потрясена?!

* * *

Сейчас – ночь со вторника на среду – вспоминала, сколько дней назад я Вас видела, верней: сколько дней я Вас не видела. Считаю: Благовещение – затмение – суббота 28-го старого марта Ваш приход – сегодня что? 31-ое. – Три дня.

Мое первое чувство было – недели две, по тем верстам и верстам вслед за Вашей мыслью и моей мысли к Вам.

Боюсь, Вы подумаете: нищий.

С. М., я не от нищенства к Вам иду, а от счастья.

* * *

Ночь со среды на четверг 31/13 на 1/14 марта-апреля 1921 г.

Дорогой С. М., живу благодаря Вам изумительной жизнью. Последнее что я вижу засыпая и первое что я вижу просыпаясь – Ваша книга.

Знаете ли Вы, что и моя земная жизнь Вами перевернута? Все с кем раньше дружила – отпали. Вами кончено несколько дружб. (За полнейшей заполненностью и ненужностью.) Человек с которым встречалась ежедневно с 1-го января этого года [17] – вот уже больше недели, как я его не вижу [18]. – Чужой. – Не нужно. – Отрывает (от Вас). У меня есть друг: Ваша мысль.

* * *

Вы сделали доброе дело: показали мне человека на высокий лад.

* * *

Есть много горечи в этом. Ухватившись за лоб, думаю: я никогда не узнаю его жизни, всей его жизни, я не узнаю его любимой игрушки в три года, его любимой книги в тринадцать лет, не узнаю как звали его собаку. А если узнаю – игрушку – книгу – собаку, другого не узнаю, всего не узнаю, ничего не узнаю. Потому что – не успею.

Думаю дальше: четыре года живу в Советской России (всё до этого – сон, не в счет!), я четыре года живу в советской Москве, четыре года смотрю в лицо

Тетрадь первая. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
каждому, ища – лица. И четыре года вижу морды (хари) –

С.М., если бы я завтра узнала, что Вы завтра же уезжаете за границу, я бы целый день радовалась, как могла бы радоваться только въезду. Клянусь! Весь день бы радовалась, а вечером бы – молниеносная проверка, и: а вечером бы закрыла Вашу книгу с тем, чтобы никогда больше не раскрывать.

* * *

Сегодня у Т. Ф. Скрябиной [19] – вопрос, мне, ее матери: – «Dites-moi donc un peu, Madame, pouvez-Vous me dire – à quoi cela est bon – la vie? Cette masse de souffrances...» [20]

И мне стало стыдно в эту минуту – за свое восхищение от земли.

* * *

Быть мальчиком твоим светлоголовым...

(1-го русского апреля 1921 г., четверг)

* * *

Я: – «Аля, как ты думаешь – который час?»

Аля: – «Два часа ровно, потому что бабка исповедоваться пошла. Марина! Мы живем по чужим исповедям!»

* * *

– М.! Что Бог сделал с собаками! Создал их и не кормит, сделал их какими-то нищухами, побирухами. А если бы он их всех сделал породистыми, тогда бы и породы не было, п. ч. порода – от сравнения.

Значит, чтобы была порода, нужна не-порода.

* * *

Занесли Вам с Алей противоядия от полезных советских смесей (хлебных и чайных) – и немножко письменных принадлежностей.

Не была на Вашей лекции только потому, что сговорились идти с Т. Ф., а у нее сейчас дома всякие горести и беды.

Читаю Отклики. Спасибо.

МЦ.

* * *

Продолжение большого письма (конечно неотосланного)

* * *

Суббота, 9-тый – по-новому – час. Только что отзвонили колокола. Сажу и внимательно слушаю свою боль. Суббота – и потому что в прошлый раз тоже была суббота, я невинно решила, что Вас жду.

Но слушаю не только боль, еще молодого красноармейца (коммуниста), с которым дружила до Вашей книги, в котором видела и Советскую Россию и Святую Русь, а теперь вижу, что это просто зазнавшийся дворник, а прогнать не могу. Слушаю дурацкий хамский смех и возгласы, вроде: – «Эх, чорт! Что-то башка не варит!» – и чувствую себя оскорбленной до заледенения, а ничего поделать не могу.

О, Боже мой, как страшна и велика власть человека над человеком! Постоянное

Тетрадь первая. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
воскрешение и положение во гроб! – Ничего не преувеличиваю, слушаю внимательно, знаю: если бы Вы сейчас вошли (коммунист только что получил письмо от товарища и читает мне вслух: «Выставка птицеводства и мелкого животноводства...» Это товарищ его приглашает на Пасху.) фраза не окончена

* * *

Краткий ход истории с Вами каждого настоящего.

Сначала имя – отдаешь ему дань невольно: настораживаешься. Потом голос; особость, осмысленность, сознательность произношения – точно человек хочет дойти помимо смысла слова, – одним произношением и интонацией: быть понятым иностранцем. Дать смысл через слух (звук). – Вслушиваешься. – Потом – суть: остро, точно, то. Вдумываешься, вчувствовываешься, в – в – в – И уже имя – исходная точка – забыто, торжествует суть, побеждает суть.

А потом, когда очнешься: ведь это тот самый Волконский, внук того Волконского, и сразу 1821 г. – 1921 г. – и холод вдоль всего хребта: судьба деда – судьба внука: Рок, тяготеющий над Родом. (Сыновья в наследство судьбы не получают, – только внуки. Точно роду (или пропуск одного-двух слов). Передышка сына, чтобы снова собраться с силами.)

С. М., я ничего не знаю точно, я ведь ничего о Вашей жизни не знаю, кроме того, что Вы пожелали сказать о ней – всем – в книгах, но по всему Вас – сейчас – (и по всему сейчас) чувствую, какими были для Вас годы 1917 г. – 1921 г.

И, глубоко задумавшись:

Чита – или Москва 1917 г. – 1921 г.? – Еще вопрос.

* * *

Еще об одном думаю, идя назад в неведомую мне Вашу жизнь.

Рождается человек. Получает громкое имя. Несет его. (Приучается нести его тяжесть.) Столкновение Рода и Личности. Неслыханное счастье (не носителю – миру!) – личности в породе, породы в личности. Первый полет за пределы гнезда. О Гнезде умолчу – ибо НЕ ЗНАЮ, но не умолчу о катастрофе такого «за-пределы».

Князь – и пишет! в этом есть что-то нестерпимое. Мало, что князь, еще и писатель. (И Пушкину бы не простили – раз не простили даже камер-юнкера.) И сразу: либо плохой князь, либо плохой писатель. О князе спорить не приходится – значит плохой писатель.

Против (проглотив) рождение – второе рождение (в духе) уже не прощают – давятся. Чувствуют себя обокраденными. (Так поэту, например, не позволяют писать прозу: мы сами прозаики!) Когда князь занимается винными подвалами и лошадьми – прекрасно, ибо освящено традицией, если бы князь просто стал за прилавок – прекрасно меньше, но зато более радостно (подсознательно: сдал, наш, тоже...), но – художественное творчество, т. е. второе (нет, первое!) величие, второе княжество.

С. М., м. б. я ошибаюсь, но я хочу чтобы Вы знали о чем я думаю все эти дни принадлежащие Вам и проходящие без Вас.

* * *

Бездомная комета и домовый комитет.

(Могли бы выйти стихи.)

Тетрадь первая. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

* * *

Крылья – свобода, только когда раскрыты в полете, за спиной они – тяжесть.

Крылья – синоним не свободы, а силы, не свободы, а тяжести.

С. М., Аля, я, в его – шереметевского дома – сухом и окурочном саду. Сидим на скамейке. Солнышко. В сухом бассейне солдаты играют на балалайках. С. М. насвистывая в лад, с любовью:

– Ах, они прэлэстные, прэлэстные!..

И внезапно, хищно, точно выключив – что-то блестящее из подножного сору! Копейка? Нет, пуговица. – «Вам... (он меня никак не зовет, и я глубоко понимаю)... это нужно?» Я: – «Н-н-нет...» – «М. б. Але нужно? Играть...» Аля, с моей же неудивляющейся деликатностью (всей деликатностью невозможного удивления) – «Н-н-нет... спасибо...» – «Тогда я... Такие вещи всегда так, так нужны...» (Бережливо прячет.)

* * *

Произносит хребёт (NB! кажется и моя мать так произносила, во всяком случае: Лёв Толстой, и, помнится: галёрка (ведя от галереи)).

А у самого хребет как у рыбы – arêtes [21].

* * *

Как настигаемый олень

Летит перо.

обманут день –

И как хитро!

Все силы ада за спиной –

масть!

Всё дети матери одной,

Чье имя – страсть.

Олень, олень Золоторог,

Беда близка!

То в свой звонкоголосый рог

Трубит тоска...

По зарослям словесных чащ

Спасайся, царь!

То своры дых кровокипящ,

То ревность – псарь.

Всё громче, громче об ребро

Сердечный стук...

И тихо валится перо
Из смуглых рук.

4-го русского апреля 1921 г.

Справа от стихотворения, поперек страницы: Плохие стихи, не вошедшие в Ремесло.
Дороги как память: о той Москве, той тоске, той – мне. Пометка 1932 г.

* * *

О двух

В лазури и герба

Сказ. Дважды стукнула судьба

В сияющие лбы Волконских.

О том, на кандалы корону

Сменившем – сказано до нас.

Нам гордость горькая прилась

Быть современником второму.

(не кончено)

* * *

Над владыками,

Над коронами –

Власть великая

Нам дарована...

(Четверостишие из которого вышло – совершенно обратное: «По нагориям, по
восхолмиям», напечатанное в Ремесле 1932 г.)

* * *

Тучи как судьи.

* * *

Я – блудный сын, который каждый дом принимает за отчий, но еще до ужина
разубедившись – уходит.

Для меня жирных тельцов не режут.

* * *

На што мне

* * *

Вырывает из рук бумагу,

В очи сыплет цветочной пылью,

В волосах запекает нагло,

За спиной завивает крылья...

(Ветер)

Тетрадь первая. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

* * *

Где заговорщик, глотающий пепел?

* * *

Долг возложив на детей годовалых

Те – остальные – сидели в подвалах, –

Тел без гробов – ждя,

Новых пиров – ждя...

* * *

Не дошаливши последнюю шалость

Горстка детей за отчизну сражалась...

* * *

Приносим С. М. с Алей самодельные, с пайковыми бобами, пирожки. Швыряет на сковородку, обугливает и, не видя ни ножа ни вилки: – «Можно, я думаю, руками?»

– Нет, ошибаюсь, пирожки были в другой раз, на этот раз был – блин (мой, во всю сковородку). Держал руками и рвал зубами.

* * *

Внимательность к вещам. – «Прэлэстный угольничек», – тарелка (простая, с цветком).

* * *

– Я вижу: несколько человек – штатских? – сняли шляпы: заложники. Там был и мой двоюродный брат, – только он шел с той стороны – если бы я его увидел – не знаю – я бы наверное кинулся – чтобы тоже... Кто-то из солдат толкнул меня в грудь. Вернувшись, написал обеим дамам (через два а), что я не могу принимать вознаграждения от правительства, которое так обращается с человеком.

...Каждый, самый слабый, должен сказать, ответить...

* * *

Волконский заключен сам в себе, не в себе – в мире. (Тоже одиночная камера, – с бесконечно-раздвинутыми стенами.) Эгоист – породы Гёте. Ему нужны не люди – собеседники (сейчас – не собеседники: слушатели, восприниматели!), иногда – сведения. Изящное отсутствие человека в комнате, говоришь – отвечает, но никогда в упор, точно (нет, явно) в ответ на свою сопутствующую мысль. Слышит? Не слышит?

* * *

Никогда – тебе, всегда – себе.

* * *

Был у меня два раза, каждый раз, в первую секунду, изумлял ласковостью. (Думая вслед после встречи – так разительно убеждаешься в его нечеловечности, что при следующей, в первую секунду, изумляешься: улыбается, точно вправду рад!)

Ласковость за которой – что? Да ничего. Общая приятность от того, что ему радуются. Его мысли остры, его чувства flottent [22].

Его жизнь, как я ее вижу – да впрочем его же слово о себе:

– «История моей жизни? Да мне искренно кажется, что у меня ее совсем не было, что она только начинается – начнется».

– Вы любите свое детство?

– Не очень. Я вообще каждый свой день люблю больше предыдущего... Не знаю когда это кончится... Этим, должно быть и объясняется моя молодость.

(Про Алю: изумительная девочка...)

Однако, в первый приход, сказал же:

– «Я, вообще, сейчас, кажется, не могу причинить никому ни радости, ни горя...» А вчера: – «Каждый свой день...» (люблю больше предыдущего и т. д.).

Может показаться, когда читаешь эти слова на бумаге, что говорит горящий жизнью, – нет, это бросается легко, созерцательно- под строкой: повествовательно-спокойно, почти небрежно.

* * *

Учитель чего? – Жизни. Прекрасный бы учитель, если бы ему нужны были ученики.

Вернее: читает систему Волконского (Хонского, как он произносит, уясняя Волхонку) – когда мог читать – Жизнь.

* * *

(Музыка, запаздывающая на какую-то долю времени, последние солдаты не идут в лад, долгое дохождение до нас света звезд...)

* * *

Не поспекает за моим сердцем.

* * *

Жаловаться не стану,

Слово возьму в тиски.

С этой мужскою раной

Справимся по-мужски.

Даром сгорают зори,

А не прося за вход.

С этой верховной хворью

Справимся, как Восход.

* * *

Великолепным даровым пожаром

В который раз, заря, сгораешь даром?

На встречных лицах, нежилых как склеп,

В который раз ты побежден, о Феб?

Не доверяя брэнной позолоте

Они домой идут – на повороте

Тетрадь первая. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Счастливые – что уж опять тела!

Что эту славу – сбросили с чела.

еды |

И в предвкушении любви | взаимной –
Домой – домой – домой – к печурке дымной...

Так, у подножья нового царя,
В который раз, душа, сгораешь зря?

* * *
Суббота

10-го русского апреля 1921 г.

* * *
Море – пляшущий погост.

* * *
Все женщины делятся на идущих на содержание и берущих на содержание. Я
принадлежу к последним.

* * *
В старой женщине, берущей на содержание, неизбежная бескорыстность материнства.

* * *
Аля: – Смущенная улыбка Дьявола.

* * *
Я всегда любила одного за-раз, а на всех остальных – плевала.

* * *
Название для книги: – Версты – Ремесло.

* * *
Еда (змеи, гады) – Аля.

* * *
1-ый день Пасхи.

* * *
Вот она, кротко раскрыла крылья –

Выпав из рук –

Странноприимного дома книга:

Книга разлук.

Всех их чесала своей гребенкой,

Каждый был сыт.

Сколько имен в ней – нескромных, громких,
, простых.

Оставлен пробел для одного четверостишия

Тетрадь первая. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

* * *

Моя любовь (беспольный пожар) к Волконскому доходит до того, что знай я подходящего ему – я бы, кажется, ему его подарила (Подходящего или нет, но – подарила. Во всяком случае красивого и внимательного. Некто Эмилий Миндлин. [23], из Крыма, 18 лет.)

Хорошо было бы, чтобы этот даримый утешал меня от Волконского.

И всего лучше бы – если бы они – после этого – оба перестали у меня бывать.

* * *

Выслушивать жизнь и устраивать судьбы. Занятие старой женщины. Но Судьба ведь тоже старая женщина.

* * *

Мой поток к Волконскому твердо пошел по двум руслам: по руслу заботы (работы!), 2) по руслу стихов.

* * *

Я не только ничего не жду взамен, я даже и не знаю, есть ли для него я, т. е. доходит ли даваемое, а если доходит – связано ли со мной?

Приручение Волконского. Мало славы – если оно даже удастся. Приручаю ведь не собой: двумя ушами, которые слушают. (Я емь – два уха: говорящий рот мой – уже не услышан.) Ведь ни одно слово мое в ответ не услышано.

Так его приручил бы каждый.

Если бы сумел.

* * *

Но, руку на сердце положи, кому кроме меня это могло бы понадобиться?!

* * *

Просто как путь, трудно как осуществление, гадательно как цель, безнадежно как исход.

* * *

Для заполучения его души нужна отрешенность – от себя и во многом – от него. Кто отрешен? Старики, но старик, отрешенный от себя, будет отрешен и от тебя (тем отрешен и от тебя).

* * *

Огню: не гори, ветру: не дуй, сердцу: не бейся. Вот что я делаю с собой.

– За – чем?! –

* * *

(Между этими записями поток «Ученика».)

* * *

Волконский – точно хранитель под строкой: арендатор, не хозяин под строкой: владелец своей души. Как нужно думать – и своей Павловки [24].

* * *

Я знаю: не сердце во мне, – сердцевина

На всем протяжении ствола. [25]

* * *

4-ый день Пасхи. Волконский читает Лавры (предисловие и Италию). Жеманность Скрябина. П. Б-лин (?); перевод (очевидно, стихов). «Он был бы доволен». –

Тетрадь первая. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Приглашение Али, ответ, подарки, башмаки, – в гору.

* * *

Законною женою Самозванца...

Невенчанной подругою Царя...

Аля: О Блоке и о лаве: красном отсвете, принимаемом за жизнь (26-го апреля, когда он читал).

* * *

Князь и цыганка.

– Не могу на тебе жениться, потому что ты не княжна.

– Не могу за тебя выйти, потому что ты не цыган.

И – не смогли – живут, седеют.

* * *

Отношением к себе другого он не увлекался – миновал – но отношением к себе своим – увлекал – направлял.

(О Волконском)

* * *

О Марине:

Еще вопрос: чего искала Марина Мнишек? (в честь которой я названа).

Власти несомненно, но – какой? Законной или незаконной?

Если первой – она героиня по недоразумению, недостойна своей сказочной судьбы. Проще бы ей родиться какой-нибудь кронпринцессой или боярышней и просто выйти за какого-нибудь русского царя.

С грустью думаю, что искала она первой, но если бы я писала...

(– то написала бы себя, т. е. не авантюристку, не честолюблицу и не любовницу: себя – любящую и себя – мать. А скорее всего: себя – поэта.)

На левом поле, около последнего абзаца: 1932 г.

И еще третья возможность: такая страстная ненависть к православию (вернее, такая страстная польскость), что русский трон только как средство ополячения России.

И возвращаясь к себе, с улыбкой: стремись я только к законной власти – ищи я только приключений – держи я в глазах только ополячение Руси – непременно – волей судеб (т. е. всей себя) я бы кого-нибудь из трех самозванцев полюбила.

А м. б. и всех троих.

* * *

Точно мать мне это имя дала – как противоядие.

* * *

Дорогой С. М.

Это – document humain [26], не больше.

Могу, записав, оставить в тетрадке, могу вовсе не записывать. Важно, чтобы вещь была осознана – произнесена – внутри. Закрепление путем – даже вслух произнесенного слова – уже вторичное.

(Prière mentale. [27])

А дальнейшее – из рук в руки (из уст – в уши) человеку – о, от этого так легко отказаться!

* * *

Ни один человек, даже самый отрешенный не свободен от радости быть чем-то (всем!) в чьей-нибудь жизни, особенно когда это – невольно.

Этот человек – Вы, жизнь – моя.

* * *

Это началось с первого дня как я вас увидела: redressement [28] всего моего существа.

Как дерево – к свету, точнее не скажу.

Всё, что во мне было исконного, всё замеченное и занесенное этими четырьмя годами одинокой жизни – среди низостей и пропуск одного слова – встало.

Невольно – один за другим – отстали – отпали – внизу остались – все «друзья». Я стала я.

Это и значит – любить Вас.

* * *

(Письмо осталось в тетради.)

* * *

Когда я чувствую у себя на лбу – солнце, я ощущаю гордость.

– Путь к оправданию царедворчества.

* * *

Где? – Везде! – Ушла с солдатами...

(Душа)

* * *

Что ни вздох – из тела просишься:

Не живется в доме собственном!

* * *

Говорю С. М. о своем рожденном неумении гостить. Ряд доводов и примеров. Он, выслушав, тихонько: – Я думаю, в Павловке Вы бы гостили...

Тетрадь первая. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

* * *

«Вот другие пишут: входила няня – что-то приносила – выносила... Не знаю, я ничего такого не помню...»

* * *

Урезывая сон, заставляет себя лежать до 10 ч. (очевидно чтобы в постели писать, п. ч. на столе – остатки вчерашней еды и т. п. – негде).

* * *

О моей переписке его рукописей.

– Прэлэстный труд. – В каком всё это у Вас порядке.

(Всё это – да, остальное – нет.)

* * *

(В промежутке стихи к Самозванцу [29], стихи Разлуки, – постепенность есть в Ремесле.)

* * *

Вы выпрямили мое отношение к Вам – незаметно – путем неслышанья и незамечанья всего, что Вам в нем было лишне.

* * *

Вы отравили мне всех моих сверстников и современников.

* * *

Я настолько не женщина, что всегда предоставляю любовную часть другому, как мужчина – бытовую: хочешь так, хочешь эдак, я в это дело не вмешиваюсь.

* * *

С Вами ум всегда насыщен, душа всегда впроголодь. Так мне и надо.

* * *

Мне часто хотелось Вас поцеловать – просто от радости, но всегда останавливал страх: а вдруг – обидится. Тогда я жалела, что мне не 8 л. как Але, или что я не Ваша любимая собака.

* * *

Твои

Запечатленные Кануном.

Я буду стариться, а ты

Останешься таким же юным.

Твои

Обточенные ветром знойным.

Я буду горбиться, а ты

Останешься таким же стройным..

Волос полуденная тень

Склоненная к моим сединам.

Ровесник мой, год в год, день в день –

Мне постепенно станешь сыном..

Тетрадь первая. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Нам вместе было тридцать шесть,

Прелестная мы были пара!

И кажется – надежда есть –

Что всё-таки – не буду старой!

* * *

Троицын день 1921 г.

(не вошедшие в Разлуку)

* * *

Дорогой С. М.

Сейчас я пережила один из самых сильных страхов моей жизни (исключая страх за чужую жизнь) – и по Вашему поводу. Все эти дни я была занята, не переписывала, совесть грызла, точно я совершаю низость, наконец сегодня, в 3 ч. ночи, dokonчив большое письмо Але – сажусь. Первое слово на белой равнине листа – и сразу облегчение. Переписывала с 3 ч. до 5 1/2 ч. – пять страниц. Совсем светло. Радуюсь, что 5 страниц и что восход – и вдруг: где же I глава? Странно, что-то давно не вижу. Раскрываю одну папку – нет, другую – нет, перерываю шкаф от письменного стола – нет, книжный шкафчик – нет, все книги на книжном шкафу – нет, постепенно леденею. Роюсь – уже безнадежно – в валиках кресла – нет, и сразу: «Ну да, конечно, – это Бог меня наказал за то, что я не переписывала и – с детства привычка – трижды: „St. Antoine de Padoue, faites-moi trouver ce que j'ai perdu...“» [30]

И снова: стол, шкафы, вышки шкафов, папка, кресло, отодвигаю диван, ищу под подушкой – нет, нет и нет. И: никогда не поверит, что я только сегодня хватилась, уверен будет, что я нарочно затягивала переписку, чтобы дольше не сказать... Но что же я скажу? – Потеряла? – Но она в комнате. – Исчезла? – Он не верит в чудеса, да и я не верю. Да и как такую вещь сказать, каким голосом?

Вы никогда не поймете моего тихого ужаса. Если когда-нибудь теряли доверенную Вам рукопись – поймете, иначе – нет.

Сейчас 8 ч., я только что нашла. Чувство как после страшного сна, еще не верится.

Держу, прижав к груди.

* * *

Божья Матерь Казанская, спасибо!

* * *

(В тексте Б. М. К. Я. С. П. – расшифровала.)

* * *

Магдалина! На волю!

Смердит подполье!

Мутна вода!

Совесть просит и молит, а честь тверда:

честь берет города.

Тетрадь первая. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Совесть в ножки бросается, бьет челом,

Лебезит червем...

* * *

Знаю исход:

Восход.

15-го июня 1921 г.

* * *

Мне помнится: за лосем

Бег –

Длинноволосым я и прямоносим

Германцем – славила богов.

* * *

(Перечень стихов Разлуки, кончая Ростком серебряным.)

* * *

Еще в дверях рассказываю С. М., что столько-то дней не переписывала – и почему не переписывала. – «С. М., Вы на меня очень сердитесь?»

Он, перебирая бахрому кресла, тихо:

– «Как я могу?.. Это было такое прекрасное цветение души...»

* * *

С. М. В.

– Ваш отец застал февральскую Революцию?

– Нет, только Государственную Думу. (Пауза.) Но с него и этого было достаточно.

(с хищной улыбкой, змеиной)

* * *

Говоря об алфавитном указателе имен в конце Мемуаров:

– То же наверное ощущает мать, когда моет своему ребенку зубы.

* * *

Татьяна Федоровна ему: – Как Вы поживаете? – Благодарствую. Когда солнце – всегда хорошо.

* * *

У Волконского стыдливость благодарности.

* * *

Моя любовь к нему, сначала предвзятая, перешла в природную: я причисляю его к тем вещам, которые я в жизни любила больше людей: солнце, дерево, памятник. И которые мне никогда не мешали – потому что не отвечали.

* * *

Письмо к Кузмину

Тетрадь первая. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
(написанное в тетрадку)

Дорогой Михаил Алексеевич

Мне хочется рассказать Вам две мои встречи с Вами, первую в январе 1916 г., вторую – в июне 1921 г. Рассказать как совершенно постороннему, как рассказывала (первую) всем кто меня спрашивал: – «А Вы знакомы с Кузминым?»

– Да, знакома, т. е. он наверное меня не помнит, мы так мало виделись – только раз, час, и было так много людей... Это было в 1916 г., зимой, я в первый раз в жизни была в Петербурге. Я дружила тогда с семьей Каннегисеров (Господи, Леонид!). [31] Они мне показывали Петербург. Но я близорука – и был такой мороз – и в Петербурге так много памятников – и сани так быстро летели – всё слилось, только и осталось от Петербурга, что стихи Пушкина и Ахматовой. Ах, нет: еще каминьки! Везде куда меня приводили огромные мраморные каминьки, – целые дубовые рожи сгорали! – и белые медведи на полу (белого медведя – к огню! – чудовищно!) и у всех молодых людей проборы – и томики Пушкина в руках – и налакированные ногти, и налакированные головы – как черные зеркала... (Сверху – лак, а под лаком д - - - к!)

О, как там любят стихи! В Петербурге пропуск одного слова любят стихи. Я за всю свою жизнь не сказала столько стихов, сколько там, за две недели. И там совершенно не спят. В 3 ч. звонок по телефону. – Можно придти? – «Конечно, конечно, у нас только собираются». И так – до утра. Но Северного сияния я, кажется, там не видала.

– То есть...

– Ах, да, это не там Северное сияние, – Северное сияние в Лапландии, – там белые ночи. Нет, там ночи обыкновенные, т. е. белые, но как и в Москве – от снега.

– Вы хотели рассказать о Кузмине...

– Ах, да, т. е. рассказывать собственно нечего, мы с ним трех слов не сказали. Скорее как видение...

– Он очень намазан?

– На – мазан?

– Ну, да: намазан: накрашен...

– Да не – ет!

– Уверю Вас...

– Не уверяйте, п. ч. это не он. Вам какого-нибудь другого показали.

– Уверю Вас, что я его видел в Москве, на –

– В Москве? Так это он для Москвы, он думает, что в Москве так надо – в лад домам и куполам, а в Петербурге он совершенно природный: мулат или мавр.

Это было так. Я только что приехала. Я была с одним человеком, т. е. это была женщина [32]. – Господи, как я плакала! – Но это неважно. Ну, словом, она ни за что не хотела, чтобы я ехала на этот вечер и потому особенно меня уговаривала. Она сама не могла – у нее болела голова – а когда у нее болит голова – а она у нее всегда болит – она невыносима. (Темная комната – синяя лампа пропуск одного-двух слов, мои слезы...) А у меня голова не болела – никогда не болит! – и мне страшно не хотелось оставаться дома 1) из-за Сони, во-вторых, п. ч. там будет Кузмин и будет петь.

– Соня, я не поеду! – Почему? Я ведь всё равно – не человек. – Но мне Вас жалко. – Там много народу, – рассеетесь. – Нет, мне Вас очень жалко. – Не переносу жалости. Поезжайте, поезжайте. Подумайте, Марина, там будет Кузмин, он будет петь. – Да – он будет петь, а когда я вернусь, Вы будете меня грызть, и я буду плакать. Ни за что не поеду. – Марина! –

Голос Леонида: – М. И., Вы готовы? Я, без колебания: – Сию секунду!

* * *

Большая зала, в моей памяти – Galerie aux glaces [33]. и в глубине, через все эти паркетные пространства – как в обратную сторону бинокля – два глаза. И что-то кофейное. – Лицо. И что-то пепельное. – Костюм. И я сразу понимаю?: Кузмин. Знакомят. Всё от старинного француза и от птицы. Невесомость. Голос чуть надтреснут, в основе – глухой, посредине – где трещина – звенит. Что говорили – не помню. Читал стихи. Запомнила в начале что-то о зеркалах (м. б. отсюда – Galerie aux glaces?). Потом:

* * *

Вы так близки мне, так родны,

что будто Вы и нелюбимы.

Должно быть так же холодны

В раю друг к другу серафимы.

И вольно я вздыхаю вновь,

Я детски верю в совершенство.

Быть может...

(большая пауза)

...это не любовь?..

Но так...

(большая, непомерная пауза)

похоже

(маленькая пауза)

и почти что неслышно, отрывая, на исходе вдоха:

...на блаженство! [34]

* * *

Тетрадь первая. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Было много народу. Никого не помню. Нужно было сразу уезжать. Только что приехала – и сразу уезжать! (Как в детстве, знаете?) Все: – Но М. А. еще будет читать... Я, деловито: – Но у меня дома подруга. – Но М. А. еще будет петь. Я, жалобно: – Но у меня дома подруга (?). Легкий смех, и кто-то не выдержав: – Вы говорите так, точно – у меня дома ребенок. Подруга подождет. – Я, про себя: – Чорта с два! Подошел сам Кузмин. – Оставайтесь же, мы Вас почти не видели. – Я, тихо, в упор: – «М. А., Вы меня совсем не знаете, но поверьте на слово – мне все верят – никогда в жизни мне так не хотелось остаться как сейчас, и никогда в жизни мне так не было необходимо уйти – как сейчас». М. А., дружески: – «Ваша подруга больна?» Я, коротко: Да. М. А.: – «Но раз Вы уж всё равно уехали...» – «Я знаю, что никогда себе не прощу, если останусь – и никогда себе не прощу, если уеду...» Кто-то: – Раз всё равно не простите – так в чем же дело?

– Мне бесконечно жаль, господа, но –

* * *

Было много народу. Никого не помню. Помню только Кузмина: глаза.

Слушатель: – У него, кажется, карие глаза?

– По-моему, черные. Великолепные. Два черных солнца. Нет, два жерла: дымящихся. Такие огромные, что я их, несмотря на мою чудовищную близорукость, увидела за сто верст, и такие чудесные, что я их и сейчас (переношусь в будущее и рассказываю внукам) – через пятьдесят лет – их вижу. И голос слышу, глуховатый, которым он произносил это: «Но так – похоже...» И песенку помню, которую он спел, когда я уехала... – Вот.

– А подруга?

– Подруга? Когда я вернулась, она спала.

– Где она теперь?

– Где-то в Крыму. Не знаю. В феврале 1916 г. т. е. месяц с чем-то спустя мы расстались. Почти что из-за Кузмина, т. е. из-за Мандельштама, который не договорив со мной в Петербурге приехал договаривать – в Москву. Когда я пропустив два (мандельштамовых) дня, к ней пришла – первый пропуск за годы – у нее на постели сидела другая: очень большая, толстая, черная. [35] – Мы с ней дружили полтора года. Ее я совсем не помню, т. е. не вспоминаю. Знаю только, что никогда ей не прощу, что тогда не осталась.

* * *

14-го июня 1921 г. – Вхожу в лавку Писателей, единственный слабый источник моего существования. Робко, кассирше: – «Вы не знаете: как идут мои книжки?» (Переписываю, сшиваю и продаю.) Пока она осведомляется, я, *pour me donner une contenance* [36], перелистываю книги на прилавке. Кузмин: Нездешние вечера. Открываю: копьем в сердце: Георгий! Белый Георгий! Мой Георгий, которого пишу два месяца: житие. Ревность и радость. Читаю: радость усиливается, кончаю – пропуск двух-трех слов. Всплывает из глубин памяти вся только что рассказанная встреча.

Открываю дальше: Пушкин: мой! всё то, что вечно говорю о нем – я. И наконец Goethe, тот о котором говорю судя современность: Перед лицом Goethe –

Прочла только эти три стиха. Ушла, унося боль, радость, восторг, любовь – всё, кроме книжки, которую не могла купить, п. ч. ни одна моя не продавалась. И чувство: О, раз еще есть такие стихи!..

Тетрадь первая. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Точно меня сразу (из Борисоглебского переулка 1921 г.) поставили на самую
высокую гору и показали мне самую далекую даль.

* * *

Внешний повод, дорогой М. А., к этому моему письму – привет переданный мне от
Вас Г-жой Волковой.

* * *

(Письмо оставшееся без ответа.)

* * *

(Стихи к Кузмину в Ремесле: Два зарева – нет, зеркала! – 19-го русского июня
1921 г.)

* * *

Глаза умирающих –

* * *

В прекрасную даль.

Мы им не товарищи,

Нас им не жаль.

* * *

Встреча с поэтом (книгой) для меня благодать ниспосылаемая свыше. Иначе не
читаю.

* * *

Стихи о России

(Китеж-град или Версты)

Перечень

(в порядке написания)

* * *

(NB! Как хорошо, что не Китеж-град! Есть кажется в Париже такая книжная, а м. б.
и гастрономическая русская лавка. – 1932 г.)

* * *

Любить только женщин (женщине) или только мужчин (мужчине), заведомо исключая
обычное обратное – какая жуть!

А только женщин (мужчине) или только мужчин (женщине) заведомо исключая
необычное родное – какая скука!

И всё вместе – какая скудость.

Здесь действительно уместен возглас: будьте как боги!

Всякое заведомое исключение – жуть.

* * *

Трагедия голландского полотна платка, попавшего в круг сморкающихся в руку равна
только трагедии сморкающейся руки, попавшей в круг голландского полотна платков.

* * *

Мое непреодолимое отвращение к некоторым своим стихам – прекрасным, знаю, но
из мутных источников. Будущим до этого не будет дела, а мне дело – только до

Тетрадь первая. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
будущих.

* * *

Мужское во мне:

Боязнь обидеть поцелуем. Чувство: ты мне доверился, а я –.

Так было с Володей Алексеевым [37], с которым ни разу – потому что действительно доверился. Чувство – после поцелуя – позорной победы, постыдного торжества. Скука победы.

Неумение, чтобы меня любили: нечего делать.

* * *

Я, кажется, всех мужчин превращаю в женщин. Хоть бы какой-нибудь один меня – назад – в свой сверху: мой пол.

* * *

(Ряд стихов о Георгии)

* * *

Аля: Отсутствие захваченности, одержимости, полнейшее отсутствие упора, отпора, перебарывания. Сновидчество во всей его пассивности.

Безграничная художественная и душевная восприимчивость, но без выхода в действие.

* * *

Сны про С. Порода снов – новая.

Постель срывается. Несколько винтообразных кругов. – Не двор. – Чаща залы, лечу высоко, часть узнаю – из другого сна. – А! –

С. на постели, очевидно, госпиталя, стриженный, каким его в жизни никогда не видала (потом спросила Асю – стриженный!) и не представляю себе: бобриком, загорелый, не сон – он. В более ранних снах спрашивала, жив или нет. Никогда не отвечал, или – иносказательно. Сегодня (несколько снов: друг за другом – в одном сне (весь сон – минуты три)) уже не спросила. Не: его голос, глаза, улыбка, а – он, фраза не окончена. – М., Вы знаете, что М. И. Остен арестована? – А кто это? – Присутствующая Ася, укоризненно: – «М.! Ведь С. рассказывал!» Я: – Да, да! – Ее любил Мандельштам! Я: – Ну, если бы Вы знали, С., кого он здесь не любил!

Аля тоже здесь, входит, выходит. Помню ясно фразу, оканчивавшую? что-то, что исчезло: – «всё – Марина!»

Не сон о человеке, а сам он. Помню как клонился, клонился ко мне, головой в колени. Говорил о боли в ноге (рана). Я ясно, явно, ушами во сне (не воображением, не переводом желаемого в пропуск одного слова, мыслимого в слышимое) достоверно слышала его голос, не ушами сна, а ушами дня. Просто: я сейчас видала и слышала С. Загар, худоба, кротость, стриженность. В белой рубашке.

Это – особая порода снов, я бы сказала – тахітис дозволенной во сне – жизни (в отсутствии – присутствия). От сна – только закрытые глаза.

Часть сна: просыпаюсь, лежу на левом боку, свет, сердцебиение, поворачиваюсь на другой, покрываюсь одеялом с головой, зажимаю глаза, но сквозь сжатые ресницы –

Тетрадь первая. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
точно веки сняты – вижу: плэд с меня стягивают – толчек – срываюсь вместе с постелью. Несколько кругов по комнате, стена раздвигается, отвесный полет вниз. Я так привыкла к этому виду полета (непрерывности падения) что – с колокольни буду падать – не испугаюсь, т. е. испугаюсь точно так же как во сне: знакомо-испугаюсь. Падаешь – и не кончаешь, и знаешь, что не кончишь, не до-упадешь – и поселяешься в падении. Свыклась не сразу, через длинный ряд снов. Такие сны мне снились с 14 л. до 18-ти л., перерыв на 8 лет. 26-ти л., в 1919 г. начались опять, последние месяцы почти непрерывно: всё узнаю. Особенность и отличие от всех других: мне не снится, что я лечу: я лечу. Сон – предлог, я бы сказала: законный предлог, не больше. (Чтобы мне сразу не перейти в разряд летающих на Брокен.) Никакой «фантастики». Никаких туманностей. Та же я, и удивляюсь так же, как в жизни, когда удивительно. Еще особенность: тонкая подделка пробуждения. Все мои жесты ведомы и подсказаны, напр. – на правый бок, покрыться. Но плед снимают, веки видят.

Еще особенность: пустоты. Залы – без мебели, отвесы, геометричность. Цвет сероватый (как и в жизни, когда поглощенный одним, не обращаешь внимания: защитный цвет сосредоточенности). Под потолком – проволока. Часто – перила. Всегда заранее знаю, что сегодня так будет. Даже сейчас приготовила тетрадку и карандаш.

* * *

Я бы сказала так: – Каждую ночь я вижу С. Это бывает во сне.

* * *

Линия Благовещения:

Взгляд:

Она: раскрытые глаза, ожидание, пропуск одного-двух слов он хочет сказать, подымает глаза – остолбеневаает – она от взгляда – потупляется, он сказал, она ничего не слышала.

Линия движения: при виде его она встает с колен, он преклоняется. – Встреча глаз. – Она – ниц, он – уже вестник – встает.

* * *

Я не сновидящий, у меня зоркий сон. Я глазами вгрызаюсь, не в меня вливается. И сны так вижу – со всеми пятью чувствами (NB! в жизни у меня – одно, мои чувства во сне прозревают, в жизни они все, кроме слуха, бесконечно-притуплены, как сквозь вату, целую гору ваты. Так, могу долго держать горящий уголь, а держа бисеринку – ничего не чувствую, и запах чувствую только страшно-сильный, непереносимый для других, – точно ноздри заткнуты. О глазах говорить нечего – сплошной туман и сияние всех близоруких: звездные туманности на Смоленском рынке, напр. Вкус? Никогда его не проверяла, тоже, наверное, третьесортный. Впрочем то же что с руками – не обжигаюсь: пью и ем огонь. (Небо – вторые руки.)

Но слух, слух, слух. Слух не прощающий ничего. Слух благодаря которому я так иступленно страдала раньше чем в детстве: в младенчестве: когда немка-бонна Августа Ивановна что-то высасывала из зубов, и позже – когда в Лозанне старшие ученицы – Magda и Martha – что-то напевали, в два голоса, жирно и жаворочно-поднебесно. О, сжатые кулаки в ответ на смех. И полная беспомощность, ибо – кто поймет?)

* * *

Как другие продают на рынке – так я вижу сон.

* * *

Изобразительные искусства и слово.

Изобразительные искусства грубы, точно берут за шиворот: гляди, вот я. Очевидность. Наглядность. Crier sa beauté sur les toits [38]. Никто не может

Тетрадь первая. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
сказать, что картины нет – раз ее видел. Кроме того, даже если человек картины не понял, то всё-таки видел – цветные пятна. Т. е. глаз его удовлетворен, ибо глазу большего не нужно, большее нужно – разуму.

А стихи? Восемь буквенных строчек. А Музыка? Пришпиленные блохи нот. Никакой красоты, никакого подкупа. Меня нужно понять – либо меня нет. Отсюда и пропуск одного слова беззащитность слова. И поэта.

* * *

Отрывок письма к Чаброву. [39]

Алексей Александрович! Вечером мне уже недостает Вас, моему волнению – Вашего. Душа с двух раз – привыкла. Сейчас мне никто не нужен, все лишние. Моя пустыня заселена: кони, крылья. Но Вы сам – из них. В Вас ровно столько человеческого, сколько мне сейчас нужно: меньше было бы скучно, больше – трудно. Когда я с Вами, я – впервые за три года – не делаюсь Вами, не расстаюсь с собой. Я, с Вами – одна в комнате, думаю вслух (как часто это делаю в жизни). (А! поймала себя: «в жизни» – стало быть это не в жизни? – Проверяю себя. – Не в жизни.) Думаю вслух, а о Вас – не думаю.

При моей 1) учтивости 2) хищности (а другого заполучаешь только им же. Я – по крайней мере. Наталья Гончарова, напр., Пушкина – собой. Как Лиля Брик – Маяковского. Собой, т. е. пустотой (красотой)) – итак: при моей учтивости и хищности это думанье вслух – всецело от Вас. При всем желании не могу сосредоточиться на Вас, п. ч. «на Вас» это уже – другой, а здесь, – ни меня ни Вас: одно: – что? (М. б. это и есть дружба? П. ч. любовь определено два, двое – которые друг в друга ломаются и друг о друга расшибаются: рог о рог и лоб о лоб.)

Если двое, сговорившись идти направо, захотят обмануть друг друга, они оба повернут налево – и опять совпадут. (Мы.)

Отношение которое может изумительно изощряться. У нас с Вами, кажется, одно мастерство.

* * *

(Письма к С. М. В., это – к Чаброву и т. д. и т. д. – чувство, что в фраза не окончена

* * *

(Моя старая пятнистая советская тетрадь, из которой переписываю, греется на солнце как старая черепаха или ящерица. И я рада за нее – как за старую черепаху или ящерицу.

– 10-го июля 1932 г.)

* * *

Благовествующий час.

Полная чаша.

(Несколько попыток Благовещения)

* * *

О, всеми ветрами

колеблемый лотос!

Георгия – робость,

Георгия – кротость.

Очей ...

и влажных

Суровая – детская – смертная важность.

* * *

О – в мире чудовищ

Георгия – совесть,

Георгия – благодать,

Георгия – слабость...

* * *

Ты блудную снова

Простивший жену...

* * *

– Так слушай же!

* * *

– и после этих слов – письмо

* * *

1-го русского июля 1921 г.

в 10 ч. вечера

письмо от С.

– Георгий Победоносец! – Бог! Все крылатые сонмы!

– Спасибо.

* * *

(NB! Всё это красным чернилом и вершковыми буквами.)

* * *

Когда из глаз твоих сиротских скроюсь –

Не плачь, дитя. – Тебе мальтийский пояс

Останется.

* * *

(NB! Настоящий: черный с золотыми терниями, и поныне у меня в корзине. – 1932 г. Шпага осталась между двух балок, на борисоглебском чердаке.)

* * *

(Запись карандашом:)

Если от счастья не умирают – то – (какое-то слово пропущено, очевидно: наглядно, достоверно) – от счастья каменеют. Я закаменела. – Слезы через три часа. – Два самых счастливых дня: 25-го марта (Благовещение) 1919 г. – и сегодня, 1-ое русского июля (весь день мерещилось Благовещенье). С сегодняшнего дня – жизнь. Впервые живу. Всё время с 18-го января 1918 г. [40] висела в воздухе. – Краткие передышки: секунды получения письма. А последние месяцы – после ноября [41] – уж совсем на облаке. Глядела в небо как домой.

* * *

– Письмо к С. –

Мой Сереженька! Если от счастья не умирают то – во всяком случае – каменеют. Только что получила Ваше письмо. Закаменела. – Последние вести о Вас, после Эренбурга, от Аси: Ваше письмо к Максусу. Потом пустота. Не знаю, с чего начать. – Знаю с чего начать: то чем и кончу: моя любовь к Вам. Письмо через Эренбурга пропало – Бог с ним! я ведь не знала, пишу ли я кому-нибудь. Это было

(В тетради – неокончено)

* * *

Дальше беловики Георгия (О, всеми ветрами...)

* * *

(Стихи: В сокровищницу полуночных глубин [42], Возвращение Вождя, А девы – не надо [43], и С чужеземного берега, не вошедшее в Ремесло. А впрочем: С чужеземного берега – раньше, до письма, очевидно вписано спустя, для памяти, на первое свободное место, – ибо (всё красным) – лиловым чернилом:)

* * *

С чужеземного берега иль с облака

слышишь – слышь: [44]

Через

Тем же голосом спящим тебе отвечаю: да!

С чужеземного берега иль с облака

смотришь – видь:

За изменой измена – кольца не сумела чтить

Но одно уцелело: мужская морская честь:

Тем же голосом медным тебе отвечаю: есть!

С чужеземного берега иль с облака

В благовещенский день мой, под

Устремив свою душу как птицу в пролет окна

Тем же голосом льстивым

* * *

(Очевидно – конец июня 1921 г.)

* * *

я, седая бродяга...

(Тогда – не седая, но я всегда опережаю:

Тот чьи следы – всегда простыли,

Тот поезд, на который – все

Запаздывают...) [45]

* * *

...Каждый врозь и все дыбом

Под рукой нелюбимой.

Каждый вглядь и все долу –
Под любимой ладонью.

Аполлону на лиру
Семь волосиков вырву
С легким привкусом дыма,
С легким привкусом тмина...

Аполлону – на струны,
Птицелову – на сети...

* * *

(3-го июля 1921 г.)

* * *

(Стихи. Жив и здоров! – Под горем не горбась – Команда, вскачь! [46] – в последнем варианты:)

* * *

Спокойною рукою оправил китель
Команда: вплавь!
Пятидесяти кораблей Предводитель –
Георгий, правь!

и еще:

Спокойной рукою
Команда: вплавь!
Чтоб всем до единого им под портик
Софийский – правь!

* * *

Сны:

Лунная ночь. Южный большой город. Идем с Алей мимо вечернего празднества, очевидно морского корпуса. Костры – и под луной – некий торжественный церемониал. Церемониал в юморе. Похороны не-умершего (нарочные) – куплеты на заунывный лад – золотые треуголки под луной – маниакально-марионеточная точность движений: всё преувеличенно-в лад. Припев: – «А мы еще так можем – и так можем – и так можем...» (соответствующая замедленная жестикуляция). Торжественный гротеск. Обряд. Сворачиваем в сторону, я – Але: «Зрелище явно-беззаконное и контрреволюционное: кортики, треуголки...» И – обомлеваю: – Аля! Перед глазами арка красного кирпича, старая, довременная какая-то, красная даже под луной. [47] Какой-то проход. И в арке, шагах в двадцати – татары. Четверо: белые балахоны, войлочные белые цилиндры, неподвижность. Один манит рукой: – «Красавица! Скажи мне!» В голосе и жесте – зазывание. Отступаем (медленно, как в жизни, когда боюсь). – «Так дочку нам свою оставь!» Чувствую в Алиной ладони ее бьющееся сердце. Крутой поворот, бежим. Женщина в пестром платке – трава – развалины. Мы здесь не шли, но бежим обратно. – «Татары!» Женщина, по инерции, еще несколько шагов – и, услышав! поняв! – падает. Бежим. Каменный ход под сводами. Бежим. Али не чувствую, только рука ее. Каменный топот татар. Ход

Тетрадь первая. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
сначала вниз, потом подымается, и снова вниз и вновь подымается, – и снова – и снова. Наконец понимаю: мы топчемся на одном месте! Пропуск одного-двух слов! Из последних сил – в бесчисленный раз – и – в боковую дверку и – на пол. Ванная детского приюта. Аля почти что без дыхания. Забиваемся в угол, на пол. Аля, одними губами: – «Умереть!» Сидим на полу. Окно: матовое. За ним – лестницей – тени поднимающихся детей. Выжидаем. Тени – дальше. Но татары могут свернуть. Я – Але: – «Идем!» Она, с полузакрытыми глазами, в изнеможении: – Умереть. Беру за руку, молнией по лестнице. У закрытой двери – дама. – «Ради Бога – пустите – татары...» Она, не удивляясь: – Нельзя. – Куда-нибудь, хоть на полу... Я дочь профессора Цветаева, у меня билет Союза... Смягчается, ведет вверх. Приветливая клетушечка – débarras [48]. На кровати – хлеб. Сажает Алю в кресло, надевает ей шляпу, и мне шляпу. На моей какие-то надписи, письма, женские имена на незнакомом языке. Шляпа мала, вдавливая мне ее и, певуче: – «Я их знаю, я у них была, они бы не вернули Вам Вашей дочери». – «Самый старый – самый ...?» – «Не – ет, он жалеет, он с ними и жалеет, он сопровождает... Какая хорошая девочка...» Отрезает кусок хлеба Але и мне. – «Их знают, их все знают... Какая красивая шляпа!» И, певуче – имя за именем – те неведомые имена. – «А это (кажется: Джалина) – они мне дали, так я у них звалась. Какая красивая шляпа!» Я, замороженно: – «Вы любуетесь – собой же!..»

* * *

Просыпаюсь, холодею. А ведь татары могли первые сообразить, что мы бежим по кругу – могли просто ждать – или – еще лучше! – пойти навстречу. Слава Богу, что я во сне этого не сообразила – это бы случилось. Особенность моих снов: подсказываемость – мною – событий. [49] Тем, что – предчувствую, тем – что боюсь, тем – что хочу – подсказываю. О, как я бы тогда испугалась – я бы умерла. Они бы ждали недвижно.

И они этого хотели: моего испуга. Они всё знали: и замкнутость хода, и бессмысленность бегства, и боковую дверку. Но пока я не испугалась возможности их явления навстречу – они явиться не смели – должны были бежать – и всегда на том же расстоянии. Всё дело было в моем страхе: а вдруг остановятся! Тайная игра. И проиграли – они.

Они не были убийцы. Они заворачивали. Та которая у них была, с цветными шляпами, осталась замороженная, и сама заворачивала, в ее голосе была любовь к нам. И – ведь сон оборвался – кто знает?..

Никогда не забуду: красная кирпичная арка, красная даже под луной, почти звенящая лазорь – и в белых балахонах – как древние каменные идола – с одинаковым призывом правой руки – татары.

* * *

Каменщики. Ком-Ин-Терн. Немецкие песни. Прыжок в окно. – Не боюсь. – Беседа. – Папиросы. – Оказалась женщина.

* * *

И – внезапное допонимание:

Детский приют. – Молчаливая теневая лестница детей – ни звука! – «какая красивая девочка!» – заворачивающестъ существа – м. б. всё было предуказано под строкой, после «преду-» : смотрено! – и боковая дверка? М. б. мы, спасаясь от них – к ним же? И выиграли – они?..

– О! –

* * *

(Все сны – карандашом, спросонья, слепыми глазами. По горячему следу.)

* * *

Не на одной земле –

Одном стебле.

Не на одной земле –
В одном седле.

Не на одной земле –
Одном крыле!

7-го русского июля 1921 г.

* * *
Не лавром, а тёрном
На царство венчанный,
В седле – а крылатый!

Вкруг узкого стана
На бархате черном
Мальтийское злато.

иглы

Терновые – Богу
И другу – присяга.

Высокий загиб
Лебединый – и сбоку
Мальтийская шпага.

Мальтийского Ордена
Рыцарь – Георгий,
Не пьющий, не спящий,

Мальтийского Ордена
Рыцарь – Георгий,
На жен не глядящий.

Когда-то Дракона
Сразивший, а ныне
К широкому Дону

Горючей пустыней
К Тому под знамена

Тетрадь первая. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
На помощь спешащий...

* * *

(Не кончено)

* * *

Тихонько:

Рукой осторожной и тонкой

Распутая путы:

Рученки и звенья

Льняные – и поволоку амазонку

По звонким, пустым ступеням раздруженья...

* * *

Рученки – и тенью

Летейскою поволоку амазонку

По звонким, пустым ступеням раздруженья...

* * *

Как черная Лета

С плечей моих льется

Одежда...

* * *

(Варианты – того [50], в Ремесле)

* * *

А той, что в петлицу тебе – в слезах –

Святой продевала знак,

Скажи: не чужая в моем дому, –

Что руку ей крепко жму.

А той, что в растерянный конский скок –

Широкой рукой – цветок,

Скажи – что доколе дыханье есть –

Что вечно он будет цвести!

А пуговицы пришивающей – той –

Поклон от меня земной.

* * *

Старое письмо, заложенное на этом месте

Тетрадь первая. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Москва, 2-го сентября 1918 г.

Милая Аля!

Мы еще не уехали. Вчера на вокзале была такая огромная толпа, что билеты-то мы взяли, а в вагон не сели.

Домой возвращаться мне не хотелось – дурная примета, и я ночевала у Малиновского [51]. У него волшебная маленькая комната: на стенах музыкальные инструменты: виолончель, мандолина, гитара, – картины, где много неба, много леса и нет людей, огромный зеленый письменный стол с книгами и рисунками, старинный рояль, под которым спит собака «Мисс» (по-английски значит – барышня).

Мы готовили с Малиновским ужин, потом играли вместе: он на мандолине, я на рояле. Вспоминали Александров, Маврикия, Асю, всю ту чудную жизнь. [52] У него на одной картине есть тот александровский овраг, где – ты помнишь? – мы гуляли с Андрюшей и потом убегали от теленка [53].

Сейчас раннее утро, все в доме спят. Я тихонько встала, оделась и вот пишу тебе. Скоро пойдем на вокзал, встанем в очередь и – нужно надеяться, сегодня уедем.

На вокзале к нам то и дело подходили голодные люди, – умоляли дать кусочек хлеба или денег. Поэтому, Аля, ешь хорошо, пойми, что грех плохо есть, когда столько людей умирает с голоду. У Нади [54] будет хлеб, кушай утром, за обедом и вечером. И каждый день кушай яйцо – утром, за чаем. И пусть Надя наливает тебе в чай молоко.

Пиши каждый день, читай свою книгу, если придет кто-нибудь чужой, будь умницей, отвечай на вопросы. Поцелуй за меня никодима и Таню [55], если их увидишь.

Целую тебя, Алечка, Христос с тобой, будь здорова, не забывай молиться вечером.

(Мой отъезд напоминает мне сказку про козу и козленят, – «ушла коза в лес за кормом...».)

Поцелуй за меня Ирине [56] ручку и самоё-себя в зеркало.

До свидания!

Марина

Кланяйся Наде.

* * *

Записи с моей стены

Сколь восхитительна проповедь равенства из княжеских уст – столь омерзительна из дворницких.

* * *

Внутренняя (жизненная) заражаемость при полнейшем отсутствии подражательности – вот моя жизнь и стихи.

Тетрадь первая. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

* * *

Бог больше Мира, мать больше ребенка, Гёте – больше Фауста. Стало быть мать Гёте – больше Гёте? Да, потому что – может быть – в ее недрах дремал нерожденный сверх-Гёте.

* * *

Ничтожен и не-поэт – тот поэт, жизнь которого не поэма. – Опровергните!

* * *

(Для утверждения или опровержения нужно было бы сначала определить что такое поэма а главное не-поэма. 1932 г.)

* * *

Лбы стариков. – Победа Верха. – Триумфальный вход (свод) в Смерть (Бессмертье).

* * *

Не спать для кого-нибудь – да! (шить, переписывать)

Не спать над кем-нибудь – да!

Не спать из-за кого-нибудь – ну, нет!

* * *

Желяя польстить царю, мы отмечаем человеческое в нем – дарование, свойство характера, удачное слово, т. е. духовное, т. е. наше.

Желяя польстить нам цари хвалят: чашку из которой мы их угощаем, пропуск двух-трех слов, копеечного петуха в руках у нашего ребенка, т. е. вещественное, т. е. их(-нее), то, чем они так сверх-богаты.

Вся моя история с Волконским.

* * *

(Причем оба – неизбежно – всей осознанной недоступностью им – нашего, нам – ихнего – до гомерических размеров – усиливаем. Каждый дó неба превозносит в другом – свое, данное тому в размерах булавочной головки.

– А м. б. – то, в чем знает толк.

– А м. б.

Оставлен пробел в две строчки.

* * *

История Волконского с Николаем II (Фижмы). История Гёте с Карлом-Августом (любая биография Гёте, – его выход из дирекции Театра). [57]

– Так, начав со сходства основного, нападаю понемногу и на сходство внешних судеб, – которых, между прочим (внешней судьбы) – нет. Жизнь такая же проекция внутренней судьбы – как лицо.

* * *

– Вы любите Гёте?

С. М. В., мечтательно: – «Нет – представьте себе! – никогда не любил... Он мне всегда казался таким холодным, бесстрастным...»

(– А себя бы ты – любил??)

* * *

Я, к С. – Я не знала, где Вы, но была там же где Вы, а так как не знала, где Вы, то не знала, где я – но я знала, что я с Вами.

* * *

Стахович [58] был барственен, Волконский царственен: все повадки: точность приходов (однажды, в проливной дождь, я, потрясенная, глазам своим не веря: – «С. М. Вы?!» – «Я же сказал...» – «Но...» – «Это так освежает... Я всегда отлично чувствую себя в природе, во всех ее проявлениях (с хищной улыбкой:) чего не могу сказать (не улыбка, а змея: и, тихим шипом:) ... о человеческом обществе...»

Итак: точность приходов, вычеркивание человека из жизни как только не простился перед отъездом (привычка к царедворцам), глаз на красивые мелочи быта (тарелка, застежка на кушаке), незамечание бытовых изъянов, доверчивая занятость – озабоченность – поглощенность собой, полнейшее равнодушие к (отрицательной) обстановке (пропуск двух-трех слов – со мною!) романтическая любовь к неожиданностям. Так, Революция, уничтожившая буржуазию, его и не коснулась: приключение. И, пожалуй, в глубине души – лично за себя – тайно – рад.

* * *

Ночь: (вслепую, карандашом, – очевидно электричество у нас так и не загорелось)

С ужасом думаю о притуплении чувства за последние годы, – не любовного (брезгую!) – жалости. Между мной 18 л. и мной 28 л. в этом пропуск одного слова – бездна, а мною 8 л. и 28 л. – несоизмеримость. Точно творческая сила (умение всё проявить: уверенность со всем справиться) съела и это. Только сон (сновидение) возвращает. И С.

* * *

Нет. Просто Бог опомнился и дал первый слой кожи. (1932 г.)

* * *

Уехал | на последнем корабле

Последним –|

– Удар крыла! – взлет крови – междометье –

И поворотом памяти – к тебе –

Туда – в твое восемнадцатилетие.

Лепечущим младенчеством зыбей

Эвксинских – высь ! Лавром

Обласканная. Взор, благоговей:

Мы снова на листе заглавном.

Земля высокомерная! Ступню

Отталкивающая как ладоню!

Когда ж опять на грудь твою | ступлю

тебе |

Заносчивой пятою амазоньей, –

Сестра высокомерная! Шагов

Тетрадь первая. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Не помнящая!

Земля, земля Героев и Богов –

Амфитеатр моего Восхода!

* * *

Тебя пою, пергаментная сушь

Высокодышащей земли Орфея!

Кормилица Героя и орла...

[...]

Лишь оттиск берегущая крыла –

Земного не приемлющая следа...

* * *

Смерть Блока. Стихи к Блоку.

* * *

Чрево, ужель не узнало – чада?

* * *

Единственный случай совпадения протокола и легенды: Жанна д'Арк.

* * *

Не потому сейчас нет Данта, Ариоста, Гёте, что дар словесный меньше, – нет: есть мастера слова – большие. Но те были мастера дела, те жили свою жизнь, а эти жизнью сделали писание стихов. Оттого так – над всеми – Блок. Больше, чем поэт: человек.

* * *

(Верно и спорно, но оспорить могла бы только я же.)

* * *

Прямо в эфир

Вьется тропа.

– Остановись!

Юность слепа.

Ввысь им и ввысь!

В синюю рожь!

– Остановись! –

В небо ступнешь!

Справа, напротив стихотворения, поперек страницы: NB! Если бы критики вместо зачем и почему (написано) отмечали бы такие вещи как:

Прямо в эфир

Вьется тропа.

* * *

(Ich will nicht länger

Тетрадь первая. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Am Boden hocken!

Lasst meine Kleider!

Lasst meine Locken!

Lasst meine Hände –

Sie sind ja mein!) [59]

* * *

(Стихи Отрок, Огнепоклонник) [60]

* * *

По мановенью горят, гаснут

* * *

Гляну – горят, отвернусь – гаснут...

* * *

Дай уголек проглочу на-смех...

(кому? себе, над собой же)

* * *

14-го русского августа 1921 г.

* * *

Письмо к Ахматовой

(После смерти Блока)

Дорогая Анна Андреевна! Мне трудно Вам писать. Мне кажется – Вам ничего не нужно. Есть немецкое слово Säule [61] – по-русски нет – такой я Вас вижу: прекрасным обломком среди уцелевших деревьев. Их шум и Ваше молчание – что тут третьему? И всё-таки пишу Вам, потому что я тоже дерево: брэнное, льну к вечному. Дерево и людям: проходят, садятся (мне под тень, мне под солнце) – проходят. Я – пребываю. А потом меня срубят и сожгут, и я буду огонь. (Шкафов из меня не делают.)

* * *

Смерть Блока. Еще ничего не понимаю и долго не буду понимать. Думаю: смерти никто не понимает. Когда человек говорит: смерть, он думает: жизнь. Ибо, если человек, умирая, задыхается и боится – или – наоборот – пропуск одного слова то всё это: и задыхание – и страх – и пропуск одного слова жизнь. Смерть – это когда меня нет. Я же не могу почувствовать, что меня нет. Значит, своей смерти нет. Есть только смерть чужая: т. е. местная пустота, опустевшее место (уехал и где-то живет), т. е. опять-таки жизнь, не смерть, невыслыма пока ты жив. Его нет здесь (но где-то есть). Его нет – нет, ибо нам ничего не дано понять иначе как через себя, всякое иное понимание – попугайное повторение звуков.

Я думаю: страх смерти есть страх бытия в небытии, жизни – в гробу: буду лежать и по мне будут ползать черви. Таких как я и поэтому нужно жечь.

Кроме того – разве мое тело – я? [62] Разве оно слушает музыку, пишет стихи и т. д.? Тело умеет только служить, слушаться. Тело – платье. Какое мне дело, если у меня его украли, в какую дыру, под каким камнем его закопал вор?

Чорт с ним! (и с вором и с платьем).

* * *

Смерть Блока.

Удивительно не то, что он умер, а то, что он жил. [63] Мало земных примет, мало платья. Он как-то сразу стал ликом, заживо-посмертным (в нашей любви). Ничего не оборвалось, – отделилось. Весь он – такое явное торжество духа, такой воочию – дух, что удивительно, как жизнь вообще – допустила? (Быть так в нем – разбитой!)

Смерть Блока я чувствую как вознесение.

Человеческую боль свою глотаю: для него она кончена, не будем и мы думать о ней (отождествлять его с ней). Не хочу его в гробу, хочу его в зорях. (Вытянувшись на той туче!)

* * *

Но так как я более человек, чем кто-либо, так как мне дороги все земные приметы (здесь – священные), то нежно прошу Вас: напишите мне правду о его смерти. Здесь дорого всё. В Москве много легенд, отталкиваю. Хочу правды о праведнике.

* * *

Моя Радость! [64] жизнь сложна. Рвусь, п. ч. теперь знаю, что жив – 1-го июля письмо, первое после двух лет молчания. Рвусь – и весь день обслуживаю чужих. Не могу жить без трудностей – не оправдана. Чувство круговой поруки: я – здесь – другим, кто-то – там – ему. Разговоры о том, как и что «загнать», сумасшедшие планы, собственная зависимость и беспомощность, чужие жизни, которые нужно устраивать, ибо другие еще беспомощнее (я, по крайней мере, веселюсь!) целый день чужая жизнь, где я м. б. и не так необходима. Сейчас у меня живут двое [65]. Целый день топлю, колю, кормлю. Недавно – случай. Отупев и озверев от вечного варенья каш, прошу одного из своих – как бы сказать? – неуходящих гостей поварить за меня – раз всё равно сидит и глядит в огонь – той же печки. И, изумленная гениальной простотой выхода, иду в свою комнату писать. – Час или сколько? – И вдруг: запах, сначала смутный, т. е. не доходящий до сознания, верней доходящий как легкая помеха: чем-то гадким (но когда же – за годы – хорошим??). Запах (а м. б. сознание) усиливается. Резко. Непереносимо. И – озарение: что-то горит! И – уже откровение: кастрюля горит, сама, одна!

Вбегаю в столовую (как прежде называлось, ныне – лесопильня и каменоломня, а в общем пещера).

У печки, на обломке, мой кашевар.

– Что это? – Мечтательный взмах палестинских глаз. – «Я не знаю». – Да ведь – каша горит! Всё дно сгорело! Да ведь каши-то уж никакой и нет, всё сгорело, всё, всё! – Я не знаю: я мешал. – А воды не подливали? – «Нет. Вы не сказали. Вы сказали: мешайте. Я мешал». В руке – обломок, верней останок ложки, сгоревшей вместе с кашей и кастрюлей – у него в руке.

* * *

сидел и мешал.

* * *

О том же Миндлине (феодосийский семнадцатилетний женатый поэт). Волькенштейн с еще кем-то, проходя ко мне:

– Всё как следует. И дежурный варит кашу. (Он-то – «дежурный» – в другом смысле, а я – как солдат, деньщик.)

* * *

Пишу урывками – как награда. Стихи – роскошь. Вечное чувство, что не вправе. И – вопреки всему – благодаря всему – веселье, только не совсем такое простое – как кажется.

* * *

Тетрадь первая. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Посылаю Вам шаль.

– Аля, послать Ахматовой? – Конечно, Марина! Вы породы шальной, а не шальной. – Дорогая моя шальная порода, носите, если понравится. Я для Вас не только шаль – шкуру с плеч сдеру!

Целую нежно. Пишите

МЦ.

17-го русского августа 1921 г.

(Эгоцентризм письма, происходящий не от эгоизма, а от бесплотности отношений: Блока видела три раза – издали – Ахматову – никогда. Переписка с тенью. – 1932 г. И даже не переписка, ибо пишу одна.)

* * *

(Стихи: Виноградины тщетно в саду ржавели [66] – Сивилла (Горбачусь – из серого камня – Сивилла) [67]. Первая сцена Давида, которую перепису в отдельную тетрадь отрывков и замыслов.)

* * *

Под музыку.

Страшное ослабление, падение во мне эмоционального начала: воспоминание о чувствах. Чувствую только во сне или под музыку. Живу явно-рациональным началом: душа стала разумной, верней разум стал душой. Раньше жила смутой: тоской, любовью, жила безумно, ничего не понимала, не хотела и не умела ни определить ни закрепить. Теперь малейшее движение в себе и в другом – ясно: отчего и почему.

Выбивают меня из седла только музыка и сон.

* * *

Аля: – Марина! Я подметала и думала о евреях. Тогда – из тысяч тысяч – поверил один, теперь – Ленину и Троцкому – на тысячу вряд ли один не поверит.

– Аля! Вся Библия – погоня Бога за народом. Бог гонится, евреи убегают.

* * *

(Сплошные пласты Саула.)

* * *

К Ахматовой:

(в ответ на упорный слух о ее смерти)

Соревнования короста

В нас не осилила родства.

И поделили мы так просто:

Твой – Петербург, моя – Москва.

Блаженно так и бескорыстно

Мой гений твоему внимал

На каждый вздох твой рукописный
Дыхания вздымался вал.

Но вал моей гордыни польской –
Как пал он! С златозарных гор
Мои стихи как добровольцы
К тебе стекались под шатер...

Дойдет ли в пустоте эфира
Моя лирическая лесь?
И безутешна я, что женской лиры
Одной, одной мне тягу несть.

* * *

30-го августа 1921 г.

* * *

Письмо к Ахматовой

31-го русского августа 1921 г.

Дорогая Анна Андреевна! Все эти дни о Вас ходили мрачные слухи, с каждым часом упорнее и неопровержимей. Пишу Вам об этом п. ч. знаю, что до Вас всё равно дойдет, – хочу чтобы по крайней мере дошло верно. Скажу Вам, что единственным – с моего ведома – Вашим другом (друг – действие!) среди поэтов оказался Маяковский, с видом убитого быка бродивший по картонажу Кафэ Поэтов. Убитый горем – у него, правда, был такой вид. Он же и дал через знакомых телеграмму с запросом о Вас, и ему я обязана второй нестерпимейшей радостью своей жизни (первая – весть о С., о котором я ничего не знала два года). Об остальных (поэтах) не буду рассказывать, – не п. ч. это бы Вас огорчило: кто они, чтобы это могло Вас огорчить? – просто не хочется тупить пера.

Эти дни я – в надежде узнать о Вас – провела в кафэ поэтов – что за уроды! что за убожества! что за ублюдки! Тут всё: и гомункулусы, и автоматы, и ревущие быки, и ялтинские проводники с покрашенными губами.

Вчера было состязание: лавр – титул соревнователя в действительные члены Союза. Общих два русла: Надсон и Маяковский. Отказались бы и Надсон и Маяковский. Тут были и розы, и слезы, и трупы, и пианисты, играющие в четыре ноги по клавишам мостовой (NB! знаю я этих «пианистов», просто – собаки! NB! паршивые), и «монотонный тон кукушки» (так начинался один стих), и поэма о японской девушке, которую я любил (тема Бальмонта, исполнение Северянина)

Это было у моря,
Где цветут анемоны...

И весь зал, хором:

Где встречается редко...

Городской экипаж

Но самое нестерпимое и безнадежное было то, что больше всего ржавшие и гикавшие – САМИ ТАКИЕ ЖЕ, – со вчерашнего состязания.

Вся разница, что они уже поняли немодность Северянина, заменили его (худшим!) Шершеневичем.

На эстраде Бобров, Аксёнов, Арго (громадный рыжий детина вроде мясника), Грузинов. – Поэты. –

И – шантанный номер: крохотный – с мизинчик! – красноармеец (красноармейчик) вроде Петрушки, красная рисунок шапки шапка (кажется – шлык!) лицо луковицей.

– Товарищи! А я вам расскажу, как один прапор справлял именины! (Руки – рупором:) – Матрёшка! Коли гости придут – не принимать, нет дома.

Кто-то из жури, вежливо: – «Позвольте, товарищ! Да ведь это анекдот».

– Матрё – ёшка!!

– Здесь стихи читают.

И красноармеец: – «Довольно нам, товарищи, катать на своей спине бар! Пусть теперь баре нас покатают!»

И я, на блок-ноте, Аксёнову: – «Господин Аксёнов, ради Бога – достоверность об Ахматовой. (Был слух, что он видел Маяковского.) Боюсь, что не досижу до конца состязания».

И учащенный кивок Аксёнова. Значит – жива.

* * *

Дорогая Анна Андреевна, чтобы понять этот мой вчерашний вечер, этот аксёновский – мне – кивок, нужно было бы знать три моих предыдущих дня – несказанных. Страшный сон: хочу проснуться – и не могу. Я ко всем подходила в упор, вымаливала Вашу жизнь. Еще бы немножко – я бы словами сказала: – «Господа, сделайте так, чтобы Ахматова была жива». Я загадывала на Вас по Библии – вот: Le Dieu des forces... [68] Утешила меня Аля: – «Марина! У нее же – сын!» (Скажу еще одно – спокойно: после С. и Али Вы мое самое дорогое на земле. Такого восторга как Вы мне не дает никто.)

* * *

Вчера после окончания вечера просила у Боброва командировку: к Ахматовой. Вокруг смеются. – «Господа, я Вам десять вечеров подряд буду читать бесплатно – и у меня всегда полный зал!» Эти три дня (без Вас) для меня Петербурга уже не существовало, да что – Петербурга... Эти дни – Октябрь и Перекоп. Вчерашний вечер – чудо: стала облаком в славе лучей. На днях буду читать о Вас – в первый раз в жизни: питаю отвращение к докладам – но не могу уступить этой чести другому. Впрочем, всё, что я имею сказать – осанна! Не «доклад», а любовь.

То, что скажу, запишу и привезу Вам. Привезу Вам и Алю.

Кончаю – как Аля кончает письма к отцу:

Целую и низко кланяюсь.

МЦ.

* * *

Луна несет с собой пустыню.

* * *

Ночь – жертвенная, стихия совести. Стояние над могилой: мало любил!

* * *

Не надо работать над стихами, надо чтоб стих над тобой (в тебе!) работал.

* * *

Высокодышащая грудь земли.

* * *

Ветер потерь.

* * *

(Пласты Саула. Стих к Маяковскому – тот, что в Ремесле – очевидно в благодарность за Ахматову.)

* * *

Не обольстись личиной спокойной:

я Ревность, зажигающая войны.

Не доверяй потупленной рабе:

Лишь в первый день служанка я тебе!

Еще   угождаю,

А уж родные шепчутся: чужая!

Уже звонят во все колокола –

А я еще очей не подняла!

А подняла –

Что не узнал троянскую проказу?

* * *

Если я на тебя смотрю, это не значит, что я тебя вижу!

(Я – всем.)

12-го русского сентября 1921 г.

* * *

Если я на тебя смотрю, это значит, что я тебя не вижу, – видела бы (доходило бы до сознания) – не смотрела бы. (1932 г.)

На людей я смотрю только глубоко задумавшись, т. е. ничего не видя: т. е. совершенно бессмысленно, безмысленно, именно как бык на новые ворота.

Ничего не видя, но всё-таки смутно отвращаясь как никогда не отвращаюсь от телеграфного столба или остря колокольни. Быстро отвращаясь (просыпаясь).

(1932 г.)

* * *

Аля: – Марина! Скажите мне какого-нб. художника, который рисовал каррикатуры.

Я, неуверенно: – Гойя?

– Марина, если бы Гойя прошел по этим улицам и видел озабоченность, с какой здесь везут тележку с пайком и беспечность, с какой везут гроб с покойником!

* * *

Революция уничтожила в русской орфографии женский род: райские розы. Равноправие, т. е. будь мужчиной – или совсем не будь!

* * *

Аля: – Марина, я иногда люблю вдыхать запах до крайности, пока что-нб. насильно не оторвет.

* * *

Сегодня была минута, когда у меня на спине (горбу) сидели три кошки: сначала Грэгори, потом присоединился Лемур и, наконец – Хитú. И все – сами! К моему великому ужасу, ибо еще секунда – и я осталась без глаз. (Со спины естественно перешли повсюду: ожерельем.)

Дурак, вошедший бы в эту минуту, назвал бы это стилизацией, еще бóльший дурак – стилем. (Как Ш-ро, напр., узнавший, что я ем одни бобы – NB! последнее в пайке, ибо всё остальное пожирается и отдается сразу – сказал, что это «стильно».) А я называю – напастью. Кошки меня изумительно любят (чуют мою беспомощность, неумение вовремя сбросить).

Около 15-го русского сентября 1921 г.

* * *

Аля 18-го русского сентября 1921 г.

– Марина! Какое блаженство – быть кошкой и любимой!

– Марина! А у советских работников – бог обедов?

* * *

(В ответ на мои стихи:

Бью крылом

Богу побегов) [69]

* * *

(Ряд стихов «Ханский полон».)

* * *

Аля, мне:

– Вы похожи на фантастические фигуры в моей азбуке: икс-игрек!

Тетрадь первая. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
(Я в Сережиной куртке – и шали.)

* * *

Аля, 26-го русского сентября (мой день рождения – 29 лет и Сережин – 28 лет)

– М., как я рада, что у меня большие ноги! Большая нога – это твердость и
быстрость. У римских полководцев, напр., у спартанцев.

* * *

Дарю Але «Герои древности» для развития в ней доблести, и что же? – любимцем
оказывается Алкивиад.

* * *

Моя обувь и Алины глаза – вот все наши козыри. – Вопиют.

* * *

Как жимолость вокруг дуба обвилась,
Как водоросль льнет к Леандру Геро.

* * *

Брал города,

Статен и бел...

Конь мой! Куда

Всадника дел?

...Месяц мой новый,

Кинжал кривой!

К конскому кову

Клонюсь травой...

С самого краю

Теперь – трава

* * *

Оставлен пробел в две строки.

* * *

В 1918 г. я уже ходила, а в 1921 г. еще хожу в мужской обуви. (Тогда еще, а
теперь уже никто.)

* * *

С первого дня революции (28-го февраля) я уже знала: всё пропало! и поняв, не
сопротивлялась (NB! не отстаивала).

* * *

Низенькие окошки, за которыми такие огромные глаза. (Заставы.)

* * *

Але суждено воскресить древних богинь.

* * *

Сейчас одежда создает форму, тогда – тело под одеждой.

(Проще: сейчас одежда создает тело, тогда тело – одежду.)

* * *

Тетрадь первая. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Удивительное чутье Али жеста при ненависти к театру. Изображает: Диану над Эндимионом, стража бодрствующего, стража спящего, женщину которая увидела богиню. В Але есть начало статуи.

* * *

(Теперь – одиннадцать лет спустя – как сбылось! И внешне, и внутренне. И как я об эту статуарность – ежечасно и бесполезно – бьюсь.) (1932 г., июль)

* * *

Алина история про голого герцога:

Очень мрачный и совершенно голый герцог расхаживал по своей земле. Встречается поселянин. Поселянин его спрашивает: – Тебе не холодно? – Нет. А твоему лицу – холодно? – Нет. – Так знай, что я весь – лицо.

И молча, торжественными шагами, направляется к своему замку.

(рассказывала С. М. Волконскому)

* * *

– «М.! Ведь я Вам подстилаю пеленку!» Я, сраженная ее великодушием: – «Нет, нет, Алечка, спасибо, а ты на чем будешь спать?» Аля: – А я тоже на пеленке, – ведь у нас две!

(3-го русского октября 1921 г.)

* * *

Гордость и робость – родные сестры

Над колыбелью, дружные, встали.

– Лоб запрокинув! – гордость велела.

– Очи потупив! – робость шепнула.

Так прохожу я – очи потупив –

Лоб запрокинув – Гордость и Робость.

* * *

3-го русского октября 1921 г.

* * *

(Блаженны дочерей твоих – Семеро, семеро – Уже богов – не те уже щедроты – Тщетно, в ветвях заповедных кроюсь... – Сколько их, сколько их ест из рук – Богиня Верности [70] – С такую силой в подбородок – руку (4-го – 11-го октября 1921 г.).)

* * *

Пожелайте мне доброй дороги,

Богини и боги! [71]

* * *

Постель, сопротивляющаяся человеку: еженощное борение Иакова (то, на чем с Алей спим).

* * *

Всё раньше всех: Революцией увлекалась 13-ти л., Бальмонту подражала 14-ти лет, книгу издала 17-ти л.

– и теперь – 29 л. – (только что исполнилось!) окончательно распростилась с молодостью.

* * *

Только плохие книги – не для всех. Плохие книги льстят слабостям: века, возраста, пола. Мифы – Библия – эпос – для всех.

* * *

Алино двустишие:

Жалоба Нереид

О Фаэтон, о многосмелый гость,

Сын Гелиоса и Океаниды..

* * *

(Стихи: Молодость моя! Моя чужая! – Варианты:)

* * *

О, насколько ты

– Милая! – меня была моложе.

* * *

Ты волос закручивала кольца,

Ты ресниц оттачивала стрелы.

Строгие уста давая – скóльким?

За чужие я грехи терпела

* * *

Выжила шального постояльца!

Молодость моя – сдалась насилу!

Так дитя, на дальние светила

Изумясь, кольцо роняет с пальца

* * *

Выжила шального постояльца!

Голая стою – глаза раскрыла.

Так дитя, на дальние светила

Изумясь, кольцо роняет с пальца.

* * *

Отрешенная женщина легче сходит с пути.

(а м. б. – и с ума. 1932 г.)

* * *

Чем отрешеннее женщина – тем легче сходит с пути. Душа терпимее инстинкта. Кроме того, инстинкт не обманывает (NB! душа только и делает, что) и может быть еще труднее найти себе настоящего любовника, чем настоящего друга.

* * *

5-го ноября 1921 г., по старому.

* * *

(Стихи: Молодость – Муза (ни грамот, ни праотцев)

Тетрадь первая. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Вариант: Чем ближе – тем призрачней,

А рядом – как за морем!

Скоро уж из ласточек в колдуньи – Без самовластия, с полной кротостью.)

* * *

NB! Упала ресница – будет письмо от С. Ресница – огромная!

* * *

Варианты из «Без зова, без слова»

Не слышишь как свищет

Твоя роковая метель.

Какая из тысяч

Качает твою колыбель?

* * *

Надбровного свода

Всё та ж роковая дуга...

Над сальной колодой

Заходя медлит судьба...

* * *

Червонный – бубновый...

[...]

Чепца кружевного

Как тернии падает тень...

* * *

Надбровные своды

И глаз синеватый свинец

* * *

NB! Для Записной Книги:

Тело насыщаемо, душа – нет. Поэтому та любовь – островами, соединенными (разъединенными!) пустотой (океана, т. е. одиночества) неминуемо гибнет.

Обкормишь – сдохнет. (Это до меня лучше сказал Ростан

Car l'amour – ô étrange et nature! –

Vit d'inanition et meurt de nourriture. [72]

(NB! о Казанове однако этого не скажешь)) –

И даже досыта кормить нельзя, ибо долго не захочет. Дразнить или голодом или приправами (1001, но не больше!). И в итоге, так или иначе, – раз тело всё равно сдохнет! – Да раньше: при первой болезни фраза не окончена

* * *

Тетрадь первая. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Снисхожу до, снисхожу, но не дома в ней, всегда недоумеваю: зачем? Уж поистине:
в никуда. Как в стену.

* * *

Где старец тот Осип

С девицею свет-наш-явлён?

Звезда-моя-россыпь,

Которая – в Град Вифлеем?

* * *

Орфей и Офелия – вода. –

* * *

(Стихи к Блоку: Как сонный, как пьяный, – Так плыли: голова и лира)

* * *

Я знаю, что это – ложь.

(Опять, вероломный, водишь!)

Есть улица, где живешь,

Земля, по которой ходишь.

* * *

Так, Господи, и мой обол – и т. д. весь конец стихов к Блоку.

* * *

1918 г. – Разгул Развала

1921 г. – Развал Разгула

* * *

О Морфее, посещающем только царей и героев.

* * *

Здесь будущее в легкой дреме,

Там выбывшего – легкий прах...

Блаженная! что скажешь, кроме:

– Благословенна ты в женах!

* * *

(Стихи Вифлеем)

* * *

Аля: – Доглядеть сон про Блока.

* * *

За последние годы я ставлю встречи так, что меня заведомо нельзя любить,
предпосылаю встрече – невозможность, – которой нет и есть только в моей
предпосылке, которая есть моя предпосылка. – Не по воле, это делает всё во мне:
голос, смех, манера: за меня.

* * *

Меня любил бы Платон.

* * *

(Стихи к сыну Блока, в Ремесле – Подруга)

* * *

...

Над своим сироткою,

Богородица моя,

Робкая и кроткая!

* * *

– И ты родишь Царевича ему...

* * *

Другая нам – синейшая – Нева!

* * *

Только через живую женщину с ребенком на руках я могу ощутить (полюбить) Богоматерь. Слишком мешают (охладили, отдалили) – картины.

* * *

Ангелы не голубые, а огненные. Крылья – не легкость, а тяжесть (сила).

И может быть я новое скажу

Об ангельской любви.

* * *

Экскурсии – экспедиции... Мне – Золотое Руно!

* * *

Дорогая Надежда Александровна [73], я всё ждала, что Вы придете, во вторник говорила: в среду, в среду: в четверг... Но уж неделя прошла, как мы были у Вас с Алей. Вы никогда не придете.

Молодой человек, имени которого я не знаю, передал мне Ваши слова, из которых я поняла, что я Вами внутренне принята. М. б. сейчас Вам в Вашей жизни ничего не нужно нового, новое всегда – чужое, тогда пусть так и останется.

Я очень робка.

(Предыдущий абзац в скобках, очевидно я решила предпосылку невозможности – отставить.)

Мне бы очень хотелось Вас видеть и именно, чтобы Вы ко мне пришли, я так часто эти дни глядела на дверь и думала: как это будет? и всё слушала шаги – как некое чудо, которого ждала и не дождалась.

Я бы Вам тогда дала новые стихи, захватите книжечку.

Но м. б. Вам сейчас в Вашей жизни ничего не нужно нового, новое всегда – чужое, тогда пусть так и останется.

Стихи я Вам тогда пришлю письмом.

МЦ.

– На случай, если бы Вам захотелось придти, прошу, напишите заранее несколько слов, чтобы я наверное была дома.

Тетрадь первая. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Адрес мой: Борисоглебский пер.

д. 6, кв. 3

* * *

Запись С. (очень молодая, лет 18-ти, 19-ти – черновая, в которой пишу – его):

Есть люди и люди. Одних мучают вопросы: что́ есть Бог, что есть вселенная, что есть пол, что есть человек.

А другие говорят: – Я не знаю Бога, но я знаю молитву. Вселенная – мысль о ней мне чужда и неприятна, но звездное небо, огонь, сушу, ветер и воду, но осень, весну, зиму и лето, но утро, вечер, ночь и солнце – кто обвинит меня в том, что я не чувствую вселенной?

Я не знаю, что есть пол, но живу любовью. А на вопрос: что есть человек, они ответят – Я.

Которая из этих двух пород ближе к Богу?

* * *

Явно первая, а не вторая, а вторая – явно я (как первая – явно он. Таким и остался. Такой и осталась.)

Философ – и поэт. 1932 г.

* * *

Еще две строки С., тоже обо мне:

На руке ее кольца – много колец. Они будут, а ее уже не будет. Боже, как страшно!

* * *

Не забыть о Блоке: разгружал на Неве баржи, не говоря кто. – На скамейке – Н. А. Коган – Как Вы думаете, я еще буду писать стихи?? На Воздвиженке: – Катя! – Долгая улыбка. – Может быть мне суждено умереть, чтобы ему воссиять. (О сыне.) Перламутровый крест с розами и икона. Макет Арлекина (Пьеро и Коломбина остались у Любовь Дмитриевны. Всё перечисленное – подарки сыну, видела глазами.) Вот откуда – Роза и Крест. Письма. Пушкинский росчерк. О сыне: – Если это для Вас важно – то и для меня важно. Всё зависит от Вас. – Если это будет сын, пожелаю ему одного: совести. – «Он был скуп на это» (автографы). Был на той войне добровольцем. На нынешней: – Освободите меня... Посмертная записка о Двенадцати. – Простите, что я не могу подать Вам руки (болела). Любящий сын: яичница и слезы (матери).

* * *

Аля – о Н. А. К. – Тело как кисея, любовь – как стена.

Снегурочка в последнюю минуту таяния.

* * *

Самозабвение: полнейшее самосознание при полнейшем забвении всего, что не ты: не то в тебе. – Другозабвение.

* * *

Женщины говорят о любви и молчат о любовниках, мужчины – наоборот. (Мужчины этого слова и в рот не берут, как – снижающего: их мужской престиж бездушия.)

* * *

Похороненное на Кавказе монпансье.

* * *

Из малиновой певчей прорези

Ярохлещущий ледодых.

* * *

Доколе поэты – дотолле престолы.

* * *

Встреча с Н. А. К. – моей – из стихов к Блоку – Подругой.

* * *

Без стука – головка, потом всё тело. Всё тело – дымок.

– Здесь живет М. И. Ц.

(В дыму печки и махорки не разглядеть не только меня, но слона.)

До здраванья, до руки, так напрямик, что как бы пройдя сквозь стол, стоящий посреди комнаты и дороги, не останавливаемая ничем как взгляд:

– На этом портрете Александр Александрович не похож.

– На этом портрете Блок похож.

– Нет.

– Да.

Для пояснения: первое и единственное, что разглядела из двери: последнюю карточку Блока, в тетрадный лист, просто приколотую кнопкой над обломком дивана, на котором сплю.

Впечатление тени, пригнанной Ревностью – лютейшей из всех: посмертной.

Здраванье: в руке – ничего.

* * *

Долго, сопротивляясь взлому, не говорю, что Блока – лично – не знала. Весь разговор из: (она) – Александр Александрович (я:) – Блок. Чувствую, что я неизмеримо богаче – и ближе. (Как много позже, в данном 1932 г. в разговоре с пушкинской внучкой: – до улыбки.)

Наконец, через какой-то срок, щадя как всегда – недоступную мне слабость, слабость, которой, со всей своей силой, в жизни – затерта ибо такие с Блоком, а не я – через пропуск одного слова пять минут моего уединенного торжества – сдаюсь.

– Я ведь Блока, лично, не знала...

* * *

Ее рассказ о том, как Блок читал мои стихи.

– После каждого выступления он получал, тут же на вечере, груды писем – женских,
Страница 51

Тетрадь первая. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru конечно. И я всегда их ему читала, сама вскрывала, и он не сопротивлялся. (я ведь очень ревнивая! всех к нему ревновала!) Только смотрел с улыбкой. Так было и в этот вечер. – «Ну, с какого же начнем?» Он: Возьмем любое. И подает мне – как раз Ваше – в простом синем конверте. Вскрываю и начинаю читать, но у Вас ведь такой особенный почерк, сначала как будто легко, а потом... Да еще и стихи, я не ждала... И он очень серьезно, беря у меня из рук листы:

– Нет, это я должен читать сам.

Прочел молча – читал долго – и потом такая до-олгая улыбка.

Он ведь очень редко улыбался, за последнее время – никогда.

* * *

Два слова о Н. А. К.

Показывала мне его письма – чудесным сильным старинным почерком – времен деда (Тургенева) а м. б. еще и Пушкина, показывала мне подарки сыну – розу и крест, Арлекина, иконку, показывала мне сына: Сашу с его глазами, его веками, его лбом, его губами (единственными). – Похож? похож? – показывала мне себя с сыном – портрет – где художник, нечаянно и нарочно, несколько устаревший ребенка, дал совсем Блока, – я сейчас с ранней обедни: сороковой день:

– Помяни за раннюю обедней

Мила друга, светлая жена –

с декабря 1921 г. по 29-ое русского апреля 1922 г. (день отъезда) растревляла меня невозможной назад-мечтой: себя – матерью этого сына, обожествляемого мною до его рождения (Вера Зайцева [74]: – «Н. А. К. ждет ребенка от Блока и страшно боится, захочет ли он ходить с ней с таким животом», – стихи к Блоку читала с ним в себе!) преклоняла меня перед этим ребенком как пастухов перед Вифлеемским – всё это было, я – любила и ее и сына, было Благовещение и Рождество – я ведь непорочного зачатия не требую, всякое зачатие непорочно, ибо кровь рождения смывает всё – а Блок был ангел: я ведь крыльев не требую –

В 1922 г., в мае, в Берлине, за столиком Prager-Diele [75], я – Альконосту [76], – только что приехавшему:

– Как блоковский сын?

– У Блока не было сына.

– Как не было, когда... Ну, сын Н. А. Коган?

– Кажется, здоров. Но он никогда не был сыном Блока. У Блока вообще не могло быть детей. Да и романа никакого с ней не было.

– Позвольте, а сходство?..

– Сходство, действительно, есть. Его видела (женское имя, кажется поэтесса, секретарша какого-то петербургского Союза писателей или поэтов, – м. б., Гуревич) и говорит, что действительно – таинственно – похож.

– Но, милый, я этого ребенка видела: все блоковские черты. Сличите с детской

Тетрадь первая. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
фотографией! И письма видела...

– Н. А. ведь – фантазерка, авантюристка, очень милая женщина, но мы все ее давно и отлично знаем и, уверяю Вас, никто, кроме Вас, этой легенде не верит. – Смеются. –

– Но письма, его рукой...

– Н. А. могла подделать письма...

– И слово блоковское подделать: – Если это будет сын, я пожелаю ему одного – совести – ?!

– М. б. он и верил. Она могла его убедить. Я повторяю Вам, что у Блока не могло быть детей. Это теперь точно установлено медициной...

– После смерти?! – Голубчик, я не врач, и совершенно не понимаю, как такую вещь можно установить после смерти – да и при жизни. Не могло, не могло – и вдруг смогло. Я знаю одно: что этот сын есть и что это – его сын...

– Она ведь тогда жила с двумя...

– Хоть с тремя – раз сходство. Но, если даже на секунду допустить – для чего ей нужна была вся эта чудовищная комедия?! Ведь она целый мир могла убедить – кроме себя. И подумайте об этом чудовищном одиночестве: одна в мире она знает, что это не блоковский. Как же жить с такой тайной? А главное – зачем?

– Вы забываете, что у Блока было огромное наследство.

– Не понимаю. Иносказательное? Слава сына Блока??

– Вовсе не иносказательное, а самое достоверное литературное наследство, право издания на его книги. Ведь так – всё идет матери и жене, если же сын...

– А теперь довольно. Это – гадость. Вы м. б. издатель Блока? М. б. издателю Блока нужно, чтобы у него не было сына? И посмертная экспертиза не медицинская, а издательская...

Все (Геликон [77], Каплун [78], Эренбурги, другие) смеялись:

– М. И.! Да одно слово стерто! Чего же Вам так горячиться? Ну – блоковский, ну – не блоковский...

Я (слезы на глазах) – Это – посмертная низость!! Я видела письма, я видела родовой крест – розу и крест! – я видела как она этого ребенка любит...

Альконост: – Петр Семенович [79] его тоже очень любит...

Я, окончательно задохнувшись: – Я никогда у Вас не буду издаваться...

Тетрадь первая. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Альконост, с улыбкой: – Очень жаль.

* * *

Окончание:

1927 г., осень, приезд Аси.

– А как блоковский Саша?

– Марина, никто кроме тебя уже больше не верит в его блоковство. А ты знаешь, что говорит о нас Н. А.: – «Какие странные эти Цветаевы – очень милые, но – зачем им понадобилось распускать слух, что Саша – блоковский??»

П. С. в нем души не чает. Мальчик чудовищно избалован – и больной: пляска Св. Витта. В прошлом году его возили на Океан, жили – Н. А. и он где-то здесь во Франции. Я его не так давно видела. Он очень похож на старшего сына П. С. от другой жены: Витю.

* * *

Сергиевская ул. д. 7, кв. 12

Гольцев Б. В. [80] 3-08-75

3-63-26 Центропечать

с 11 ч. до 5 ч.

1-74-47 (дома, вечером)

5-15-33 (кв. напротив, утром)

при Наркомпросе – деятели литературы и печати

пятница, понедельник (театр)

Рига Николаевская 20, кв. 1

Книгоиздательство «Лира» – Башкирову [81].

* * *

Сейчас нужно печку топить и на минуточку (!) осадить писанье.

* * *

Аля: – М.! Вы знаете – кто Шер-Хан? Брюсов! Тоже хромым и одинокий, и у него там тоже Адалис. «А старый Шер-Хан ходил и открыто принимал лесть». Я так в этом узнала Брюсова. А Адалис – приبلуда, из молодых волков.

(Книга Джунглей)

* * *

40-90-13 (Ольга Александровна Шор) [82] в 7 ч. – пятница – чтение. Угол малой Никитской и Скарятинского, д. 21, кв. 2 во двор и налево, в углу дверь в кухню, 2-ой этаж.

* * *

Мой кормилец и пожралец.

* * *

– Нет, нет, дружочек, не contact de deux épidermes [83], а всё тот же мой – восторг перерос вселенную.

* * *

Тетрадь первая. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
1220 Копончук Игнат, Кузнецкий, 6, № IV Жилищный Земский Отдел 45, 37.

* * *

Егорушку из-за встречи с С. М. В. не кончила – пошли Ученик и всё другое. Герой с которого писала, верней дурак, с которого писала героя – омерзел.

14-го декабря 1921 г.

– С кого ж как не с дурака – сказку? Во всяком случае, дело не в дурости героя. Не в дурости героя, а в схлынувшей дурости автора. (Пометка 1932 г.)

* * *

Замком по морде (Заместитель Коммиссара по Морским Дела́м).

* * *

Аля: – Спасибо, Марина, ешьте, я уже во сне наелась, – всё такие большие! (зерна курмы).

* * *

Аля, требующая, чтобы нашего дивана (который покупают: Коганы) не чинили.

Диван еще из Трехпрудного (залы) – полукругом, обитый синей, с красными цветочками, набойкой (NB! проще: набитый синим).

* * *

Стеной топимся (деревянные дома, разбираемые)

Стеной кормимся (книги и рамы, продаваемые)

Стеной успокоимся (– стенка)

* * *

Меж кроваткой и тетрадкой

* * *

Черная работа по стихам, это детские пеленки + возможность Байрона.

Имажинистская работа по стихам, это детские пеленки + невозможность Байрона.

Неизбывное стояние над корытом, где белье всё грязней и грязней.

* * *

(Перестаю вписывать, какие стихи пишу, ибо пишу всё время и можно проследить по Ремеслу. Буду помечать только большие вещи – или циклы.)

* * *

1922 г.

начинается строками:

Тайная страсть моя

Гнев мой явный –

Спи, враг!

(Могилы на Красной площади) [84]

* * *

Разговор

(в тетради записан Алей)

Я: – Марина! Что такое садовая вода?

М.: – Не садовая, а содовая. Это от изжоги – у тебя когда-нибудь бывает изжога?

Я: – Нет, это у Вас бывает изжога. Когда Вы видите автомобиль или издателя Всемирной Литературы.

* * *

Другой разговор:

М.: – Аля! Ты думаешь – она меня не обжулит?

Я: – Нет, М. Разве Вы не видели с каким видом она к Вам пришла? Как молодой змеиный попрошайка. А табак набивала, точно не табак, а золото. И косила на вас как (нарисована лошадиная голова)-пферд (штекенпферд). Научите как писать. – Хороша издательница!

* * *

Ошельмовала – и как! Не заплатив ни копейки, а главное, не дав корректуры, напечатала конец моего конца казановы (NB! только третью сцену, ибо первые две были у меня) с выпусками, пропусками и чудовищной обложкой: вместо гладкого и белого парика XVIII в. – черный виноградо-кудрявый, людовиково-четырнадцатый, а главное: за занавеской девушка, выносящая что-то вроде горшка.

Соиздатель – рыжебородый коммунист, который впоследствии поручился за мою благонадежность и порука которого чуть было не угробила моего отъезда, ибо до него еще был, за всякое, исключен из партии. Кажется – некто Яковлев, но не ручаюсь.

1932 г.

* * *

По нагориям,

По восхолмиям,

Вместе с пильнями,

С колокольнями...

и т. д.

Потом:

Суть – двужильная,

– – – –

Вместе с пильнями,

С наковальнями...

* * *

Бьюсь, бьюсь, бьюсь. Знаю только одно, что слово должно быть длинное, во всю

Тетрадь первая. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
строку приписка между строк: как самохвальная – слышу его – и знаю, что его нет.
Развалины, оскалены, охальные, двуспальная, сусальная, – поминальная –
нелепость, но длина та... Словом, целый день – до вечера – и ничего не найдя –
сплю.

Утром, первое с чем просыпаюсь:

ЧУЖЕДАЛЬНАЯ

– Самб.

Это чужедальная всегда ощущаю как чудо.

* * *

Аля:

– Вас надо сжечь, чтобы вас согреть, да и то Вы из гордости будете говорить, что
Вам холодно.

* * *

Аля, после музыки Скрябина (слушала у Татьяны Федоровны, играл Чабров) –
внезапно:

– Скрежещущий ультрамарин. Стуканье старых зубов о новые, – кастаньеты из
собственных костей. Оголенные мускулы демонских крыльев. Недобрый сон с добрым
намерением. Знаете от чего умер Скрябин? Он умер от заражения крови, – это даже
показательно: отравление музыкой. Весь треск огней всех адов. Вся непобедимость
побежденного ада.

16-го русского января 1922 г.

* * *

Слезы, пролитые у дверей богатых.

* * *

Drache и Rache – и всё Nibelungenlied. [85]

* * *

Над стихом «Слезы на лице моей облезлой» Алина надпись: ДИВНО НРАВИТСЯ.

* * *

Из письма к N.

Рука дающего не помнит, помнит только рука берущего.

* * *

Как бы с превращением разделяющих наши тела вёрст – в вершки, вершки,
разделяющие наши души, не превратились бы в вёрсты!

* * *

(Пиша дочь Иaira:)

Бледность можно толковать как отсутствие краски, можно – как присутствие
белизны, серизны.

Итак: отсутствие, доведенное до крайности, есть присутствие.

Тетрадь первая. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Итак: смертная бледность, очевидно, румянец иной жизни.

* * *

(Стих, не вошедший в Ремесло:)

Что́ это – крылом и звоном
Легкий сон тревожит мой?
Это там, за тихим Доном –
Белый лебедь боевой.

* * *

Что́ это – свинцом и стоном
Зубы сдвинуло мои?
Это там, за тихим Доном
Лебединые бои!

* * *

Крик: – Марина!

* * *

Как ударюсь лбом о плиты,
Разом крылья разведу.
Вострокрылой соколихой –
В лебединую страду!

* * *

Выноси, народ-мой-вихри!
Вскачь над Москвой!

лювой |

Вострокрылой | воронихой
Смерть – над Областью Донской!

* * *

Крик: – Марина!

* * *

Кто это – навстречу зорям,
Белый – с именем моим?
Это там, за синим морем –
Белый лебедь невредим!

* * *

Исполать Святой Егорий –
Лебединые Бои!

Это там за синим морем –
Невредимые мои!

* * *

Тетрадь первая. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
5-го русского февраля 1922 г.

* * *

– Ваши стихи, Марина, прямо Петербург по крепости!

(Аля – 9-го русского февраля 1922 г.)

* * *

Сон (Встреча)

Мы с Алей читаем книгу про декабристок Гагариных: описание фамильных черт Гагариных: горбатый нос, черные глаза, смуглота. Изба – снег – мертвый торговец. И вот мы уже сами те мать и дочь, всё это с нами. Ложимся, леденя: она от меня, я – от нее (торговец!).

Южный кавказский город: свет, – сквозь *jalousies* [86]– утро. Голоса. Мы с Алей бесконечно-долго возимся. Наконец С. впрыгивает в окно: целуемся. Оба настороже, неловкость и самоуверенность. У меня чувство: неверно, надо было дать мне войти, сидя не встречают. Аля грязная от слёз (капризы) и двусмысленная фраза С. – «Она то, что я вижу, превосходит». Дама лет 5-ти, в балахоне, с которой С. на ты и по именам: – Саша – Сережа. Мысль: – «Старая дура передо мной хвастается» и отражение себя в зеркале: – «Ну и я недурна! Есть что любить».

Обход сада. Огромное количество собак: безумно-лающий Одноглаз (Коктебель, голодная смерть), издыхающий Лапко, розовый от парши Шоколад, идем то с С., то с Пра [87], то с Максом [88]. Пра говорит, что можно снять крышу и лазить прямо сверху. (Крышей кормит скот.) Я советую уехать. Откуда-то изнизу (мы на камне) грозные морды голодающих быков и коров, одна корова – рогастая – страшна. Макс в белом балахоне вежливо и стойко ее заклинает.

Кабинка (на суше). Лакированные белые стены. Морские флажки. (Тот Новый Год из стихов!) Много народу. Старуха, которая ложечкой (смирненно) вылавливает довесок бублика из чьего-то кофе, и, робко: – «Вот, я 4 1/2 брала, мне довесок сухой-то и положили». С нее за этот сухой довесок – вычитают. Я, мысленно: – «О, черти! Только гроза прошла, вся кровь – и опять за прежнее!»

Входит другая прислуга. – «Барин, какие очереди-то на площади за зельтерской!» Я, смутно: – «Умрем от жажды», вслух: – «Разве воды нет?» – «Это с мешками от зельтерской стоят. Да кто их знает – нынче есть, завтра нет».

Мы с С. одни. Я, вынимая нашейную цепочку: – «С., поглядите!» Он, разглядывая: – «У меня такой же, вот...» Выцветшая ленточка, число: «17-го января, 75 мин., секунд...» Медаль рисунок овала фарфоровая: синее морское сражение, тонущий парус. Прислуга: – «Ох, барин, лучше спрячьте! Не дай Бог – придут! Нет, лучше разбейте, а я осколки вынесу...» Я, смутно: – Предаст! Из-за этого погибают. – Уходит. Я, С.: – С. Уедем-те! (В Москву? Пайки? Ему? Нет!) – «С.! В настоящую за границу! Ну, Вы будете играть!»

С., таинственно: – Разве я могу играть?

Гляжу: лицо одутлое, бледное, блудяще-актерское. В профиль – он, прямо – не узнаю.

Сон обрывается.

* * *

11-го февраля 1922 г., ночь.

Тетрадь первая. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

* * *

Сон как бы из глубины опыта с белыми: Крыма до: последнего Крыма.

Начало: Гагарины – явный след рассказов Т. Ф. Скрыбиной о киеве. Морская кабинка с флажками – из пражского письма С. Конец (пайки – ему?! нет!) явно мой, как и мое – видение актерства (лицо бледное, одутлое, блудливое) в котором его С. не вижу – и не узнаю.

(Пометка 1932 г.)

* * *

Матерщина ты моя,

Безотцовщина!

* * *

(Россия 1918 г. – 1922 г.)

* * *

Список: (драгоценностей за границу)

Кадушка с Тучковым

Чабровская чернильница с барабанщиком

Тарелка с львом

Серезин подстаканник

Алин портрет

Краски

Швейная коробка

Янтарное ожерелье

Алиной рукой:

Мои Валенки, Маринины башмаки

Красный кофейник, примус

Синюю кружку, молочник

Иголки для примуса

* * *

Москву 1918 г. – 1922 г. я прожила не с большевиками, а с белыми. (Кстати, вся Москва, моя и их, говорила: белые, никто – добровольцы. Добровольцы я впервые услышала от Аси, приехавшей из Крыма в 1921 г.) Большевиков я как-то не заметила, вперясь в Юг их заметила только косвенно, тем краем ока, которым помимо воли и даже сознания отмечаем – случайное (есть такой же край слуха) –

Тетрадь первая. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
больше ощутила, чем заметила. Ну, очереди, ну, этого нет, ну, того нет – а то
есть!

Еще могу сказать, что руки рубили, пилили, таскали – одни, без просвещающего под
строкой: направляющего взгляда, одни – без глаз.

Оттого, м. б., и это отсутствие настоящей ненависти к большевикам. Точно вся
сумма чувства, мне данная, целиком ушла на любовь к тем. На ненависть – не
осталось. (Любить одно – значит ненавидеть другое. У меня: любить одно – значит
не видеть другого.) Большевиков я ненавидела тем же краем, которым их видела:
остатками, не вошедшими в любовь, не могущими вместиться в любовь – как во
взгляд: сторонним, боковым.

А когда на них глядела – иногда их и любила.

Может быть (подчеркиваю!) – любить: не коммунизм (настаиваю!), а могилы на
Красной Площади, мой, восемнадцатого года, разбой, молодых командиров войны с
Польшей и многое другое мне помешала моя, заведомая, сразу, до-Октября любовь к
белым, заведомость гибели – их и их дела, вся я до начала была замещена сверху:
заполнена.

Любить большевиков мне не дала моя – сразу – до начала – вера в окончательность
их победы, в которой столько раз – и так сильно – сомневались они.

* * *

(Пометка 1932 г. Не разрабатываю.)

* * *

Родство вещей через слово: семьи, семейства слов.

Голуби: горох: жемчуга.

* * *

Почему я всегда, выходя из двери, иду в обратную сторону, в которую сюда – не
шла. М. б. от чуждости – всей моей сущности – самого возвращения (по следам), от
исконного дальше (мимо!).

Или просто – дефективность? (такая-то точка в мозгу).

* * *

Честь – вертикаль. Совесть – горизонталь. Честь дана только горным народам, как
совесть только дольним. – Проверить. –

* * *

(Сугробы, Масляница [89], разное)

* * *

Золоторыбкино корыто?

Еще кому-нибудь!

Мне в этом имени другое скрыто:

Русь говорю как: грудь.

* * *

Для записной книжки:

Ворожба по сугробам. – Весна: дребезг – ударная весна (весна в ударном порядке)

Тетрадь первая. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

– что даже весна

У нас | – в ударном порядке!

них |

Не улицы – пролеты. Тротуары плывут небом. «Высугробить». – Но сугробов тех не высугробить. – Оглядываться в будущее. Сон у Б-сов под шубами. – Цветной стереоскоп. – Через сонные пространства. – С лихвой – коновязь – чебезга. –

Я, кому-то, о польском золотом коридоре: – Трагический транзит.

* * *

Аля: – «М.! Знаете, у Вас сейчас вид всех свобод – как их изображают: волосы змеевидные, плечо вперед и всё существо как-то дыбом».

* * *

Я кому-то: – Я наверное любила бы гребенки... (видение высоких коралловых гребней времен Валериинной матери [90] – или много раньше: le règne implanté [91] – Неаполь).

Любила бы – если бы что? Очевидно, если была бы женщиной.

* * *

Женственность во мне не от пола, а от творчества.

Парки сонной лепетанье – такая.

* * *

Да, женщина – поскольку колдунья. И поскольку – поэт.

* * *

Февраль 1922 г.

* * *

Здесь кончается моя старая верная московская тетрадь (черепаша, ящерица, та, которую десять лет спустя с любовью грею на солнце). (1932 г.)

* * *

Несколько записей, случайно не внесенных и относящихся к марту 1921 г., т. е. к году до:

* * *

Кто закон голубиный вымарывал?

* * *

Непереносным костром в груди

Вражда – вот пепл ее, на бумаге.

Непереносны на площади

Чужие гимны, чужие флаги.

Непереносно, когда рожден

Сынóм, сыновнейшим из сыновних,

Святые ризы делить с жидом

И миновать ее гроб на дровнях.

Тетрадь первая. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
И знать, что тело ее черно,

Что вместо матери – тлен и черви.

О, будьте прокляты вы, ярмо
Любви сыновней, любви дочерней!

И знать, что в каждом она дому,
И что из каждого дома – вынос.
– Непереносно! – И потому
Да будет проклят – кто это вынес!

* * *
Март 1921 г.

* * *
Изнемогая как Роландов рог...

* * *
Как нежный шут о злом своем уродстве
Я повествую о своем сиротстве...

За князем – род, за серафимом – сонм,
За каждым – тысячи таких как он,

Чтоб пошатнувшись – на живую стену
Упал и знал – что тысячи на смену!

Солдат – полком, бес – легионом горд,
За ворм – сброд, а за шутком – всё горб.

Так, наконец, усталая держаться
Сознанием: перст и назначением: драться

Под свист глупца и мещанина смех
– Одна из всех – за всех – противу всех! –

Стою и шлю, закаменев от взлету
Сей громкий зов в небесные пустоты.

И сей пожар в груди тому залог
Что некий Карл тебя услышит, Рог!

* * *
Март 1921 г.

* * *
Не в споре, а в мире –

Согласные сестры.

Одна – меч двуострый

Меж грудью и миром

Восставив: не выйду!

Другая, чтоб не было гостю обиды –

И медом и миром.

* * *

Дети литературных матерей: литераторов – или жен (т. е. нищих и не умеющих шить (жить!)) всегда отличаются необычностью одежды, необычностью обусловленной: необычностью вкусов и случайностью (несостоятельностью) средств к осуществлению.

Пример: Мирра Бальмонт, которую – улица Революции 1920 г. – всегда водят в белом, т. е. грязном – и разном.

Пример: Аля – в мальчиковых рубашечках, схваченных юнкерским поясом и моей работы берете с георгиевской ленточкой.

* * *

Не только дети – сами матери (мое полотняное красное московское и мое полотняное синее берлинско-парижское, мои паруса, моря полотна!).

И отцы (шляпа Бальмонта, галстук Чирикова, шарф Пастернака), – без различия дара и возраста. О цилиндре и плисовых шароварах Есенина не говорю, ибо – маскарад, для других, я говорю о кровном, скромном, роковом.

* * *

О Боже ты мой, как объяснить, что поэт прежде всего –СТРОЙ ДУШИ!

* * *

Аля: винный (от невинный)

затменные фонтаны

* * *

Девочка на улице, при виде нас с Алей:

– Мне жалко эту маму! Она стра – ашная!

* * *

Ребенок, щурящийся чтобы увидеть собственные глаза.

* * *

J'ôte ce baiser. – J'ôte ces claques. [92]

(Ариадна Скрябина в детстве)

* * *

Март 1921 г. – пробуждение у Али любознательности (март, которого в моей жизни никогда не было).

* * *

Аля, читающая книгу про птиц и зверей:

Тетрадь первая. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
– М.! я ведь птиц люблю, а не органы!

* * *

Предисловие к Егорушке:

Житие Егория Храброго мною не вычитано и не выдуманно. Оно мне примечталось.
Таким и даю.

МЦ.

или, короче:

Егорий Храбрый

– примечтавшееся житиé –

* * *

Волосы – после мытья – звенят.

* * *

Аля: – М.! Ее душа не полетит не потому что она грешная, а потому что она
грузная. Ее душа – плоть.

* * *

Заложненное в тетрадку начало письма к Эренбургу:

Москва, 7-го нового марта 1922 г.

Мой дорогой!

Сегодня у меня блаженный день: никуда не ходила, шила тетрадку для Егорушки
(безумно-любимая вещь, к которой рвусь уж скоро год) и писала стихи. И теперь,
написав С., пишу Вам. – Все счастья сразу! – Как когда слушаешь музыку. (Там –
все реки сразу.) Писала стихи Масляница, трепанные как она сама.

Сегодня за моим столом – там, где я сейчас сижу, сидел Чабров. Я смотрела на
него сверху: на череп, плечо, пишущую руку – и думала: так я буду стоять над
пишущим Эренбургом и тоже буду думать свое.

Чабров мой приятель: умный, острый, впивающийся в комический бок вещей (особенно
мировых катастроф!) прекрасно понимающий стихи, очень причудливый, любящий
всегда самое неожиданное – и всегда до страсти! – лучший друг покойного
Скрябина.

Захожу к нему обычно после 12 ч. ночи, он как раз топит печку, пьет кофе,
взаимоиздеваемся над нашими отъездами (– Ну, как Ваш? – А Ваш – как?) никогда не
говорим всерьез, оба до задыхания ненавидим русскую интеллигенцию. Но он –
дворянин, умеющий при необходимости жить изнеженной жизнью [93], а я? кто я?
даже не богема.

У него памятное лицо: глаза как дыры (гиэна или шакал), голодные и горячие, но
не тем (мужским) – бесовским! жаром, отливающий лоб и оскал островитянина. При
изумительном – как говорят – сложении (С. видел его в Покрывале Пьеретты –
Арлекином, говорил – гениален (пантомима)) при изумительной выразительности тела
одет изо дня в день в ту же коричневую куцую куртку, не от безденежья, а от
безнадежности. Мы с ним друг друга отлично понимаем: à quoi bon? [94]

* * *

(Письмо не кончено)

* * *

Здесь, на этом письме, окончательно кончается моя старая черепаха.

* * *

После черепахи была еще тетрадь – черновик Переулочков (а м. б. на листках?) – последней вещи, которую писала в России.

ПОСЛЕДНЯЯ МОСКВА
ЗАМЕТКИ ИЗ АСИНОЙ РАДУЖНОЙ САМОШИВНОЙ ТЕТРАДИ
где поправки Переулочков, начало Мóлодца и берлинские стихи

* * *

Про тыи шелковы-рукавчики,

Про Мариночку- -отравщичку

* * *

Про того красавчика,

Про Мариночку- -отравщичку.

* * *

К С. (глаза)

Мохнатые, махровые...

* * *

Скороговорочка, речь окольная

* * *

записи о мóлодце:

Маруся (Мóлодец?)

1) Первая встреча 2) Вторая встреча (Колокольня) 3) Третья встреча (вопрос и угроза) 4) Возмездие (вопрос и угроза) 5) Второе возмездие (вопрос и угроза) 6) Крестовая улица 7) Барин – слуга – пробуждение 8) Жизнь Маруси 9) Пир 10) Херувимская.

* * *

Действующие лица: Маруся, мать, брат. – Мóлодец. – Барин. Слуга. (NB! Никого лишнего!)

Светлый стан: Василёк (брат) и барин.

Темный: Мóлодец.

Между: мать, Маруся.

* * *

Почему Маруся в первый раз не сознается, что видела, и еще раньше ничего не говорит матери?

Ставлю себя на ее место – и: если скажу (дома) – фраза не окончена

* * *

В первый раз Маруся ничего не говорит дома из смуты, просто из страху не

Тетрадь первая. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
сознается.

Второй раз – любовь и страх потери его. Он уже искренно просит признаться (человек перебарывает упыря).

Третий раз – связанность преступлением (уже отправила брата).

Почему она в третий раз не сознается? (Сознание – разлука с ним.) Если признаешься – избавишься, я из твоей жизни навек пропаду. Признаешься – жива будешь – я пропаду, не признаешься – сама пропадешь. В третий раз он ее умоляет признаться (живи!), она же – не хочу тебя губить. Двойное живи.

* * *

1-ый вопрос – нахрапом

2-ой вопрос – соблазн (раскрывши карты)

3-ий вопрос – я НАД СОБОЙ НЕ ВОЛЕН, – мольба о признании.

1) Была? – Нет. – Видела? – Нет. – Ну, так...

2) Смотри, если не была (нет) и не видела (нет) – то помни: завтра...

Маруся сознательно запирается (преступление).

3) Спрошу: была? скажи: была! а не то – я не волен – тебе завтра самой... Но ежели всё-таки не признаешься, проси чтобы тебя (под порогом и т. д.). – Может – свидимся.

Линия Мбодца: упырь – человеком.

Линия Маруси: мать в землю (только бы не разлучаться!) себя – в землю (только бы не навек!).

Два момента в Мбодце: до какого-то часу (до ворот) – человек, в воротах – тот.

И конец – апофеоз – оба в вихре Херувимской.

Марусино БЫЛА уничтожило бы Мбодца. Он сперва играет на ее страхе, потом на ее любви, в конце он уже молит ее об этом: БЫЛА, но она знает конец этого была и сознательно гибнет.

* * *

Если мать и брат, то потом у Маруси – сын. (Братец простил!) Сын (на руках) НЕ ХОЧЕТ в церковь.

* * *

ПОСЛЕ

Маруся проснулась – всё забыла. Заново живет. Кто ты? – Не знаю. – Чья ты? – Не знаю. – Жизнь с бариним. В жар от красного цвета. Тяга (отвращение) к огню, к вину. – Сквозная. –

Рождение сына снимает заклятие (братец простил!). Исчезает с плеча голубок и является – в люльке – ребенок. Ребенок удерживает ее от церкви. Смутная слава Маруси: порченная.

Забыв всё – как объяснить ее нежелание ходить в церковь? Единственное, что уцелело – это ЗАПРЕТ Мóлодца: в церковь не ходи, а то навек... (И не договорить, так что неведомо: спасешься или пропадешь?)

Кто ЗАПРЕЩАЕТ ей церковь, – ребенок или Молодец? (Вещий ребенок, – но какого возраста??)

Единственное что уцелело – УЖАС перед церковью: им – тайной – собой. Ребенок подтверждает. Барин, любя, не неволит.

* * *

Слова для Мóлодца:

* * *

малёнка (кадушка)

порóбил (оробел)

початок (мера пряжи)

мизинный

на воротáх расстрелять

крутой кипяток

покéль (пока)

мамон (деньги)

напередки (наперед)

щикатулка

лежень (деревья)

его семейные

свежина (мясо)

провинка (вина)

дуван дуванить (NB! чудно!)

рóсстань

язычник (вестовой)

на́вершный (верховой)

ярица (яровой хлеб)

головить (быть главой)

поперéчки (не делай мне...)

кожевьа

трудные (трудовые)

Тетрадь первая. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
похимостить (заморозить)

взабыль (в самом деле, но можно и от забыть)

попона (одежа)

непослу́хмянный

вешни

опочив держать

* * *

1) Рубаха 2) Колоколенка 3) В ворота́х 4) Вторые ворота 5) Третьи ворота 6)
Крестовая улица 7) Барин 8) Херувимская.

* * *

Первое слово Мóлодца:

Дочь Маруся весела

* * *

И затем весь черновик первой главы.

Невошедшие строки:

Промеж нами сваха –

Красная рубаха!

* * *

Крута в мельнице вода –

Пришла дэвице страда

* * *

Красна в дэревце руда –

Пошто, дэвица, бледна?

* * *

Чистовик первой главы. – (30-го марта – 6-го апреля 1922 г.)

* * *

Начало второй, кончается на словах:

Стоит наш знакомец-то,

Грызет упо –

* * *

Последние строки:

Так изо всех из рек

* * *

Распознаю, о, друг,

Голос твоей реки.

* * *

Площадь

(очевидно, страх пространства)

Ока крылатый обыск:

Вброд или вдоль стён?

Знаю и пью робость

В чашечках ко – лён.

Нет голубям зерен,

Нет лошадям трав,

ибо была – морем

Площадь, кремнем став.

Береговой качки

злей

В башни не верь: мачты

Гиблых кораб – лёй...

Грудь, захлебнись камнем...

* * *

(Последнее слово Москвы)

* * *

Запад

Под булыжниками – под колёсами...

* * *

Запись письма к Эренбургу:

Тогда, в 1918 г., Вы отметили моих Дон-Жуанов («плащ», не прикрывающий и не открывающий), теперь, в 1922 г. – моих Царь-Девниц и Егорушек (Русь во мне, то есть вторичное).

И тогда и теперь Вы хотели от меня одного: меня, т. е. костяка, вне плащей и вне кафтанов, лучше всего – ободранную.

Замысел, фигуры, выявление через, всё это для Вас было более или менее бутафорией.

Вы хотели от меня главного, без чего я – не я.

Сегодня Вы говорили мне о ПОРОДЕ стихов, это внешнее, без этого Вы не могли, по-настоящему Вы, сами того не ведая [95], говорили о моей душе и жизни, и Вы говорили мне, т. е. я это слышала: «я люблю Вас только в большие часы, перед лицом смерти, перед лицом – да второго „перед лицом“ и нет».

я Вас ни разу не сбила (себя – постоянно – и буду), Вы оказались зорче меня.

Тогда, в 1918 г., и теперь, в 1922 г., Вы были жестоки: – ни одной прихоти! (даже в этом!).

Стало быть – надо убить.

Вы правы.

Блуд (прихоть) в стихах ничуть не лучше блуда (прихоти, своеволия) в жизни. Другие – впрочем, два разряда – одни, блюстители порядка: – «В стихах – что угодно, только ведите себя хорошо в жизни», вторые (эстеты): – «Всё, что угодно в жизни – только пишите хорошие стихи». И Вы один: – «Не блудите ни в стихах, ни в жизни. Этого Вам не нужно». Вы правы, потому что я к этому, молча, иду.

Вдоль левого поля, на первой странице письма: NB! Ни одно из слов взятых в кавычки Эренбургом не сказано и сказано быть не могло. Нужно было быть мной чтоб из этого равнодушного циника, цинического игрока (словами и смыслами) сделать лирика, нет, больше: стойка, – и так – от лирика и от стойка – страдать. 1932 г.

* * *

В какой-то области я Вам даже Вы не говорю, Вы у меня без местоимения. Вот что-то – нечто – сила – движение – я по дороге – удар – не в меня – но принят мной [96].

* * *

В другой – духовно-душевной, что ли? – Вы собеседник, тот не только от кого идет, но и к кому идет. Спор (согласие) двух голосов.

Но есть еще третье: там где Вы – Эренбург, который – и названия Ваших книг, и отрывочные рассказы из Вашей жизни (постепенное обрастание Вас одеждами) – рассказы кого-то о Вас.

И – внезапно: что – последнее, основное? Костяк – не рассасывающееся – или пустота, пропуск одного слова. То обо что разбиваешься – или то, в чем пропадаешь? Имянное (то, что создает имя: то именно) или безымянное? Это я не о Вас, это я закона ищу.

Я думала – три, но есть еще Вы: с трубкой, т. е. только трубка. Когда я думаю о том кто курит трубку и любит дождь (а м. б приписываю?) мне кажется, что с таким хорошо путешествовать и не расставаться.

Но этот уже книг не пишет, и с ним-то именно и придется расстаться, п. ч. всё остальное: безымянную силу, голос, книги (написанные и ненаписанные) я унесу с собой – не жестом захвата –

Но об этом я уже писала.

* * *

Разговор.

– Аля, как ты думаешь, как себя будет чувствовать С., когда приедет?

– Если Эренбург нас не выгонит.

я: – Наверное не выгонит. Но что мы будем делать с утра?

Аля: – С вечера закажем три завтрака.

* * *

21-го мая 1922 г. – Устала.

* * *

Ты привыкла: хозяйку в снег,

А сама на ее постели!

А в дому моем был твой век –

С черной лестницы, в черном теле.

(Любовь)

* * *

Так, разложена и не воссоздана:

Перья – щебеты – и кости порознь,

Так доверчиво прождав, что сложится,

Изумленная своим ничтожеством,

Некой спорностию безголосую

Под законностями: под колесами.

Так, растравленная до бесстрастия,

Без архангела, без веры в мастера,

Всеми ключьями поняв: не свяжется,

Так, без легкости, но и без тяжести –

Обесславленное и разъятое

Дня из дней твоих творенье: пятого.

* * *

30-го нового мая 1922 г.

* * *

(Явно – после ряда бесед с Эренбургом.)

* * *

А обо мне зайдет, скажи: просторы,

Еще: прощай, еще: рукой не трогать!

Да, ибо создана в тот день, в который

Кровь создана – и мех, крыло – и коготь.

Как буйствовала по

Первая кровь – и как в крыле вздымалась!

Тетрадь первая. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
И как потом – увы! – месивом стылым

В тот глиняный сосуд – самая малость.

Не одолеть бескровному завету
Моей крови – пернатой и косматой!
Ни даже года в ней, ни даже века:
Ты в метрике моей прочтешь: день пятый.

* * *

31-го нового мая 1922 г.

* * *

Где милосердная рука,
Приемлющая без отдачи?

* * *

А если у меня к тебе
Страсть к голоду и страсть к алчбе –
Минующая хлеб и воду?

* * *

Единственен и неделим
Вздых – и не место здесь двоим

* * *

ибо

Бог – и на голод ненасытен.

* * *

Божественно и безоглядно
Растет прибой.
Не губы, жмущиеся жадно
К руке чужой –

Нет, раковины в час прилива

Тишайший труд.

Божественно и терпеливо:

Так море – пьют.

* * *

Ру́ку чужого человека
Нести к губам.

* * *

Отчаяннейшее из мужеств –
Чужая плоть.

* * *

Не спрашиваю – и не спрашивайте!

Ведь праведными – не покрашенными –

Устами ведь, а не стихами ведь:

Не памятниками: беспамятствами.

* * *

Час, когда БОГ подаст

* * *

Я никогда не понимаю, что я в жизни человека.

(Очевидно – ничто. 1932 г.)

* * *

Всё те ж: утешь!

Всё те ж: убей!

* * *

Твоя неласковая ласточка

* * *

Милый друг, теперь работаю только так: око за око, т. е. письмо за письмо.
Пришел час: или нашей беседы или моего замолчания. (Замечаете, что змея начинает поднимать голову? – недораздавленную.)

У Вас нет ко мне ни доверия, ни человеческого отношения, Вы втайне считаете меня вредной и льстите на меня вопреки чему-то в себе. Завороженность, а не приверженность. – Жаль.

* * *

– Марина! Наша комната сейчас похожа на чердак горничных. И горничная удивляется, что господин не говорит ей, что ее любит.

* * *

Тих междуребёрный расстрел,

Глух междуребёрный застеноч.

* * *

...

...От нищенств и напраслин.

Да, ибо в час, когда придут цари –

Дитя покинет ясли.

Сиротствующее – найдет отца

И даже век не взбросит

Когда придут и розы и сердца

И лавры на серебряном подносе

Удостоверишься – повремени!

Что выброшенной на солому

Не надо было ей ни славы, ни

Тетрадь первая. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Сокровищницы Соломона.

И вместо всех – в мáревах дней и судьб –

Мне строящихся храмов –

я бы хотела тák: камень на грудь –

И пóд голову – камень.

* * *

До убедительности, до

Убийственности – просто:

Две птицы вили мне гнездо:

Истина и Сиротство.

* * *

Ты, последний мой колышек

В грудь забитую наглухо.

* * *

Danzig Promenade, 6

Verlag «Век Культуры»

Иван Яковлевич Герман

* * *

Lützow 85-49

Magdeburger Straße 25

Pension Höltzl-Sheridan

* * *

Nestorstraße 6 bei Pinkus

Herr Sotschiwko

* * *

– Конец радужной тетради –

Берлин, июль 1922 г.

* * *

девять писем

с десятым, невернувшимся, и одиннадцатым – полученным [97].

* * *

17-го июня 1922 г.

– Письмо первое –

* * *

Тетрадь первая. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Две тщетности – на сон грядущий. (Это наш с Вами час, днем мы – ремесленники.)

Мой родной! Книга, которая сейчас – Вашей рукой – врезалась в мою жизнь – НЕ случайна. Услышав – обмерла [98].

Вы сами не знаете – Вы ничего не знаете! – до чего всё ПРАВИЛЬНО.

Но Вы ничего не знаете, Вы только очень чутки (не СОЧУВСТВЕННО, – как зверь: всем востромордием!) – в какие-то минуты Вы безошибочны.

Я не преувеличиваю Вас, всё это в пределах темнот (которые беспредельны!) – и мехов (шепотов, бормотов и т. д.). – Пока. –

Я знаю Вас, Вашу породу, Вы больше вглубь (и не отвес, а винт), чем ввысь. А вглубь – это ночь. Уносит – рассвет, уводит – закат, ночь втягивает и погружает. Тонет сама. Поэтому мне с Вами хорошо без света: в голосах (как в мехах!), я бы сказала: в голосовых настороженностях. Это не переутончение: я просто точна.

Поэтому во все ТАКИЕ часы Вашей жизни (срок полгода!) Вы будете – со мной.

Есть люди страстей – чувств – Вы человек дуновений. Мир Вы воспринимаете наочно: это не меньше чем: душевно. Через кожу (ощупь, пять чувств) Вы воспринимаете и чужие души, и это, может быть, верней. Ибо в своей области Вы – виртуоз (попутная мысль: забалую?) Вам не надо всей руки в руке, достаточно и рукава.

Поэтому Вы так дома в некоторых моих стихах (НЕ в Красном коне!). – Чуткость на умыслы. –

Я не преувеличиваю Вас в своей жизни – Вы легки даже на моих пристрастных (милосердных! неправедных!) весах. Я даже не знаю, есть ли Вы в моей жизни? В просторах души моей (слово Кн. Волконской о В. Соловьеве) – нет. Но в том: ВОЗЛЕ ДУШИ, в каком-то МЕЖДУ, во всем предсонном, во всем где «я – не я и лошадь не моя» – там Вы не только есть, только Вы и есть. (Сейчас!)

Вы слегка напоминаете мне одного моего друга – пять лет назад – благодаря которому я написала много лишних стихов, враждебных всем как не мои и близких только – всей его породе.

Но я не хочу сейчас говорить о нем, я его давно и совсем забыла, я хочу сейчас радоваться Вам и тем темным словам (силам) которые Вы из меня выколдовываете.

Последние годы я жила такой другой жизнью, так КРУТО, так СКУПО, в таких ледяных задыханиях, что сейчас – руки развожу: я???

Мне нежно от Вас как от меха. (Другие будут говорить Вам о Ваших высоких духовных качествах, еще другие – о прекрасном телосложении. – Может быть! – А для меня – мех.)

Но мех – разве меньше? Мех: ночь – логово – звезды – вой – и опять просторы.

Логос и логово. (Я – к Вам, и я – к Белому, кроме того – оцените цинизм! – неплохое название для статьи. Но я не пишу статей!)

– Мои нежный! – (От присутствия которого мне нежно: дающий мне быть нежной)

– Не окончено –

* * *

19-го нового июня 1922 г.

– Ночь вторая –

Вино высвобождает во мне женскую сущность (самое трудное и скрытое во мне!).

Женская сущность – это жест (прежде чем подумать!). Зоркость не убита, но блаженное право на слепость.

– Мой нежный (от которого МНЕ –) всей моей двуединой, двуострой сущностью хочу к Вам – в Вас: как в ночь. – Стихи и сон! – (Ваши слова, – всё помню!) Как многие увидели во мне – только стихи!

Помню еще слова: нежность и жадность, всё помню и беру Вас с собой в свой еженощный сон – благословенный.

Вы для меня ночь, вся ночь: от шарлатанств ее – до откровений – самый тайный – самый темный дом моей души.

Всё через душу, дружок, – и всё обратно в душу. (Самопитающийся фонтан.) Только шкуры – нет, как и: только души. Вы это знаете, с Вашей звериной ошупью. – Мой сплошной мех! (не только зверь, – и хвоя).

А если в окрасках: Вы – карий: Как Ваши глаза.

Мой маленький, таких писем я не писала никому [99]. Всё знаю: и Вашу поверхностность, и легковесность, и пустоту (ибо Вы – пусты), но Ваша земная поверхность (шкурная восприимчивость к душе другого!) мне дороже других душ.

За Вашей пустотой – пустоты (отроческих глаз, – недаром ОТРОК – Вам, и недаром от Вас – Флорентийские Ночи!).

И Вы думаете, я не поняла нынче: «которое же из трех?» и – нечто между безнадежностью и позабавленностью – (люблю в Вас пропуск одного слова) – Ваше: – «Да я не о том! Совсем не о том!»

Мое дитя (позвольте так!) – мой мальчик! Если я иногда не отвечаю в упор, то потому что иных слов в иных стенах не терпит воздух. (Стены – всё терпят фраза не окончена

Найдите, что я, словесница, в большие часы жизни – тот спартанец с лисенком: помните? (Позвольте повеселиться: с целым выводком лисенят!)

Не знаю, залюблены ли Вы в жизни – скорей всего: да. Но знаю – (и пусть в тысячный раз слышите!) – что ТАК никогда, никто...

Тетрадь первая. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

И на каждый тысячный есть свой тысяча-первый раз.

(От Флорентийских ночей до Шехерезады – а? И еще Саул над Давидом. Ликую от ПРАВИЛЬНОСТИ всего!)

* * *

Мой маленький! Сейчас 4-тый час ночи, мне блаженно до растравы, я с Вами, лбом в плечо, я невинна, я бы все свои стихи (бывшие и будущие) отдала Вам: не как стихи, – как вещь которая Вам нравится!

– И еще одну чудовищность – хотите?

Помните Ваши слова, взволновавшие меня (болевым!)... «и жестокая». Слушайте внимательно: не могу сейчас иных рук, НЕ МОГУ, могу без ВАШИХ, не могу: НЕ ВАШИХ!

Верность: невозможность иначе. Остальное вопрос воспитанности, – воли – Марина Лютера и житейских соображений (не сбережений ли? Тот же Лютер!).

Как видите, учусь на Вас.

* * *

Будьте бережны и осторожны. Моя жизнь – не моя, следовательно: не Ваша.

Только жажда моя – Ваша.

И возьмите меня как-нибудь на целый вечерок с собой: я по Вас соскучилась.

* * *

– Ночь третья –

20-го июня 1922 г., 41/2 ч. утра

(а в 2 ч. расстались!)

Жесточайшая расплата за голодный час с Вами. Хватит духу – расскажу. Жизнь жестоко мстит за мое первое «во имя свое». Но этим я заработала право на всю себя к Вам. Теперь я поняла: всё как нужно. Начав – нужно было кончить. Так я обрела? право на Вас в моей жизни, теряя – быть может – Вас.

Это очень жестоко: я не знала не хочу, потому что не знала: хочу, мне всё было – равно. А теперь, распахнув руки (не крылья, но не меньше фраза не окончена

Мой мальчик, мой мальчик родной, темно-каряя моя радость, мой бедный спорный дом! – Поймите, между тем часом и этим неполных три часа. Как я хотела быть с тобой, вылежаться на твоей груди за все эти дни и ночи. Губами вглубь.

Когда я сидела с Вами на той бродяжной скамейке («галантность», «воспитанность») у меня душа разрывалась от нежности, мне хотелось взять твою руку к губам, держать, так, долго – так долго... Губами – руке: – Спасибо за всё.

Но ты видишь: мы расстались почти сурово. (Первые птицы! Мой с Вами час!) Я могу без тебя, я не девочка и не женщина, мне не нужны ни куклы, ни мужчины. Это я и

Тетрадь первая. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
раньше знала. Теперь я знаю одно: то, чего не хотела – и то, чего не хотела
знать.

Может быть ты скажешь: – Такой мне тебя не нужно. Иду и на это. На одно не
пойду: ложь. Я хочу, чтобы ты любил меня всю, какая я есть. Это единственное
средство (быть любимой – или нелюбимой).

Чувствую себя Вашей, как никогда ничьей. Уже не боюсь слов. Когда возобновятся
все ваши перекрестные крутежи, я всё равно от тебя уйду (из тебя – уйду). Уйду
от робости, недоумения, – о боли моей ты не будешь знать.

Мой век с Вами – час. И мне нужно от Вас только одного: Вашего разрешения: вот
этих слов: «Люби меня как хочешь и как не хочешь: всей собой!» – Я ведь говорю
не о жизни, не о ходе дней, – какое время вместит любовь? Я говорю о разрешении
на ВНУТРЕННИЙ разбег, ибо и его могу сдержать. Сдерживаю. (Уже не сдерживаю!)

Мне нужно от Вас: моя свобода к Вам. Мое доверие. – И еще знать, что Вам от
этого не смутно.

* * *

Небо совсем светлое. Над колоколенкой слева – заря. Это невинно и вечно. Я тебя
люблю сейчас, как могла бы любить твоего сына. Хочу только: головой в плечо.

Не думай, что я миную в тебе простое земное. Люблю тебя всего – понял? – с
глазами, с руками, с повадками, с твоей исконной ленью, с твоими огромными
возможностями тоски, со всей твоей темной (вне?) бездной: жаления, страдания,
отдачи. – Что это не на меня идет – ничего. Я для себя от тебя хочу ТАК многого,
что ничего не хочу. (Лучше не начинать!)

Только знай – мой нежданный, недолгий гость – мой баловень! – что никто и
никогда тебя так – (не так сильно, а так именно). И что я отступив от тебя,
уступив тебя: как всякому – жизни, как всякому – дорогу пропуск одного слова,
никогда от тебя не отступлюсь.

– У нас с вами неверные встречи. Я сейчас совсем спокойна, как мертвая, и в этой
полной ясности утра и души говорю тебе: с тобой мне нужны все тесноты логова и
все просторы ночи. Все тесноты и просторы ночи. Чтоб я, вжавшись в твое плечо,
могла прослушать всего тебя.

* * *

Какое бесправье – земная жизнь! Какое сиротство!

Жму твою руку к губам. Пиши мне. Пиши больше. Буду спать с твоими письмами, как
спала бы с тобой. Мне необходимо от тебя что-нибудь живое.

Всё небо в розовых раковинах. Это самый нежный час. И что-то уже отлегло: начало
письма. Растворилось в тебе.

У меня странное чувство: вслушайся внимательно: точно что-то взято у тебя. – Спи
спокойно. Первые шаги на улице, наверное, рабочий. – И птицы. –

Аля спит.

М.

* * *

Тетрадь первая. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
– Письмо четвертое –

Мой нежный!

Несколько слов в Ваш утренний сон: ночью рука от нежности всё-таки не удержала пера!

У меня к Вам еще два блаженных камня – колеблюсь – нужно, чтоб знали, но – если Вы человек – Вам не может не сделаться больно.

Буду ждать. Не камни: две ЛЮТЫЕ мечты, неосуществимые в сей жизни, исконная жажда моего существа, самая тайная, семижды семью печатями запечатанная.

Теснейше связаны: нет одной без другой, – по замыслу.

То для чего я на свет родилась.

Вдоль правого поля, напротив последних трех абзацев: Какая детская загадка!
Вроде: два конца, два кольца...

* * *

Кто знает? – Было однажды у Вас – при мне – слово, которое уже тогда ожгло меня болью. (Не забудьте: живу наперед!)

Когда-нибудь это письмо будет для Вас так же ясно, как эти буквы, в тот час, когда эта моя жажда станет Вашей.

* * *

В моих руках – в Ваших руках – всё.

* * *

М.

Рассвет какого-то июньского дня, суббота.

* * *

(Только у большого человека такое письмо не вызовет самодовольной улыбки. У большого-вообще и у большого в любви (Казановы, от меньшего – ПЛАКАВШЕГО!).)

* * *

– Письмо пятое –

25-го нового июня 1922 г., воскресенье.

Дружочек!

Рвусь сейчас между двумя нежностями: Вами и солнцем. Две поверхности: песчаная – этого листа, и каменная – балкона. От обеих – жар, на обеих – без подушки, на обеих – закрыв глаза.

И не перо одолевает, а Вы, – ибо стихов я сейчас не пишу. (Писала пол-утра!)

– Солнышко! Радость! Нежность! – Вчера не горел свет, и я руки себе грызла от желания писать Вам.

(Не путайте моих утренних, дневных, вечерних писем – с ночными! Все разные, все – я, но больше всего я – та, те. С Вами.)

У меня были такие верные – в упор – слова к Вам. Это был мой час с Вами, который у меня украли, с ключьями вырвали. Лежала – и воспитанно скрежетала.

– Дура? –

* * *

Я сейчас поняла: с Эренбургом у меня было Р, моя любимая (мужественность!) буква: дружба, герой, гора, просторы, разлука: всё прямое во мне.

А с Вами: шепота, щека, щебеты пропуск одного слова и – больше всего – ЖИЗНЬ, до безумия глаз мною сейчас любимое слово: в каждом стихе Жизнь.

И в этом: «дружочек!».

Вдоль правого поля: А все девять писем вместе с десятым, невернувшимся – попытка жить.

* * *

Мой родной, знаю, что это безобразие с утра: любовь – вместо рукописей! Но это со мной ТАК редко, ТАК никогда – я всё боюсь, что это мне во сне снится, что проснусь – и опять: герой, гора...

– Радость! –

* * *

А вчера весь вечер я Вами любовалась – честное слово: до умиления! Такая внезапная мужественность: стихи – мои, проза – моя, пьесы – мои, и ни одной секундошки – соба-ака! – (как ругательство!) – внимания ко мне, имя которой для Вас ДОЛЖНО сейчас звучать как: мое!

Я знаю, история синицы и журавля. Но, увлеченный синицей (целыми стаями синиц, т. е. стихов) – в руках – не прогадайте журавля – в руках же!

– Смеюсь. – Ничего не прогадаете: mit Haut und Hauch und Haut und Haar [100].

– Вы не устали слушать? – Пишу сразу три стиха. Ну и книга же будет! (Продам Гуковскому [101].)

* * *

– Письмо шестое –

26-го июня 1922 г., ночь

Родной!

То, что сегодня слетело на пол и чего Вы даже не увидели, было ненаписанное письмо к Пастернаку.

Вы сейчас ложитесь. Боже, до чего я умиляюсь всеми земными приметами в Вас: усталостью (тигрино-откровенным зевком!) зябкостью («не знаю почему – зубы

Тетрадь первая. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
стучат!» – у подъезда) внезапной (но еженощной!) ночной прожорливостью (в
Prager-Diele – шницель).

– «Но Вы из меня делаете какое-то животное!»

– Не знаю. Люблю таким.

И еще – меня сейчас осенило – Вы добры. Это не пустое слово. Вам часто жаль, т.
е. больно, болевая возбудимость в Вас не меньше радостной. В этом мы похожи.

Мой родной мальчик, беру в обе ладони Вашу дорогую головочку, какие у Вас нежные
волосы, стою над Вами как над маленьким. – Сколько у нас с вами могло бы быть.
(NB! маленьких?)

Теперь слушайте, это настоящая жизнь.

Вы лежите, я вхожу, сажусь на край, беру к губам руку, вгребаясь, люблюсь,
люблю. За окном – большая жизнь, чужая, нам нет дела, всё проще простого: Вы, я.
И целая ночь впереди:

Я Вам рассказываю – всякие нелепости, смеемся – ничего любовного! – ночь наша,
что хотим то и делаем. Но ночь еще своя, собственная, со своими законами, и вот
– через смех, произвол, пену – ПРАВДА: единственная: губы к губам.

Вы прелестно целуете (уничтожьте мои письма!) без натиска – нежно пропуск
двух-трех слов, настойчиво и осторожно, с каждой сотой секунды глубже, как
человек, который хочет пить – и не сразу...

Некое душевное изящество, выдержка, – до поры.

С Вами не смутно (тяжелой смутой) – нежно, очень нежно, еще нежней,
сверх-сил-нежно (игра: холодно, теплей, еще теплей, совсем тепло, – до «горит» у
нас с Вами не доходило!).

Вдоль левого поля: Любовная любовь – вода, небесная – огонь. (В пояснение: вода:
влажное начало, ил. Огонь: ничего не растет и всё сгорает.) 1932 г.

Плывешь. Вы невинны (радостью), Вы не сопреступник, не соубийца души, тьмы Вы
сюда не вносите – только темноты.

Как я бы хотела, как я бы хотела – ведь это нежнейшее, что есть – Вашего
засыпания, какой-нибудь недоконченной фразы, всего предсонного с Вами! – Чтобы
лучше любить! Ибо тогда души безоружны и явнее всего.

Милый друг, я только в самом начале любви к Вам – любви! – еще ничего не было,
я только учусь, вслушиваюсь.

я бы хотела многих Ваших слов, никогда не скажу. Чувство: ничего не опережать,
заострить внимание и вглубь (себя, другого). Из этого может вырасти огромное –
при бережности. Бережность, это Ваше слово, помню и благодарю.

Ведь всякую встречу можно повернуть самовольно (исказить!) эта встреча да будет
Страница 82

Тетрадь первая. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
по замыслу, не Вашему, не моему, самой любви, самой судьбы. – Если ей вообще
быть суждено! –

Будет час: у меня встанет к Вам неутолимая жажда – ах, знаю! – но это еще не
скоро, и от Вас не зависит. Это – этап.

Не обманывайтесь внешними признаками: руки и губы нетерпеливы, это – дети, им
НУЖНО давать волю (чтобы не мешали!), но главное не в них: душа, вначале
опережающая, в середине запаздывает: или недолет или перелет, ибо она не наша
сверху: здешняя и не соизмеряется.

– Спокойной ночи. Прочтите это письмо на ночь, и тут же – сонно-выпадающим от
сна карандашом – несколько слов мне, НЕ ДУМАЯ. – Буду любить и беречь.

Сегодня в кафэ мне на секунду было очень больно, Вы невинны, это я безмерна, Вам
этого не нужно знать.

Спите. Не хочу ввинчиваться в Вас как штопор, не хочу розни, ничего не хочу
хотеть. Если всё это – замысел, а не случайность, не будет ни Вашей воли, ни
моей, вообще – в какие-то минуты – ни Вас ни меня. Иначе – бессмысленно: МИЛЫХ –
сколько угодно.

я хочу – ЧУДА.

М.

* * *

– Письмо седьмое –

30-го нового июня 1922 г., ночь.

Мой дорогой друг!

– Ибо сейчас обращаюсь к другу. –

Мой дорогой друг! – Хотите правду о себе, которой Вы от любящей никогда не
услышите? Мы сейчас сидели за столиком, Вы слушали стихи, и музыку, и меня.
Сейчас я дома и одна и думаю и первая мысль: это человек ПРЕЖДЕ ВСЕГО –
наслаждения. О, не думайте: я беру это слово во всей его тяжести, и оттого что я
его так беру – мне почти что больно (ибо это – неизлечимо).

Не наслаждение: женщины, вино и прочее простое, а: дерево, музыка, свет. Всё
доходит, но исключительно через шкуру, точно души никогда и не было. (Ваша шкура
– медиум.) Всё Вас гладит, всё по Вас – как ладонь. Мне любопытно: ЧЕМ Вы
слушаете Бетховена?

(Не говорите: не люблю, боюсь слишком явной расщелины, ибо бетховенское: Durch
Leiden – Freuden [102] – мое первое и последнее на земле и на не-земле!)

Ладонь – люблю, вся жизнь – в ладони. Но поймите меня! Нельзя – только ладонь.

Стихи Вы любите – даже не как цветы: как духи. Разрывается у Вас от них душа?
Боль, – что она в Вашей жизни? (В моей – ВСЁ.)

Мой родной! Если бы это окончательно было так – и завтра! – я бы нынче не тянулась к Вам как тянусь. Я хочу для Вас страдания, но не грубого, как те явные чудеса, не поленом по голове бьющего (ибо тогда человек тупеет: обрубок, бык), а такого: по жилам как по струнам. Как смычок. И чтобы Вы за этот смычок – отдали последнюю душу! – чтоб Вы умели жить в нем, поселились в нем, чтоб Вы дали ему в себе волю, чтоб Вы не разделялись с ним в два счета: «больно – не хочу».

Чтобы Вы, сплошная кожа, в какие-то часы жизни стояли – без кожи.

Я не хочу, чтобы Вы – такой – такой – такой – в искусстве, миновали что бы то ни было «потому что тяжело». Вы не любите (НЕ ХОТИТЕ) Достоевского и Вам чужд Врубель – пусть это будет сила в Вас, а не слабость, преодоление через знание, а не закрывание глаз. Я не хочу Вас слабым, потому что не смогу Вас любить.

Будьте слабым в личных проявлениях, в маленьких пристрастиях, но не переносите этого на большое, слабости не терпящее. Вспомните, что эпикурейцы из всех искусств жизни лучше всего умели: УМИРАТЬ. Эпикурейство обязывает.

Будьте

* * *

Это слово случайно осталось последним. Прервала жизнь. Это слово не случайно осталось последним.

* * *

Я Вас бесконечно (по линии отвеса, ибо иначе Вы этого принять не можете, не вдоль времени а вглубь не-времени) – бесконечно, Вы мне дали так много: всю земную нежность, всю возможность нежности во мне, Вы мой человеческий дом на земле, сделайте так чтобы Ваша грудная клетка (дорогая!) меня вынесла, – нет! – чтобы мне было просторно в ней, РАСШИРЬТЕ ее – не ради меня: случайности, а ради того, что через меня в Вас рвется.

* * *

Беру тебя за головочку (я стою, ты выше меня, тянусь) смотрю на под строкой: в тебя, потом, не отпуская рук, сама подставляю голову. И потом, чуть запрокинув: на.

Возьми меня с собой спать, в самый сонный сон, я буду лежать очень тихо: только сердце (которое у меня – очень громкое!). Слушай, я непременно хочу проспать с тобой целую ночь – как хочешь! – иначе это будет жечь меня (тоска по тебе, спящем) до самой моей смерти. Ты ведь знаешь, что мне здесь важно.

* * *

Поцелуй за меня мою вторую мечту.

М.

* * *

– Письмо восьмое –

2-го нового июля 1922 г., ночь.

Поперек страницы, перед началом письма: NB! Думаю, что между 30-тым нового июня и 2-ым нового июля – либо письмо Б. П., либо письмо к Б. П., либо усиление дружбы с Белым. Слишком явный – солнцеворот (от корреспондента!). – Проверить. – (1932 г.)

Тетрадь первая. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Милый друг!

Как Вы похожи на Ваше письмо! (читала его более внимательно, чем Вы – писали.) –
Линия наименьшего сопротивления.

Мне нравится Ваше письмо, перечитывала его за два дня – четыре раза (часы,
конечно, знаете).

Я бы одно только хотела знать: для меня ли Вы его писали, или для себя, или.

Вы в письме плывете: не гребя, на спине. Как это у Вас еще хватило силы держать
перо? (Не силы – действительности!)

Некоторые места, которых сразу не поняла (почерка), так и остались темными.
Косноязычия в письме нет, оно плавное: слово за словом. А Вы уже вообразили, что
тонете в море?

Вы любите слова, Вы к ним нежны и они Вам благодарны: льнут. Во мне, думаю, Вы
любите главным образом слово, через слово и душу. Бывает, что через душу –
слово. Я бы предпочитала единовременность и единоглавенство (хорошее слово? –
выдумала – и по Вашему поводу! Подарите мне за него мундштук – только не белый.
А свой вчера сходя с автомобиля – каталась с Белым – потеряла [103]. непременно
подарите! – Список растет.)

Вчера я с иронической рыцарственностью Вас защищала, это меня услаждало, гладило
по сердцу, хотя и знаю, что:

...за добрые дела

Лозэн, не любят!

Кстати, кажется продаю фортуна Гике [104].

Есть нежные слова в Вашем письме, тоже глядящие по сердцу, по всему верху груди
– ладонью. С таким письмом хорошо спать. – Спасибо.

По Вас не скучаю – пока, но (знаю себя) через три дня бы заскучала. И потом – Вы
дома, очень думать о Вас значило бы – и Вас заставлять думать, т. е. из дому –
уводить (не самомнение, первая гадалка скажет!), а я против даже самого нежного
насилия.

А если сами думаете обо мне – Вам меня уводить не приходится.

Хочу Ваших писем. Продолжайте. Письмо – испытание.

«...нежность на исходе» (от растраты). Это чудесно и правильно. И, смотрите: от
«на исходе» – неизбывность, чем больше даешь, тем больше остается, закон
правильный даже в мире внешнем. (Я, напр., раздающая НАПРАВО и НАЛЕВО – в самом
злободневном – партийном – смысле! – стихи из Ремесла (NB! ВАШЕГО) и
отчаивающаяся когда-либо до конца избыть.) Я бы хотела прочесть Ваши стихи. –
Дадите? – Прочту внимательно и скажу правду. (Оттого, верно, и не дал! 1932 г.)

* * *

Вы, конечно, из лени, не напишете мне ни строчки, Вы вроде Али, которую нужно
соблазнять неграми или хватать за загривок: пиши! Днем – море, вечером – сон.

Когда я уеду – и вот, не знаю, что дальше. Вижу себя, глядящую – согласно Вашему определению – вполоборота, через плечо, но не на Вас: на себя – эту.

* * *

Моя нежность! Завтра или послезавтра спрошу Вас, что в точности Вы делали во втором часу ночи, нынче, в воскресенье.

Помню Ваши утренние волосы: кудрявые, и дневные: проборные, и ночные: лохматые, – самые милые! И всю Вашу небрежную (не бережете!) нежность. Но слишком думать о Вас нельзя.

* * *

Спокойной ночи. – Если Вам сейчас снится хороший сон – то, конечно, моей милостью.

* * *

9-го нового июля 1922 г., ночь

– Письмо девятое, последнее –

Мой родной,

Сегодня наши мысли врозь, Вы берете в сон – другую, я – целое небо.

От стихов (напряжения) мне страшно захотелось спать, я ждала Ваших шагов, мне не хотелось, чтобы я когда-нибудь – в будущем – смогла сказать себе, что хоть раз пропустила Вас по своей вине, я взяла подушку и легла – головой в дверях балкона. Подымаю глаза: две створки двери – и всё небо. Шагов было много, я скоро перестала слушать, где-то играла музыка, я вдруг почувствовала свою низость (всех годов и последних дней!), я знаю, что я не такая, – это только потому, что я пытаюсь – жить.

Жить – это кроить и неустанно кривить и неустанно гнутья и уступать – и ни одна вещь не стоит (да и не стоит! простите эту грустную, серьезную игру слов), всё на мягких ногах, как тот идол, а когда хочешь выправить (не жить – быть!) – весь хребет трещит, разрыв (не с человеком, – только души!).

Мой родной, я совсем не знаю, доходит ли. Я еще полна этим пустым небом. Оно плыло, я лежала неподвижно, я знала, что я, лежащая, пройду, а оно, плывущее, останется. (Небо плывет вечно и безостановочно: с тех пор как земля и раньше чем земля, а я – всё прохожу: вечно и безостановочно. Я – это все те которые так лежали и смотрели, лежат и смотрят, будут лежать и будут смотреть: видите – я тоже бессмертно!)

И вспомнила утро: недоуменно, вне негодования. Это просто была не я. Разве я – могу кроить и рассчитывать. Нет, это жизнь за меня старается. Я могу – да – рваться (как ребенок: к тебе) – разрываться – но дальше!.. Все исхищрения, все лоскутья (урезки!) – как не завести рук за спину?

Разве нужно – в таком осуществлении – такой ценой?

Друг, должно быть небо – и для любви.

Найдите, не раскаяние и не угрызение, ни от чего не отказываюсь, пока под веками и на пороге губ.

Простите меня за мои сегодняшние слова и помыслы, я была не в уме.

Друг, Вы сегодня не пришли, потому что писали письма, мне уже не больно от таких вещей – приучили – (Вы – и все, Вы ведь тоже «бессмертны»! – как та лежащая: глядящая я) – когда Вы когда-нибудь, на досуге, перечтете мои записные книжки – не только ради формулы и анекдота – когда Вы иначе, меня живую ища, перечтете – Вы заново увидите нашу встречу. Думаю, в жизни со мной поступали обычно, а я чувствовала необычно, поэтому никого не сужу. От Вас как от близкого я видала много боли, как от чужого – только доброту, никогда не чувствовала Вас ни тем, ни другим, боролась в себе за каждого – значит: против каждого.

Это скоро кончится – чую – уйдет назад, под веки, за губы – Вы ничего не потеряете, стихи останутся. Жизнь прекрасно разрешит задачу, Вам не придется стоять распятием (да простит мне Бог и Ваше чувство меры – непомерность сравнения!).

Родной! Вне милых брэнностей: ревностей, нежностей, верностей, – вот так, под пустым небом: Вы мне дороги. Но мне с Вами просто нечем было дышать.

Я знаю, что в большие часы жизни (когда Вам станет дышать нечем, как зверю задохнувшемуся в собственном меху) – минуя мужские дружбы, женские любви и семейные святыни – придете ко мне. По свою бессмертную душу.

А теперь – спокойной ночи.

Видите, небо рознит меня не с Вами, только фраза не окончена

Целую Вашу черную головочку.

М.

* * *

Письмо десятое, невозвращенное

* * *

Письмо одиннадцатое, полученное:

Вы поймете, Марина, как мне трудно писать: я сознаю себя кругом виноватым. Виноват в отсутствии той «воспитанности» (внутренней и внешней), которую Вы так цените. Но постигает же людей чума, и меня постигла жестокая прострация, гнусное состояние окостенения, оглушения, онемения. Всё проходило мимо и никакие силы не могли бы заставить меня делать то, что делать было необходимо. Сейчас всё это – позади, и я чувствую какую-то особенную послеболезненную бодрость. Мне очень тяжело, что мое молчание могло Вас навести на ложные предположения. Я долго и тяжело спал. Спящие не ходят на почту. (Я, 1932 г. – Но едят.) Прошу этому верить.

Вдоль правого поля: NB! Ненавижу слово: бодрый. Фокс-террьер – бодрый. А в общем – всё письмо – послеобеденная бодрость.

* * *

Я возвращаю Вам письма дабы у Вас была полная уверенность в том, что они – не у меня. Я оставил только одно – последнее, переданное Вами в день отъезда. Оно мне дорого, как завершение какого-то пути, как последнее слово удаляющегося голоса. Впрочем, если Вам не по себе от этого листочка в моих руках – верну его тотчас.

Тетрадь первая. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

* * *

Я шлю Вам (заказным)

1) 2 конверта с документами

2) тетрадь 21 г.

3) Стихи 17 г.

4) «----» 18 г.

5) Две записных книжки

6) Книги Ахматовой

7) Юношеские стихи

Лиловую книжечку, куда Вы записывали мне стихи, я оставил. Не в виде документа или памятки, а просто как кусок жизни переплетенный в кожу. (Я, 1932: какой в этой фразе (и образе) – жир!) Если это не по праву (не «законно») – напишите, пришлю.

Вдоль верхнего, левого и нижнего полей: Противная ассоциация с порнографическим пропуск одного слова переплетенным в женскую кожу (с груди). И еще: этот «кусок жизни» – просто сердце: живое мясо души. Не сомневаюсь, что наряду с остальным, моему корреспонденту сильно нравилась сама видимость книжки: темно-синий сафьян, в каковом, кстати, для себя никогда не пишу. Так, в последний раз оправдалась моя о нем «ощупь», так в первый раз его ощупь – на мне – удовлетворилась.

* * *

Корректуру «Ремесла» (в сверстанном виде) высылаю той же почтой. Ради Бога – не задерживайте и верните Durch Eilboten [105] и заказным. Книга появится в конце ноября и будет хорошо отпечатана, не беспокойтесь.

* * *

Если напишете – ответу без промедления. Я проснулся. У меня отшибло память на личную жизнь. Помню человеческое и общее. И Вас помню на балконе, лицом вверх и глазами в ночное черное небо, равно безжалостное для всех.

* * *

Белый шлет Вам привет и просит стихи в «Эпопею». Сообщите, какие печатать. Как Ваша литературная работа? Гейне переводите? Из записных книжек не хотите чего-нибудь смастерить?

Я посылаю Вам на этой неделе 20.000 германских марок. Вы живете в стране со зверской валютой, и, представляю себе, как это мало. А Гика?

Есть у Вас новые стихи? Пришлите, пожалуйста, по старой памяти.

Желаю Вам добра

Ваш

Берлин, 29.10.22.

(для ясности 29-го октября 1922 г.)

* * *

Все люди берегли мои стихи, никто – мою душу. (1932 г.)

ЧЕХИЯ

ЗАПИСИ ИЗ ПЕРВОЙ ЧЕШСКОЙ ЧЕРНОВОЙ
(зеленая с черным: зебра)

Слева, в виде эпиграфа:

«От сего, что поэт есть творитель, не наследует, что он лживец: ложь есть слово против разума и совести, но поэтическое вымышление бывает по разуму так, как вещь МОГЛА и ДОЛЖЕНСТВОВАЛА быть».

Тредьяковский[106]

* * *

– Начинаю эту тетрадь в Чехии, в горах у лесника – без адреса – (6-го нового августа 1922 г.

* * *

Первый стих: Сивилла

(Сивилла: выжжена, сивилла: ствол)

* * *

Невошедшие строки (варианты)

..Битв... ибо веком сглазив

Вечным – навек взошел

В тело (столбняк и кладезь) –

Фебовой флейты ствол.

Справа от четверостишия, поперек страницы: NB! сглазив – как наказав: наказав вечным веком, бессмертием.

* * *

Битв... ибо зраком сглазив

Вещим –

* * *

Голос и кость

(Сивилла)

* * *

Проточные жилы (рек)

* * *

Разрозненные голоса

Арфы Давидовой

* * *

– – по дорогам

Яблони сторожевые

* * *

Ибо на тебе, шиповник.

Капли сердца моего

* * *

Так,

Кануть безвестно!

Элизиум! Братство лесов!

Рай мой древесный!

Заживо ризы раздарив

[...]

Посмертное струенье ив

Принять при жизни.

* * *

Так, в судорогу ваших дел –

Всея благостью потусторонней

* * *

Золото моих волос

Тихо переходит в седость

Не жалеете: всё сбылось

Всё в груди – спелось.

Спелось – как вся даль слилась

В стонущей трубе окраины.

Господи! Душа сбылась, –

Умысел твой самый тайный.

* * *

Не твердите мне, что – рус

Волос мой

Ранней седостью горжусь:

[...]

Несгорающую соль

Дум моих – ужели пепел

Фениксов отдам за смоль

Временных великолепий.

* * *

Тетрадь первая. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Да и ты посеребрел,

Спутник мой! К громám и дымам
К молодым сединам дел –
Дум моих причти седины.

Горделивый златоцвет,
Роскошью своей не чванствуй!
Молодым сединам бед
Лавр пристал – и дуб гражданский.

* * *
(Не окончено и в Ремесло не вошло – а могло бы.

Около 20-го сентября 1922 г.

Горние Мокропсы, близь Праги.)

* * *
Но до Господа дойдут
Рёвы | труб.

Зовы |

* * *

зов

Утробы завóдской
Сброд и картузов
Сиротство, сиротство!

На вытяжку – корпуса
Рабочий поникший
С ребенком, что родился
Сегодня | – для них же
Намедни |

Справа от наброска, поперек страницы: Отголоски пражской Свободарни [107].

* * *
Все жалобы к Богу несет труба.

* * *
...Где начало правды, где схлынул жир

Дорогих квартир

Где и столько дыр –

В смерть – и выход в мир.

Тетрадь первая. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

* * *

Бедному на том свете дадут шубу, богатому – душу.

* * *

На корысти – коросте –

Так блаженно и просто: другая жизнь.

* * *

Где из свалочной ямы

Первым сядешь за стол.

* * *

Юных ангелов седость,

Седость ранних монархов

* * *

Оттого что так рано мой волос сед –

Обещаю и знаю, что смерти нет.

* * *

Где кажется дадут: поэтам – хлеб,

Богатым – душу.

* * *

Как казачьи набеги

Лихорадки крапивной

(Любовь)

* * *

И улыбаясь молодости бурной

Я голову свою несусь как урну.

* * *

Опомнись же! Вторая четверть века!

Что делаешь?

– Да уж который год

Бесчувствую и провожаю реку

Души своей и радуюсь: растет.

* * *

На требованья жилистого века

И женскую : тридцатый год!

Бесчувствую и провожаю реку

Души своей, и радуюсь: растет!

* * *

На требованья жилистого века

Что делаю? Да уж который год

действую |

Бесчувствую | и провожаю реку

Души своей, и радуюсь: растет!

* * *

(28-го сентября 1922 г.)

* * *

Если камень летит – в меня он.

* * *

С крыши камень упал – в меня он.

* * *

Или тот, лавролобий,

В чашах Дафну узрев?..

* * *

Радуги переброс.

* * *

Лбов – тихая обуреваемость.

* * *

В упокоенный плеск

Струений тростниковых.

* * *

Лысеющие леса

* * *

НВ! Мельницу с одним окном, ручей, горбатый мостик.

* * *

Проводы реки.

* * *

Ива, древо скорбящих.

* * *

Разрозненные голоса

Арфы Давидовой.

* * *

Посмертный скарб.

* * *

25-го русского сентября 1922 г., день Серезиных именин, полковой праздник марковцев [108] и канун моего тридцатилетия.

(Подпись под стихом «Так, заживо раздав...».)

* * *

Не цветом, а светом

Загадка решается: клен

* * *

Такая ж заплата

Как слово: любовь.

Ложь: пурпур и золото,

Ложь: киноварь, бронза и кровь

Спетом

[...]

Не цветом, а светом

Загадка решается: лес

Осенний...

* * *

Аминь и Осанна!

Иного не вспомнят уста

* * *

Пресветлая осень,

Какое подобье избрать?

* * *

(Хождение возле: «Не краской, не кистью».)

* * *

27-го русского сентября – 10-го нового Октября 1922 г.

* * *

Даль, в верстовых столбах пошедшая ввысь.

* * *

Все поезда – в Бессмертье, по дороге – Россия.

* * *

Все поезда – в Бессмертье, полустанок – Россия.

* * *

Лестницей ребер, рук –

Тел воскресяющих...

* * *

Дух, справившийся с прахом

* * *

Шелесты фольги

(NB! шелест засохшей листвы на дубах – точный шелест фольги.)

* * *

То благовествую, что сама

Нынче лишь узнала:

В строгой постепенности псалма,

Зрительною скáлой...

* * *

То живописую что сама

Нынче лишь узрела

* * *

клочья...

Тетрадь первая. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Просыпаются – кто в чем успел

Лечь на сон бессрочный

* * *

Старческих, не знающих сего,

Отроческих – птицы...

* * *

Вихрь седобородый...

* * *

Вяз седобородый...

* * *

Смертная жизнь:

м |

Слабых | – сеть

Дерева жизнь:

Славу петь!

* * *

Я знаю:

Такая же будет сквозная –

Та роща...

* * *

Хочешь? Помоги

Вспомнить! На иконках –

Шелесты фольги,

Проволочек тонких...

* * *

Сухие дубы – как елки с украшениями – когда нечаянно качнешь.

* * *

В этой стране –

Песни в цене!

* * *

– так упаду

... – и так восстану!

НВ! Непременно старого Давида!

* * *

...День когда тьма от света

Отделена была. Столь наг и чист

Свет, что три ночи сряду

Стихи забрасываю: каждый лист –

Целую Мессиадой!

* * *

Тетрадь откладываю: каждый лист –

Целую Мессиадой!

* * *

В сиром воздухе загробном –

Перелетный рейс...

Сирой проволоки вздрог,

Повороты рельс...

Точно жизнь мою угнали

По стальной | версте –

двойной |

В сером мороке – две дали...

(Поклонись Москве!)

* * *

Точно жизнь мою убили.

Из последних жил

В сиром мороке в две жилы

Истекает жизнь.

* * *

Две продольности и встречный

Гром: железа речь.

Разве некой поперечной

Посередке лечь?

* * *

Разве некой поперечной

Не победа – лечь?

* * *

Под колесами не слышно

Рельс, не видно рельс.

* * *

Разве поезд – только поезд

И его ли ждешь?

* * *

28-го Октября по новому (Октябрь всегда пишу с большой буквы, из-за того – московского) вечером, в 11 ч. 20 мин. – на щеке – паук. (Espoir [109].)

* * *

Не надо вам моёй любви!

Обманиваю вас –

Панóве!

* * *

В Сочельник кончила Мóлодца. За два месяца – ни стиха.

* * *

Зов –

Прародины.

* * *

Можжевельник монашествующий.

* * *

Что любовную любовь

Отбываю, как повинность.

* * *

Растворяю окно: гора или облако?

(Не стих, запись)

* * *

Хочу написать Окно (за кисеей).

Запись одной весны (книга). Устрашает необходимость фабулы. Люблю не людей, но души, не события, а судьбы под строкой: а со-бытиё – СО ВСЕМ. Я не умею выдумывать, брезгую вымыслом. Так прекрасно всё спелось без меня.

* * *

Не люблю из черной работы – только мытье полов: чувствую действительное унижение: долу перед прахом (который отрясают с ног). И унижение не только пропуск одного-двух слов, просто: мне на четвереньках – низко. Пол хорош для лежания: вытянувшись как мертвец.

Проще: не люблю из черной работы – только мытье полов: слишком помойно.

* * *

Я не изгоню из этой книги людей, они в нее сами не войдут (как в мою жизнь).

* * *

Весна: звенящее, сквозное, не оперенное.

* * *

Котел. – Платформа. – Въезд. – Колодец. – Лысая гора (можжевельник). Дубовая рощица.

* * *

«Что с ним сделала жизнь». Жизнь, – но ведь это вёсны и лета и осени и зимы, и разливы рек, т. е. опять вёсны – и лета – что они с нами – нам – делали, кроме доброго?

«Что со мной сделала жизнь» – стихи.

* * *

Люби другое, и страдать будешь от другого – и страдать будешь по-другому: по-своему: родному сверху: высокому.

* * *

– Просквозило всю голову!

(на горе)

* * *

Встречи с Пастернаком, на платформе, ожидая поезда в Прагу.

* * *

Моя душа теряет голову.

* * *

Памятью и рассудком помню, что есть другая жизнь – горячая, где жарко. Сердцем – нет: оно всецело на службе моих горных подъемов (т. е. ног, и легких, и лба).

* * *

Весну этого года я увидела черной, в темноте, скорей услышала, чем увидела – в шуме разлившегося ключа, поздно вечером, когда уже ничего не видно.

* * *

Это книга отрешения: платье всё время падало, я его вяло удерживала – и вдруг задумалась, загляделась, а оно – пропуск одного слова – скользнуло и вот – кружком как пес у моих ног: жизнь.

* * *

Быть действующим лицом – да, если бы не с людьми! В лесу, например, – действующим лицом.

Мне плохо с людьми, потому что они мне мешают слушать: мою душу – или просто тишину.

Такой шум от них! Без звука. Пустой шум.

* * *

Знаю, что весна со мной сотворит – что не знаю (то, чего еще не знаю).

* * *

Запись моих близоруких глаз.

* * *

Я знаю, что за облаком – боги. Два слова во мне неразрывны: боги и игры. А наших земных игр не люблю: ни взрослых, ни детских.

* * *

Почему такая свобода во время сумерок? Уверенный голос, шаг, жест. А я знаю: лицо скрыто! Свобода маски. Мне в жизни нужно, чтобы меня не видели, тогда всё будет как пропуск одного слова. Исчезнуть, чтобы быть. (Не смерть ли?)

* * *

Я не больной. Больной неустанно меняет положение, потому что дело не в кровати, а в нем. Я металась, пока не напала на одиночество (единственный бок одиночества). Следовательно, дело было в кровати, а не во мне.

* * *

6-летний мальчик, сын режиссера, целует ручку. Ах, если бы не режиссера сын, а сапожника! – Сам –

(NB! Странно: переписываю эту запись – речь о Лелике Туржанском [110] – как раз в день его шестнадцатилетия: 25-го июля 1932 г. Он более чем когда-либо «целует ручку». В мифологию больше не играет, но танцует на балах.)

* * *

Моя душа слишком ревнива: она бы не вынесла меня красавицей.

* * *

Черный. Белый. Темный и светлый мне нужнее: больше дает. Думаю – п. ч. черный существует еще и как разряд: густоты, степени жара и пр. (Черный: жаркий: густой: резкий –), т. е. как ряд определенных присутствий, мне ненужных, лишних, м. б. враждебных.

Черный: ряд (свойств и вещей), темный – всё.

* * *

Так, вопрос цвета решать светом, степенью света. Это я почувствовала осенью.

* * *

– Шум надувающихся и проносящихся ручьев. – Этого слова я искала вчера, проходя темным вечером по деревне. Черный остов церкви, запах березового лыка (размоченных ливнями плетней) под ногами вязь, грязь, – и справа и слева, вдогон и в обгон – шум надувающихся, торопящихся, проносящихся ручьев.

* * *

Думаю, что из всего что на свете видела и не видела я больше всего люблю Сицилию потому, что воздух в ней – из сна. Странно: Сицилию я помню тускло-радужной, пропуск двух-трех слов. Знаю (памятью), что в ней всё криком кричит, вижу (когда захочу) бок скалы ощеренный кактусами, беспощадное небо, того гиганта без имени под которым снималась: крайность природы, природу в непрерывном состоянии фабулы, сплошной исключительный случай, а скажут при мне Сицилия – душевное состояние, тусклота, чайный налет, сонный налет, сон.

Запомнила, очевидно, ее случайный день и час, совпавший с моим вечным.

Помню дорогу, мощеную пластами как реку – пластами – постепенную, встречного осла с кистями и позвонцами, сопутствующие холмы с одним единственным деревцем, кислую марсалу и кислый хлеб. И монастырю, в который мы шли (развалинам) и дороге, которой мы шли и дню, в который мы шли – всему этому, очевидно, было имя, (иначе бы не было: который). А вот – память взяла и забыла, переместила брэнную (данную) дорогу, день, час в совершенный: сновиденный мир.

* * *

Сицилию я помню Флоренцией, в которой никогда не была.

* * *

А м. б. только всего – ранняя сицилийская весна.

* * *

У меня летом была отчаянная мысль: я так люблю эту березу, но я буду замерзать под ней зимой – она фраза не окончена

И то же с моим колодцем, под горкой, пастернаковским, из которого в ведре несущ – ведрами ношу! – луну: упаду – только повышу уровень...

Значит: обман: это мое сознание: как оно меня любит! Значит: себя – тешу.

А потом поняла: они тоже беззащитны, они тоже ничего не могут, нам вместе холодно, страшно и т. д., не они, а я – должна их защищать. – Стихи. –

* * *

Непроспавшееся небо, точно протирающее глаза верхом руки.

* * *

(Начало февральских стихов к Б. П.)

* * *

Узнать у Альтшуллера [111] наибольший диапазон человеческого голоса. Хорошо бы у кого-нибудь – нечеловеческого.

* * *

Так нового века Патрокл и Ахилл

Мы свято друг другу явили

Что могут – в железном сознании КРЫЛ –

Последние силы и жилы.

* * *

Я сейчас в первый раз в жизни понимаю что такое поэт (стою перед лицом поэта). Я видала людей, которые прекрасно писали стихи, писали прекрасные стихи. А потом жили, вне наваждения, вне расточения, копя всё в строчки: не только жили: наживали (-лись). И достаточно нажив разрешали себе стихи (как маленький чиновник – поездку на дачу – после целой департаментской зимы). И, естественно – месяцы и месяцы жильничества (лучше бы – жульничества!), скопидомства (-душства) – небытия! – т. е. зная, что им стихи стоят, в какую копейку им самим влетели, и естественно, говорю, требовали за них с окружающих непомерной платы: кадил, коленопреклонения, памятников заживо, множа то малое, что дали на всё в чем себе отказали и этот счет предъявляя.

И я, жалея в них нищих, галантно кадила – и отходила. Я ведь многих, многих поэтов знала. И больше всего любила, когда им просто хотелось есть – или просто болел зуб: это человечески сближало. Я была НЯНЬКОЙ при поэтах – совсем не поэтом – и не Музой! – молодой (иногда трагической!) нянькой. – Вот. – С поэтами я всегда забывала, что я – поэт. А они, можно сказать – и не подозревали.

Вы, Пастернак, в полной чистоте сердца – мой первый поэт, т. е. судьба разворачивающаяся на моих глазах, и я так же спокойно (пропуск одного слова) говорю Пастернак – как Байрон. Ни о ком не могу сказать сейчас: я его современник, если скажу – польщу, пощажу, солгу. И вот, Пастернак, я счастлива быть Вашим современником. Читайте это так же отрешенно, как я пишу, дело не в Вас и не во мне, это безлично, и Вы это знаете. Исповедуются не священнику, а Богу. Исповедуюсь (не каюсь, а воскаждаю) не Вам, а Демон'у [112] в Вас. Он больше Вас, но Вы настолько велики, что это знаете.

Последний месяц этой осени я пропуск одного слова провела с Вами, не расставаясь, не с книгой. Я одно время часто ездила в Прагу, – и вот, на нашей крохотной станции – ожидание поезда. Я приходила рано, в начале темноты, когда фонари загорались. (Повороты рельс.) Ходила взад и вперед по темной платформе – далё-ёко! и было одно место: фонарный столб – без света – это было место встречи (конец платформы), я просто вызывала Вас сюда, и долгие бок о бок беседы, никогда не садясь, всегда на ногах.

В два места я бы хотела бы с вами: в Weimar, к Goethe и на Кавказ (единственное место в России, где я мыслю Гёте).

Я не скажу, что Вы мне необходимы, Вы в моей жизни необходимы, как тот фонарный шест, – который всегда встанет, на всех моих путях. В начале темноты, в конце платформы.

Тогда осенью я совсем не смущалась, что Вы этого ничего не знаете – видите, не писала же, и не написала бы никогда, если бы не Ваше письмо, – не потому что тайна, а потому что Вы всё это сами знаете – может быть только с другого конца: по ту сторону платформы. (Там где кончается платформа начинается Пастернак. Формула той платформы. Той осени. Меня той осени.)

«Хочу» – можно и расхотеть, хочу – вздор. У меня и в детстве не было хотений.

«На вокзал» было: к Пастернаку, я не на станцию шла, а на свидание (надежнее всех, на которые когда-либо... Впрочем, мало ходила: не снисходила: пальцев одной руки хватит... Но об этом потом – тогда – или никогда)... Вы были моим счастливым свиданием, Пастернак.

И, заметьте: никогда нигде кроме той асфальтовой дороги. Уходя с вокзала я просто расставалась: сразу и трезво – как в жизни. Я Вас никогда не брала с собой домой. И никогда нарочно не шла. Когда прекратились поездки в Прагу, кончились и Вы (встречи).

Рассказываю Вам всё это, п. ч. в Прагу больше не езжу (раз в месяц, за иждивением – и днем, уничтожающим: начало темноты, смысл фонаря – и бесконечность за концом платформы, оказывающуюся всего только шахматами полей).

Теперь о союзничестве. Когда я кому-нибудь что-нибудь говорю и другой не понимает (всегда: никогда!) первая мысль: Пастернак. Не мысль: оборот головы. Как полководец за подкреплением. Ссылаюсь.

Как домой иду. Как на костер иду. Вне проверки. Я, например, знаю, что Вы – из всех – любите Бетховена (даже больше Баха), что Вы больше стихов любите музыку, что Вы «искусства» не любите, что Вы не раз думали о Паганини и хотели писать о нем, что Вы католик, а не православный. Пастернак, я читаю Вас, но я как Вы не знаю Вашей последней страницы.

Мне хочется сказать Вам – и Вы не рассердитесь и не расстроитесь, ибо Вы мужественны и бескорыстны – что в Вашем творчестве больше Гения, чем поэта, сдавшегося ему на гнев и на милость. (Только низкое себялюбие может сражаться с ангелом! «Самоутверждение» – когда всё дело: в самосожжении!)

Еще, Пастернак, я хочу, чтобы Вас не зарыли, а сожгли.

* * *

Ваша книга [113]. Пастернак, у меня к Вам просьба. «Так начинаются цыгане» [114] – посвятите эти стихи (мысленно) мне. Подарите. Чтоб я знала, что они мои. Подтвердите право на владение. И есть крик, вопиюще-мой: – Это я, а не вы – пролетарий (который кстати всегда произношу так:

– Нет, не вы, – это я – пролетарий!)

Пастернак, есть тайный шифр. Вы – сплошь зашифрованы. Вы безнадежны для «публики». Если Вас будут любить, то из страха: одни – отстать, другие – быть обвиненными в отсталости, третьи (уже исключение) – как звери Орфея, повинувшись, т. е. тоже из страха. Но знать (понимать)... Да и я Вас не знаю, да и Вы себя не знаете, Пастернак, мы тоже звери перед Орфеем, только Ваш Орфей – не Пастернак: вне Вас.

А есть другой мир, где Ваша (наша) тайнопись – детская пропись. С Вас там начинают (первая ступень). Пастернак, подымите голову! Выше! Там – Ваш «Большой Политехнический зал».

* * *

Ремесло. – Молодец. – «Женское ничтожество». – Беседа с Вашим гением о Вас.

* * *

А теперь, Пастернак, просьба: не уезжайте в Россию не повидавшись со мной. Россия для меня – un grand peut-être [115], почти тот-свет. Знай я, что Вы в Австралию, к змеям, к прокаженным – мне бы не было страшно, я бы не просила. Но в Россию – окликаю: итак, Пастернак, предупредите, я приеду. Внешне – по делам, честно – к Вам: по Вашу душу, проститься. Вы уже однажды так исчезли – на Девичьем Поле, на кладбище: изъяли себя из... Просто: Вас не стало.

Пастернак, я привыкла терять, меня не удивишь, меня обратным удивишь. Удивите! (удачей). Пусть хоть раз не сбудется судьба. Нынче в первый раз боюсь – и борюсь за: что? да просто рукопожатье.

Я вообще сомневаюсь в Вашем существовании, слишком похоже на сон: по той свободе, которая у меня к Вам, по той беззаветности (освежите первичный смысл), по той несомненности, по той слепости. (Сплю на оба глаза, а м. б. – «Спи, глазок, спи другой...», а про третий – забыла.)

Я бы могла написать целую книгу наших встреч, не написать: записать. Знаю, что – было. Так, удостоверенная в таком Вас, сомневаюсь в простом Вас: простого Вас, да просто: Вас нет.

Больше просить об этом не буду, только если не исполните (под каким бы ни было предлогом) – рана на жизнь.

Не отъезда Вашего боюсь, а исчезновения (пропадения).

* * *

Вы пишете: «не хочу о себе», и я говорю: не хочу о себе. Стало быть – именно о Вас. Вам плохо, потому что Вы с людьми. – И всё. – С деревьями Вы были бы счастливы. Не знаю Ваших дел, но – уезжайте на волю.

Да, одно темное место в Вашем письме. Вы думаете, что я «по причине гордости и стесненности» пропуск двух-трех слов. Дружочек, я Бога молю всегда жить – как живу: я раз в месяц бываю в Праге, все остальные двадцать девять – я на горе, с можжевельным кустом, который – Вы. Единственная моя горечь – что я в Берлине не дождалась Вас.

Никогда не слушайте суждений обо мне людей: я многих задела (любила и разлюбила, няньчилась и бросила) – для людей расхождение ведь вопрос самолюбия. За два месяца в Берлине фраза не окончена. Единственное, чего люди не прощают, это что ты без них, в конце концов – обошелся. Не слушайте. Если Вам что-нибудь о моей жизни нужно знать – сама расскажу.

* * *

Пишите чаще. Без оклика – никогда не напишу. А писать мне Вам фраза не окончена. Писать – входить без стука. Вы же, когда бы обо мне ни думали, знайте, что думаете – в ответ: мой дом – весь – на полдороге к Вам: у самого порога, которого между нами – нет. Где уж тут: стук в дверь: раз навсегда сорвана.

* * *

(всё это – карандашом в тетрадь)

С 7-ое по 14-ое февраля:

Гора [116]

Орган [117]

Поэт [118]

Душа

Сириец [119]

Колыбельная [120]

Богиня Иштар [121]

Лютня

Азраил (два) [122]

Надо:

Фонарь

Лестница Иакова

Мать меньше чем кто-либо видит своего ребенка в настоящем: либо на горшке (вчера), либо на троне (завтра).

* * *

На пургу не дунешь, млад!

Вьюнош-млад, вьюнош-млад!

На луну не плюнешь, млад!

Вью – нош млад!

* * *

(Из этого: Расколюсь – так в стклянь [123])

* * *

...Любезность – или нежелание огорчить? Глухота – или нежелание принять?

...А знаете, как это называется?

Из всех, за всю жизнь – только один вместил: 61 года от роду – и очевидно миллиардер – т. е. привы слово и фраза не окончены

...У Вас же великолепный выход: что превышает – на долю Гения. Он и не такое вместит.

Это не игра, п. ч. на игру нужен досуг. Я же задушена насущностями: от стихов до вынесения помоев, до глубокой ночи. Это кровное. Если хотите: кровная игра. Для меня всегда важно прилагательное.

* * *

Отношение к Вам я считаю срывом – м. б. и ввысь. (Вряд ли.)

* * *

Я не тот (я другой!) – тогда радуюсь. Но чаще «не тот» – просто никто. Тогда огорчаюсь и отступаюсь.

* * *

Смирение – это последнее любопытство: до чего дойдет (мужчина, гость, Бог, пропуск одного слова) и на чем, наконец, остановится – и есть ли конец – и остановится ли?

* * *

Edelstein – в Германии я бы любила бриллиант. [124]

Тетрадь первая. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

* * *

Вспархиванье птиц: отрывистое мурлыканье.

* * *

Могу есть – грязными руками, спать – с грязными руками, писать с грязными руками – не могу. (В Советской России, когда не было воды, вылизывалась.)

* * *

Чудовищность причастия: есть Бога. Богоедство.

* * *

Чешские гуси меня ненавидят, capitoлийские бы любили.

* * *

Как тросточка довершает руку!

* * *

(Запись о любимой серой тросточке, купленной С. на аукционе имущества бывшего царского посла и подаренной мне, а затем – много спустя – потерянной мною в Моравской Тшебове, на холму, собирая чернику.)

* * *

Отправить на тот фронт.

* * *

– А она всё-таки вертится! – Да не вертись – завертелась бы!

* * *

Дворянство хорошо, когда ты окружен (как шея – петлей) коммунистами, когда ты с людьми достаточно – человека.

* * *

NB! А с дворянами? Теми, вроде Бунина, в дворянской фуражке, т. е. дураками. И злостными.

Ответ кажется будет таков: когда я с дворянами мне бесконечно трудно вспомнить, что и они – люди (т. е. любят, болеют, а главное – умирают).

(1932 г.)

* * *

Аля: – Мама! Нимб – только вокруг святых и вокруг луны.

* * *

Плоха для мужчин – хороша для Бога. (Плоха, стара, негодна́ и т. д. – хороша, молода, годна́ и т. д.)

Я бы из одной гордости никогда не пошла в монастырь к сорока годам. Из одного – уважения – к Богу.

* * *

Испакостилась о мужчин – Бог очистит.

* * *

Магдалина, когда раскаялась, была хороша и молода. Когда мы говорим: Магдалина, мы видим ее рыжие волосы над молодыми слезами. Старость и плачет скупю.

Мария Магдалина принесла Христу в дар свою молодость, – женскую молодость, со всем что в ней бьющегося, льющегося, рвущегося.

* * *

Мария и Марфа сестры не лазаревы, а христовы. Заведомая отрешенность – жертвенность – бесстрастность сестер (Катя и Юлия Рейтлингер [125]). Одна варила, другая слушала. Мария + Марфа – одна идеальная сестра: абсолют сестры.

Тетрадь первая. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Больше любить – женски любить. (Т. е. – меньше любить.)

* * *

(Неисчерпаемо!)

* * *

Я – то Дионисиево ухо (эхо) в Сиракузах, утысячающее каждый звук. Но, утверждаю, звук всегда есть. Только вам его простым ухом (как: простым глазом) не слышать.

* * *

Пишу из комнаты (именно из, а не в!).

* * *

ждали |

Как знали | и звали... как сладко веяли

Азалии, далии над Офелией

Как ткали и пряли ей ризы бальные

Азалии, далии и ветви миндальные

О, сладость – дай ее!

О, младость – дли ее!

Азалии, далии,

Азалии, лилии...

* * *

(Не пригодилось, ибо ни азалии, ни далии не пахнут, следовательно: не веют.)

* * *

дело

Дитя – не в Гамлете!

* * *

В любви мы лишены главного: возможности рассказать (показать) другому, как мы от него страдаем.

* * *

Следствие: другой, которому мы еще можем рассказать, т. е. – любовь к другому, т. е. опять: невозможность рассказать другому как мы от него страдаем.

* * *

Любовь: друг (тот кому можно) ставший другим (т. е. тем кому нельзя), т. е. чужим, т. е. врагом.

* * *

Невозможность – того или иного высказывания – есть уже начало страдания от другого, т. е. наша невозможность (рассказать другому что бы то ни было) наше страдание опережает: сначала: нельзя, потом: страдание, что нельзя: потом само страдание от другого. Сама невозможность уже есть страдание, хотя бы никакого страдания (которое невозможно рассказать) еще не было. «Если ты мне сделаешь больно, я даже не смогу тебе пожаловаться, значит – ты мне меньше и дальше другого» [126]. Почему же «не смогу», а главное: откуда же «не смогу». Оттуда – откуда всё (знание). Знание наперед (в случае опыта – назад) невозможностей: своих и любви. Инстинкт оленя, рожденного преследуемым. Самозащита слабого, нет: заранее побитого. А почему (не смогу)? Да потому что ты мне тогда сделаешь еще больней – т. е. опять знание (наперед или назад) безжалостности, больше: порочности любви.

Итак: заведомая невозможность обнажить предполагаемую (NB! неизбежную) рану эту рану создает.

* * *

В момент писания мне всё ясно, будет ли мне всё так же ясно в момент чтения?

(Правда поэтов – тропа зарастающая по следам. 1932 г.)

* * *

– Здесь что-то скрыто, надо ОТРЫТЬ. Мне – первой.

(Чтение поэтов)

* * *

Утрата друга и приобретение врага.

(Любовь)

* * *

Друг – врач, любимый – враг.

* * *

Посвящение февраля.

* * *

Крыло Вашего отлета (большое косое облако в вечер того дня).

* * *

Пишу Вам в легкой веселой лихорадке, казалось бы – предотъездной, но – предсмертной (я не боюсь больших слов, потому что у меня большие чувства: вернее: не слова у меня большие, а – чувства). Пастернак, я не приеду. У меня болен муж, и на визу нужно две недели. Если бы он был здоров, он бы м. б. сумел что-нибудь устроить, а так я без рук. На визу нужно две недели: разрешение из Берлина, свидетельство о тяжелой болезни родственника (где его, где – ее – взять??) – здешняя волокита. У меня здесь (как везде) ни друзей, ни связей. Я уже неделю назад узнала от Л. М. Эренбург о Вашем отъезде: собирается... Но сборы – это месяцы! Кроме того, у меня не было Вашего письменного разрешения, я не знала, нужно Вам или нет, я просто опустила руки и ждала. Теперь знаю, но поздно. Пишу Вам вне лукавства и расчета и вне трусости (объясню). С получения Ваших Тем и Варьяций, нет раньше, с известия о Вашем приезде я сразу сказала: Я его увижу [127]. С той лиловой книжечки я это превратила в явь, т. е. принялась за большую книгу прозы (Земные приметы, вроде дневника) т. е. переписку, рассчитав ее окончание на половину апреля. Работала, не разгибая спины, все дни. – Гору сдвинуть! – Какая связь? Ясно. Так вскинуться я не вправе (перед жизненной собой). У меня (окружающих) очень трудная жизнь, с моим отъездом – весь чортов быт на них. Но я фраза не окончена. Мне встречу с Вами нужно было заработать (перед собой). Это я и делала. Теперь поздно: книга будет, а Вы – нет. Вы мне нужны, а книга нет.

Еще последнее слово: не из лукавства (больше будете помнить, если не приеду, не больше – ложь! Этот романтизм я переросла, как и Вы) не из расчета (слишком буду помнить, если увижу! – Больше чем сейчас – нельзя!) и не из трусости (разочаровать, разочароваться).

Всё равно, это чудовищно – Ваш отъезд, с берлинского ли дебаркадера, с моей ли богемской горы, с которой 18-го целый день (ибо не знаю часа отъезда) буду провожать Вас – пока души хватит.

Не приеду потому что поздно, потому что я беспомощна, потому что Слоним [128], например, достанет разрешение в час, потому что это моя судьба – потеря.

Тетрадь первая. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

* * *

А теперь о Веймаре. Пастернак, не шутите. Я буду жить этим все два года напролет. И если за эти годы умру, это (Вы!) будет моей предпоследней [129] мыслью. Вы не шутите только. Я себя знаю, я 16-ти лет два года подряд, день в день, час в час любила Герцога Рейхштадтского – Наполеона II – любила сквозь всё и всех, слепая жила: Пастернак, я себя знаю.

Вы – мой дом, в Вас я буду думать домой каждую секунду, я себя знаю. Сейчас весна. (У меня много записано в тетрадку о Вас эти дни. Когда-нибудь пришло.) Сейчас у меня мысли путаются: как перед смертью: ВСЁ нужно сказать.

Предстоит огромная бессонница Весны [130] и Лета, я себя знаю, каждое дерево, которое я облюбую глазами, будет – Вы. Теперь мгновенная самооборона: как с этим жить? Все эти бесконечные вечера, костры, рассветы – здесь русские всё время жгут костры – я себя знаю, я заранее в ужасе. Тогда, летом, я это остановила, перерубила отъездом в другую страну, всё то осталось на каменном отвесе берлинского балкона и в записных книжках. Но сейчас я никуда не уеду, никуда не уйду. Всё это (Вы) уже во мне. Пастернак, я доехала.

Теперь резко: что именно? В чем дело? Я честна и ясна: СЛОВА – клянусь! – для этого не знаю. (Перепробую все!) Насколько не знаю – увидите из февральских стихов. Знаю только, что встреча с Вами была бы для меня некоторым освобождением от Вас же, выдохом, – Вам ясно? Законным. Ведь лютейшего соблазна и страшной безнаказанности [131] нет: пространства!

* * *

А теперь, просто: я ЖИВОЙ человек и мне ОЧЕНЬ больно. Где-то на высотах себя – нет, в сердцевине – боль. Эти дни (сегодня 9-ое) до Вашего отъезда я буду очень мучиться.

(9 – 18-ое – девять дней, девять дён – досмертья.)

* * *

Февраль 1923 г. в моей жизни – Ваш. Делайте с ним что хотите.

* * *

Пастернак, два года роста впереди, до Веймара. (Вдруг – по-безумному – начинаю верить!) Буду присылать Вам стихи. О Вас (поэте) буду говорить другим: деревьям и, если будут, друзьям. Ни от одного слога не отрекаюсь, но Вам это тяжело, буду молчать. Но тогда остается одно: о себе к Вам (в упор) – то, чего я так тщательно (из-за Вас же!) не хотела. Это будут – стихи.

Слово о Вашей мысли навстречу моей вечной [132] остается в силе. Другое, которое Вам было неприятно, должна истолковать. «Сумейте» не значит: «выучитесь». – «Сделайте чудо, наконец» – увы, относится ко мне, а не к Вам: т. е. будьте концом этого наконеца, – после стольких не-чудес будьте чудом – Вы.

..Мы еще ни о чем не говорили. В Веймаре будет долгий разговор.

* * *

Непосредственно после этого письма Вы получите другое, со стихами. Сделайте мне радость, прочтите их только в вагоне, когда поезд тронется. Чтобы я с Вами простилась – последней. Вторая просьба: оставьте верный адрес.

– Наши письма опять разминулись, открытка была в ответ на первое. Я тогда не поняла «до скорого свидания», – теперь ясно, но поздно.

* * *

(Стихи: ипполит [133] – Провода – и к «Вереницею певчих свай» [134] – пометка:)

Тетрадь первая. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
NB! Видите, начав в упор, потонула, растворилась в общей жалобе – одного (одной)
– за всех. Так и в жизни.

Будьте терпеливы, вынесите буйство первых дней, – выпоется!

* * *

Вопль больниц:

Вернись!

Вопль блудниц:

Забудь!

* * *

Голубиная купель:

Небо: тридевять земель.

Мне, за тем гулявшей за морем

Тесно в одиночной камере

Рук твоих,

Губ твоих,

Человек, – и труб твоих,

Город –

(далее – неудачное шестистишие и – конец:)

Мне, решать привыкшей – в мраморе

Тесно в одиночной камере

Демократии и Амора.

* * *

(Март 1923 г.)

* * *

Отрывки письма

...Я буду терпелива, и свидания буду ждать как смерти [135].

...Я знаю только Вашу душу.

* * *

Умею любить вселенную позвёдно и погнёдно, но это величайший соблазн – раз в жизни – оптом, в собирательном стекле – чего? – ну хотя бы глаз.

* * *

...Нужно быть терпеливым, великодушным, пожалуй – старым, старше возраста. Только старик (тот, кому ничего не нужно) умеет взять, принять всё, т. е. дать другому возможность быть приняв – избыток. Открещиваться и принимать вздох (выдох!) за вексель – дело наглой молодости или осмотрительной зрелости. – При чем тут я?! – («Не по адресу») – т. е. то, что слышу всю жизнь.

* * *

...Миллиард – за жизнь – прочитанных книг. – Так? – И очень много написанных.

Тетрадь первая. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Откуда же чудо первичного волнения? – Почему это ударило, а не соседнее? у
каждого поэта только один читатель, и Ваш читатель – я.

Теперь, внимание: я же не слепая и не глухая, Ваше признание (меня, поэта) до
меня доходит, я же не отрешиваюсь. Вы поэт, Вы видите – будущее. Хвалу
сегодняшнему дню (делу) я отношу за счет завтрашнего, раз Вы видите – это будет
(следовательно – есть) [136].

Ничья хвала и ничье признание мне не нужно, кроме Вашего. О, не бойтесь моих
безмерных слов, их вина в том, что они еще слова, т. е. не могут еще быть только
чувствами. Когда я окончательно пропуск одного слова в Вас я перестану Вам
писать.

* * *

Я очень спокойна. Никакой лихорадки. Я блаженно провожу свои дни. В первый раз в
жизни не наваждение, а пропуск одного слова, не чара, а знание. Вы в мире
доказаны помимо меня.

О, не превышение прав и не упокоение в себе! Кроме Элизиума есть еще чешский
лес, с тростинками, с хворостинками, с шерстинками птиц и зайцев – лбом в
Элизиум, ногами на чешской земле. (Boehmeswald [137], Борис!) – Поэтому покойно,
упокоено только мое главенствующее. А ногам – для того чтобы идти к Вам – нужна
рука, протянутая навстречу.

Хочу Ваших писем: протянутой Вашей руки.

* * *

(Опять Провода: Эвридика – Орфею, Не чернокнижница – В час когда мой милый брат
(26-го марта 1923 г.) – Терпеливо как щебень бьют)

* * *

Воздух вздохнул.

* * *

В диалоге с жизнью важен не ее вопрос, а наш ответ.

* * *

Я охотно посылаю (отсылаю, ссылаю) свою душу в другие тела (на другие звезды!)
чтобы отсюда с ней же, или оттуда с собой же – беседовать.

(Любовь.)

* * *

Или: я охотно заселяю чужие тела своей душой. (Вроде колоний.)

* * *

Не живя с Вами, я всю жизнь буду жить не с теми, но мне не важно с кем: кем.
Живя Вами, я всю жизнь буду жить – ТЕМ!

* * *

(Исконная и полная неспособность жить с человеком, живя им: жить им, живя с ним.
Как жить с душой – в квартире? В лесу может быть – да. В вагоне может быть – да
(но уже под сомнением, ибо I класс, II класс, III класс, причем III класс вовсе
не лучше I, как и I класс III класса, а хуже всех – II класс. Ужасен – разряд.)

Жить с ним, живя им – могу только во сне. И – чудно! Совершенно так же как в
своей тетради.

Мне другого, минуя все свои исконные невозможности – как и себя – прежде всего
на совместность – жаль.)

Тетрадь первая. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

* * *

Знаете как это бывает? Вы ставите вопрос, сгоряча, первым движением: – нет, потом – глубже: да, потом – еще глубже: нет, глубже глубокого: да... (Не четыре ступени: сорок!) И конечное: да.

Так и с Вашим вопросом (ибо не утверждение, а вопрос, в утверждении – вопрос. Наша с Вами разница: Вы и утверждая – спрашиваете, я и спрашивая – утверждаю) – о сестре. («Слово нашей самой большой мужской выразительности: сестра» – привожу из памяти. 1932 г.) – Уже сейчас не помню, что сгоряча, м. б. и да, важна смена! Как с лестницы. Но в Вашем вопросе я не вглубь шла, а ввысь.

* * *

Думаю, что из упорства никогда не скажу Вам того слова. Из упорства. Из суеверия. (Самого пустого, ибо вмещает всё, самого страшного, после которого всё начинается, то есть – кончается.) Его можно произносить по пустякам, когда оно заведомо – гипербола. Мне – Вам – нет.

* * *

Еще: дарить – хотя бы душу – отделять. (Впрочем душа резиновая и всё тянет с собой, вся тянется.) Предпочитаю ничего Вам не дарить, не говорить об этом.

* * *

Сегодня вечером, холодя себе весь левый бок промерзлой стеной весеннего вагона (сидела у окна) думала: этого жизнь мне не даст – Вас рядом. Даст чехов, немцев, студентов, гениев, еще кого-то, еще кого-то: – Бориса Пастернака она мне не даст.

* * *

– «Не ждите ни меня, ни моих писем...» Милый друг, я буду ждать Ваших дел.

* * *

– Ах, Вы и это слово писать задумываетесь? Для меня все слова малы, отродясь, всегда. И за малейшее из них я так: из недр – благодарна. Я и не такие выслушивала молча, не отвечая, как не отвечают на вздох. Для меня они все малы, я ни одного не боюсь, другой у меня ни за одно не отвечает. Я – ни на одно.

* * *

Не бойтесь. Я не кредитор. Я и свои и чужие забываю раньше, чем другой успеет забыть. Я не даю забывать – другому (т. е. эту роскошь оставляю за собой).

* * *

Я дружбу ставлю выше любви, не я ставлю, стоит выше, просто: дружба стоит, любовь лежит.

Horizontales-und-wertikales Handwerk [138].

* * *

Всё в мире меня затрагивает больше чем моя личная жизнь.

* * *

Сестра, это отсутствие страдания (не ее, от нее!). – Не будете. –

* * *

На моей горе растет можжевельник. Каждый раз, сойдя, я о нем забываю, каждый раз, всходя, я его пугаюсь: человек! потом радуюсь: куст! Задумываюсь о Вас и, когда прихожу в себя – его нет, позади, миновала. Я его еще ни разу близко не видела. Я думаю, что это – Вы.

* * *

Можжевельник двуцветный: изнизу голубой, сверху зеленый. В моей памяти он черный.

* * *

Нам с вами важно условиться, договориться и – сговорившись – держать. Ведь, обычно, проваливается потому, что оба ненадежны. Когда один надежен – уже надежда. А мы ведь оба надежны, Вы и я. (?)

* * *

Со мной сумел (вместил и ограничил) только один [139], вдвое старше Вас.
Вместил, ибо бездонен, ограничил – ибо не любит женщин и этим всю женскую роль с
меня снял, т. е. освободил от – и этой возможности, которая почему-то так сразу
становится неизбежностью (решающей).

* * *

Мой дом – лбы, а не сердца.

* * *

Люблю мужественность и в мужчинах. Женственный (физически, ибо остальное – вне
пола), женственный мужчина мне куда омерзительнее – быкоподобного, который –
совсем не омерзителен, а только как бык пропуск одного слова: о чем думает?

* * *

(Стихи: Весна наводит сон. Уснем, 5-го апреля. Сдайся – ведь это совсем не
сказка! – [140])

* * *

Стихи – следы, по которым я иду в Вашу душу. Но Ваша душа удаляется и я,
раздосадованная, опережаю, делаю прыжок, вслепую, на авось, и потом, обмирая,
жду: туда ли свернете?

* * *

Книгу должен писать читатель. Лучший читатель читает закрыв глаза.

* * *

Хлебная ложь (ложь самого хлеба, т. е. необходимости есть и жить).

* * *

А покаместь ты на небо

Не возьмешь меня к себе,

Сквозь какие толщи хлеба

Проедаться мне к тебе?

А покаместь [...]

Ты меня не создал мышью –

Так зачем же закрома?

А рука строчит и стрóчит

Слог – стежок

Через сколько тысяч строчек

Пропеваться мне к тебе?

...

...

Ты меня не создал швейкой –

Так зачем же вороха

Лоскутов этих?..

* * *

Тетрадь первая. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Ребенок играет Цезаря с горшком на голове: шлем.

* * *

Книга должна быть исполнена читателем как соната. Буквы – ноты. В воле читателя – осуществить или исказить.

* * *

Оправдание предисловий:

Я ее писала, я лучше знаю, как ее читать.

* * *

Роману читателя с книгой предшествует роман писателя с книгой. Писатель старше читателя на все черновики. Писал – дед!

* * *

(Вроде предисловия к «Земным приметам»)

– Не читайте сразу: эта книга не писалась, а жилась и жилась 21/2 года. Прочсть ее в вечер то же самое что мне – прожить ее в вечер.

...Не судите сразу. Эта книга предвосхищенный Страшный Суд, с той разницей, что я-то говорю Богу, а меня-то будут судить люди. После нее мне Богу мало что останется сказать, если я что и утаивала, то – чужие грехи, ценные Богу только из собственных уст.

* * *

Единственный недостаток книги – что она не посмертная. – Для вас. –

Но успокойтесь: я не в землю зарываю, а сжигаю!

* * *

(NB! книга никогда не вышла. 1932 г.)

* * *

Горние Мокропсы, 10-го апреля 1923 г.

Пол в жизни людей – катастрофа. Во мне он начался очень рано, не полом пришел – облаком. И вот, постепенно, на протяжении лет, облако рассеялось: пол распылился.

Гроза не состоялась, пол просто миновал. (Пронесло!)

Облаком пришел – и прошел.

* * *

Если бы мужчины влюблялись: теряли голову – от сущностей, они бы теряли ее и от семилетних, и от семидесятилетних. Но они влюбляются в прерогативы возраста. Семнадцать лет, – значит то-то и то-то – возможно, а та же три года назад, та же!!! – и не посмотрят, головы не обернут.

Весьма расчетливое потеряние головы, вроде 12% помещения капитала (от 4% до 20% – это уж дело темперамента – qui ne risque rien ne gagne rien, qui risque peu [141] – и т. д.). Но – всегда с %.

* * *

Но люблю я одно: невозможно.

Это, кроме поэтов, очень и очень редко любят еще и женщины.

Тетрадь первая. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

* * *

Тайна: ведь это не от кого-нибудь, а с кем-нибудь. Третьему нечего обижаться, человек, который умеет втроем, первый предаст.

* * *

Летом Эренбург однажды сказал мне: есть только три жеста: жест Евы к Адаму, жест Адама (оберегающий) к Еве, жест Евы к ребенку и Авеля, оберегающегося от Каина. Все остальные – вытекли.

– А голова, поднятая просто к небу?

Значит у меня к Вам – не первичный жест?

* * *

(Три, когда – четыре: и здорово же я считаю! Я бы, теперь, сказала так: взаимный жест Евы и Адама, жест Евы к ребенку и взаимный жест Каина и Авеля. Т. е. любовь – материнство – война. А – голод? А – молитва? А – смерть?)

Эренбургу, совершенно лишенному первичных жестов, не верю ни на копейку ни в чем. Слова – слова – слова. – 1932 г.)

* * *

Века скверная болезнь.

* * *

Мелким струением

Бисер березовый.

* * *

NB! Лесной Царь.

* * *

Страстней чем Белого Въезда я жду Страшного Суда: нищеты под строкой: тщеты всех дел и чистоты всех умыслов.

Страшный Суд для всех кто страдал день не осуждения, а оправдания.

* * *

В день великого оправдания.

* * *

Фараон в данном случае та венчающая точка пирамиды, ради которой основания пирамиды (биллионы!) и лежат под камнями. Камень под камнем, тяжесть под тяжестью, лишь последняя точка (фараон) дышит. Только этой точкой пирамида и дышит. Она ее смысл, она ее покой, ее разрешение и завершение.

Не Царь (Поэт, Вождь) народ топчет сверху; попирает, народы его возносят.

Чем ненавидеть единицу биллионы должны отождествить себя с ней, но не: мы – он!
а: он – мы.

* * *

Я никогда не забываю, что я гостя. Земля мне этого не прощает.

* * *

Мертвые – как дети – хорошеют день от дня. (И в памяти живых – и Там!)

* * *

Письмо критику [142]

* * *

Тетрадь первая. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Я не знаю, принято ли отвечать на критику иначе как колкостями – и в печати. Но поэты не только не подчиняются обрядам, но – творят их. Позвольте же мне нынешним письмом утвердить обряд благодарности поэта – критику. (Случай достаточно исключительный, чтобы не слишком рассчитывать на ряд последователей!)

Итак, я благодарна Вам за Ваш отзыв в Днях. Это – отзыв в самом настоящем смысле слова. Вы не буквами на буквы, Вы существом на сущность отозвались. Благодарят ли за это? Но и благодарность – отзыв! Кроме того, Вы ведь писали не для меня, так и я пишу не «для Вас», хотя и к Вам. (Вам – о Вас.)

Я не люблю критики, не люблю критиков. Все они, в лучшем случае, кажутся мне неудавшимися и поэтому озлобленными поэтами. Но хвала их мне еще непереноснее их хулы: почти всегда мимо, не меня, не за то. Так, напр., сейчас в газетах хвалят не меня, а явно Любовь Столицу (т. е. всё сказанное обо мне отношу на ее счет, ибо – НЕ Я!)

Ваша критика умна. Простите за откровенность. Вы вежливы: неустанно на Вы. Вы пропуск одного слова: не поэтесса, а поэт. У Вас хороший нюх: так, задумавшись на секунду: кунштюк или настоящее? (ибо сбиться легко – при нынешнем КДВ [143] поэзии!) – нет, настоящее. Утверждаю: Вы правы. Так, живя стихами с – ? – да с тех пор как на свете живу, только этим летом узнала от своего издателя Геликона, что такое хорей и что такое дахтиль. (Ямб знала по названию блоковской книги, но стих определяла как «пушкинский размер», «брюсовский размер».)

Вам будет любопытно узнать, что Белый свою Глоссологию (?) написал после моей Разлуки, как и свою «После разлуки» (После «Разлуки» (книги) и после разлуки с женой Асей [144], в жизни совпавших (Берлин, лето 1922 г.)). Я была тем живым примером, благодаря которому возникла теория. (Говорю Вам вне тщеславия, если бы страдала им давно была бы знаменитой!)

Что еще? Ах, пожалуй, главное! Спасибо Вам сердечно и бесконечно за то, что не сделали из меня бабу style russe [145], не обманулись видимостью (NB! баба – бабы не напишет!), что единственный из всех (NB! как мне всех хочется сделать единственными: всякого! 1932 г.) за последнее время обо мне писавших удостоили, наконец, внимания сущность, – то, что над и вне.

Спасибо Вам за заботливость: «Куда дальше? В музыку, т. е. в конец?!» Верю, что Вы искренне в тот час задумались, потому отвечаю: нет! Из лирики (почти-музыки) – в эпос.

Это не Ваш «планирующий спуск», это разряжение голоса – в голосах, единого – в множествах. Чем на тысячу голосов выражать одну свою душу, я буду одним голосом выражать тысячу чужих, которые тоже одна пропуск одного слова. То чего не может один могут (в одном) многие. Единство множества. Оркестр тоже единство.

– Вам ясно?

* * *

А что за «Ремесло»? Песенное, конечно! Ремесло в самой фразе не окончена. Противовес и вызов слову и делу (безделию сверху: неделу) «искусство». Кроме того, мое ремесло, – в самом простом смысле: то, чем живу, – смысл, забота и радость моих дней. Дело дней и рук.

О, ты чего и святотатство

Коснуться в храме не могло –

Моя напасть, мое богатство,

Тетрадь первая. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Мое святое ремесло! [146]

Эпиграф этот умолчала, согласно своему правилу – нет, инстинкту – ничего не облегчать читателю, как не терплю, чтоб облегчали мне. Чтоб сам.

Читатель ведь пока ты с ним не столкнулся – друг и пока о тебе не написал – ты его чтишь. (Иногда, *potre cas* [147], и потом.)

Посылаю Вам свою Царь-Деву – не для отзыва, а потому что Вы, очевидно, ее не читали. Вот он, источник всех навязываемых мне кокошников!

Ах! Еще одно спасибо: за Посмертный марш, за, в конце, явный (раз Вы в «Днях») взлет над злободневностью, за то что сердце Ваше (слух) подалось на оборванность последних строк: в лад падало!

* * *

20-го апреля 1923 г.

* * *

Прага:

Где сроки спутаны, где в воздух ввязан

Дом – и под номером не наяву!

Я расскажу тебе о том как важно

В летейском городе моем живу.

Я расскажу тебе как спал он,

Не выспался – и тянет стан

Где между водорослью и опалом

День деворадуется по мостам.

Где мимо спящих Богородиц

И рыцарей дыбящих бровь

Шажком торопится народец

Уродцев | – переживших кровь.

Потомков |

Где честь последними мечами

Воззав – не медлила в ряду.

О городе, где всё очами

Глядит – последнего в роду.

* * *

21-го нового апреля 1923 г.

(Стихи, не вошедшие в После России.)

* * *

Варианты Пражского Рыцаря:

В роковую просесть

Вод – отважься!

Этого ли просишь,

Рыцарь пражский?

Мальчик! Воин!

Щеки – горячей

Под конвоем

Каменных очей!

* * *

...А

...вослед веслу –

Я учусь себе потихоньку

Ариаднину ремеслу.

* * *

Быть оставленной – значит долго,

Долго помнить –

* * *

Быть оставленной –

В предутренний час истом

Предоставленной другом – богу:

Небожителю – божеством

(Около «Оставленной быть» [148] – и уже формула всего Тезея [149].)

* * *

Тезей, ты оставил! Тезей ты как вор

[...]

Веленью Дионисову распростер

Подругу. Клейми же, бессмертный позор

Тезея – бессмертного труса!

(Послестишие к «Оставленной быть – это втравленной быть» – не вошедшее.)

* * *

Оставлена, брошена

[...]

– Пусть так, но не дешево

Уступлена, куплена...

* * *

Строки из Пустыни славы [150]:

А покаместь во лжах и в ложах

Не наложничаю – из жил

Вылезая как змей из кожи

Буду петь – последнюю жизнь!

* * *

Библейские беды

* * *

Мир о коем досель молчали

Лиры

в начале

И петля на худой конец

(Крюк на котором висит колыбель, превращается в крюк для пётли.)

* * *

Поэт – через стихи – причастен материнству как женщина – через стихи – отцовству.

* * *

– – Как старческая страсть

Растроганная травкой.

* * *

Задержались лавочки,

Дозорят ручьи...

* * *

(Поэма Заставы, Поэт [151], Ручьи, разные)

* * *

Тетрадь кончена 10-го нового мая 1923 г. в Горних Мокропсах, близь Праги. Кончена – как и начата – Сивиллой. Кончена с благодарностью и с грустью, – эти дома (обратно иным земным!) покидаются нелегко!

ЗАПИСИ ИЗ ЧЕРНОВОЙ МОЛОДЦА
(черная картонная тетрадь с белой наклейкой)

* * *

Дай Бог кончить Мбодца целиком к 15-му нового Октября 1922 г.!

После него – Ионафан и Егорушка. Ионафана – дай Бог кончить к 1-му января 1923 г.!

* * *

Для Мбодца: II ворота – задача – ее любовь (тяготение) и его любовь (отказ).

* * *

Маруся – Мбодцу: – Пей, пей мою кровь!

* * *

Тетрадь первая. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Еще две встречи. Сегодня только предупреждает (искушает). – Можешь от меня легко отделаться, только скажи, что видела и мигом сгину и никогда не вернусь. А не скажешь: мать помрет.

[...]

Слов не внемлет.

Тихим голосом (в себя):

– Лучше в землю.

* * *

Последняя встреча.

Маруся, я загубил брата и мать, черед за тобой. Я в себе не волен. Земно прошу тебя: скажи правду. Скоро пробьет полночь, я буду спрашивать. А потом – беги к попу, мой дом на самом конце, с краю (чтоб легче встать!) пусть вырют и вобьют мне в глотку осиновый кол. – Маруся, я люблю тебя пуще...

* * *

Блаженная смерть – рожь – звон – пчела – она цветок – душу пьет – одна кровиночка. – Эту оставлю. – (NB! на разживу!)

Последние слова Маруси: – Я великая грешница. Выносите меня, девки, под порогом и похороните на перекрестке. – Голубок. –

* * *

NB! Третьи ворота: уже после смерти матери (продав). – Вспляшем! – Пляска. Она пуще его. (Как всякая она – всякого его.) – «Приходи». Смерть от него – блаженство.

* * *

NB! дохлятина

(проклятия)

* * *

Моя русая коса!

Зачем, русая, росла?

* * *

Дальше: Под порогом.

Пляска (столбняк: огненный столп) – вспляшем! – ужас девок – пляшет одна (одни). – Черед за тобой! – Откажись! – Мой дом на погосте – четвертый с краю, пусть вырют, да вобьют мне в глотку осиновый кол. – Беги к попу! – Не хочу я твоей кровки красной, не хочу я твоей муки смертной, я тебя пуще жизни... Отталкивает. Она закидывает ему руки вокруг шеи. – Полночь. – Вопрос. – Ответ.

Ночь. Луч. – Жужжание. – Шмель. – Цветок. – Блаженная смерть. Последняя кровиночка: «А вот эту оставлю. На разживу».

Утро. Девки. – «Как я грешница великая пред Богом – Выносите меня, девки, под порогом!»

Вынос: Мать с братцем – на кладбище, Марусю на перекресток. Братнин гроб полегчал. – Голубок.

Тетрадь первая. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

* * *

Слова: скоропомощный, тишать, мирственный, жестоко полюбить, подрумяночка, блудяга, виноватиться, игольны ушки, вреда (существительное).

* * *

И снова утро сливами

И листьями увенчано.

Забытое! – счастливое! –

Девичество! – Младенчество!

От всей глубокомыслицы

Столичной – душу выправить.

Уже в живых не числиться:

Зарытой быть! забытой быть!

Такою нищей женщиной

обуться |

Уснув – одеться | не во что!

схватиться не за что

Проснуться – дом бревенчатый! –

Такой богатой девочкой

В синь широковетвистую |

– и с листьями |

Рви – ибо тысячи!

Улыбчивая истина:

Девичество! Мальчишество!

* * *

Девичество! – Девчончество! не кончится

* * *

(В лесу, на дереве. Дальше начало «Деревьев»: В смертных изверься, – 5-го нового сентября 1922 г. Когда обидой опилась. Дальше – опять Мблodeц.)

* * *

Варианты:

Чтоб ни спых ни сполох

Потревожить не мог

Промеж тех четырех

Прямохожих дорог...

* * *

1. Чтоб вам кровушки не высосала жильной –

Схороните меня, девки, на развилье

2. Как я честной не заслужила –

Схороните меня, девки, на развилье

3. Как виновному не велено с безвинным –

Хороните меня, девки, на развилье

4. Чтобы душенькам не снилася безвинным –

Хороните меня, девки, на развилье

5. Чтобы дождички следы мои | размыли –

скорей меня |

Схороните меня, девки, на развилье

6. Чтобы дождички грехи мои замыли –

Схороните меня, девки, на развилье

7. Как я горенки не выслужила зимней –

Хороните меня, девки, на развилье

8. Как я с нежитью и в смерти неразрывна –

Хороните меня, девки, на развилье

* * *

ан – порх голубок

На сестрин гробок

* * *

Мечта о 2-ой части

(Дай Бог кончить к Рождеству!)

* * *

Действующие лица:

Маруся

Барин

Слуга

Голубок

Белый стан:

Барин, Голубок (потом – сын)

Темный:

Слуга, Гости.

Тетрадь первая. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Гости здесь то же что девки в 1-й части. Слуга – тайный слуга (орудие) Мóлдца, враг Голубка (брата). Голубок над Марусей (четою). Слуга – гонитель Голубка. Единственная (кроме Голубка) явная невинность – Барин.

Барин: веселый, трезвый (непреренно соединить!), исполняющий все желания Маруси, задаривающий и т. д.

Три условия Маруси: 1) никогда гостей, ничего красного в доме и пять лет (годов) без обедни. К концу пятого года у нее рождается сын. (Братец простил!) Вместо голубка – люлька. К концу (катастрофе) сгущение всего: Маруся, стосковавшись, нарушает обет и становится цветком (м. б. соблазн – слуги?), слуга доносит, барин, раздосадованный, зовет гостей – все гости в красном! – (бесы!) – похвальба – издевка гостей, барин заставляет Марусю идти в церковь – крестить сына – и: Херувимская. Херувимская: апофеоз Мóлдца. Явный отлет в ад.

* * *

II часть

(Начата 12/25 Октября 1922 г. – С Богом!)

* * *

Эй, звоночки, звончей вдарим!

и т. д.

Варианты:

..Нов у барина глазок,

Скок у барина легок

Брови сдвинув, рот разинув

на белом на снежке NB!

: розан размалинов | розмаринов

В разлазоровом горшке

* * *

Где крестом дорога

Сошлась – с снегом вровень,

Глядит барин: розан

намалеван...

* * *

Где крестом дорога

Сошлась – дар дарован!

Глядит барин: розан

Точно намалеван.

* * *

Посередь снегов – столбок,

Под столбом – глаза ожег!..

Тетрадь первая. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

* * *

– На всё, барин, очередь,
На всё, барин, заповедь!
Спешит барин – мочи нет! –
Цветочек выкапывает

Полны варезки нагреб,
По коленочко в сугроб

– Инде ж, барин, писано,
чтоб саван – весну рожал?
С цветочками, с листьями,
А сам-то – что уголь-жар!

* * *

В обе рученьки бьет,
К самой душеньке жмет

* * *

На всю жызть, моя сласть!
Каждый листик обтряс.

* * *

Шапка наземь, шубка настезь –
К самой душеньке прижал!

* * *

Жесты: распахнуть шубу, спрятать цветок.

NB! усилить перекресток и жар цветка.

* * *

Постепенность

(без сына)

I глава – Барин. Барин – слуга – Цветок. Слуга указывает, барин выкапывает и увозит.

II глава: Цветок. В двух словах любовь барина к цветку (муравлений горшок, поливка, не надышится). На сцену – слуга: «Ты вот так-то и так-то, а попробуй-ка не поспать нынче ночью...» Барин не спит. Превращение. Дает ей пройтись по комнатам (спящая), хватает за обе руки, разговор. Три Марусиных условия: пять лет без обедни, изгнать красный цвет, не принимать гостей: А цветок мой – от соблазну – сожги. Барин соглашается. – Спят.

III глава: Барин уезжает. Слуга заманивает Марусю в «особую светелку» где цветок. Маруся не удерживается и ночью становится цветком. («Зачем не сжег?!»)

IV глава: Приезд барина, донос слуги, гнев барина: враз нарушает все три

Тетрадь первая. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
условия, или – барин приезжает в ночь, застаёт Марусю цветком – объяснение –
угрозы и вечером: пир.

V глава – Херувимская.

* * *

Постепенность:

III глава. К концу пятого года. Рождение сына. (Кто-то простил.) Барин
советуется со слугой, как бы порадовать барыню: назови гостей, устрой крестины –
развеселится.

IV Пир

V Херувимская

* * *

1. Как с двенадцатым, с последним – в самый звон

Как встряхнется–встрепенется стебель–сон

2. Как с двенадцатым, с последним – следом в след –

Как встряхнется–встрепенется стебель |–цвет

зелень |

3. Как с двенадцатым, с последним, сроком в срок,

Как встряхнется–встрепенется стебель–сок

* * *

Красное приданое,

Бусы коралловые

Стан запрокидывает,

Руки выламывает

* * *

Платье одергивает,

Дрему отряхивает

* * *

С красного сборчатого

Дрему отряхивает

* * *

Белы |

Светлы | мраморные стены,

А ее стена – без тени

* * *

– да с костью ль?

Страшная гостья!

* * *

Светлы месячные игры.

Посередке: стол неприбран

* * *

Востры бариновы лыжи

* * *

2-го ноября по-новому – переезд в чудную – почти аю-райскую – хату,
предпоследнюю в деревне, почти в лесу. (Наша лесная дорога: въезд.) Низкая, три
окошка, кафельная печка (белый с голубым изразец) – старик и старушка, причем
старушка глуха и глупа.

Здесь я непременно должна кончить Мóлодца. – К Рождеству.

– Дай Бог! –

* * *

В щечки – ладошками

Вперлась –

* * *

Зал в два света

* * *

– в два цвета,

Зал в два света

* * *

Ручки стиснула

Месяц | – ливнями,

Слезы |

Ну поистину –

Дева дивная

* * *

Платье – красного атласа

...

Красным морем пролилася

Середь лунных | морей

мертвых |

* * *

Ручку правую сдружила

А и с левой рукой...

* * *

Белизну я воспринимаю не как отсутствие цвета, а как присутствие.

* * *

Куды ни глянь –

Вьется! Вот-вот

В лунную стклянь

Куды ни кинь –

Клином! Вот-вот

В лунную хлынь |

синь |

Дымом уйдет...

* * *

1. Подивился барин дичи...

– Может грех какой девичий:

Со-сна, во-сне...

– Не знаю, не...

2. Подивился барин сдаче:

– Может грех какой ребячий:

...во сне...

– Не зна – ю, не...

3. Подивился барин вздору:

– Может грех такой, который

* * *

Долго ль – вместе лечь?

(Дольше – вести бечь!)

* * *

Мой последний сказ –

В нужный день и час...

* * *

Листья ли с древа рушатся,

Розовые да чайные?

То |

Нет | – с покоренной русости

Ризы ее, шелка ее.

Ветви ли в воду клонятся

К водорослям да к ржавчинам?

То |

Нет | – без души, без помысла

Руки ее упавшие.

Тетрадь первая. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Смоли ли в траву пролиты,
В те ли во льны кукушечьи?
То |
Нет | – по щекам на коврики
Слезы ее, – ведь скушно же!

Барин, не тем ты занятый,
А поглядел бы зарево!
То в проваленной памяти
Зори ее: глаза его!

* * *

Расставаться – ленятся...

* * *

(Конец первой черновой Мóлодца: черная тетрадка с белой наклейкой.)

ВТОРАЯ ЧЕРНОВАЯ МОЛОДЦА

(черная средней толщины, без наклейки)

Черновая для Мóлодца

(Тетрадь подарена Сережей 1/14 ноября 1922 г. в Чехии, в Горних Мокропсах, близь Праги. Начата 2/15 ноября 1922 г., в день рождения моей матери. Ей сейчас было бы 53 года. Сейчас, когда переписываю – почти 63 г.)

* * *

II часть

Глава третья

Ровно выстрел пушечный
Часы-сроки грянули, –
И в снегах подушечных
Молодая барыня

* * *

Никого не слушавши

Часы-сроки грянули...

* * *

Из письма к Б. П.

(NB! Обе черновые Мóлодца приходятся посредине зеленой с черным тетради, т. е. тогда Б. П. еще не уехал.)

Тетрадь первая. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
...Мой любимый вид общения – потусторонний: сон. Я на полной свободе.

...Письмо не слова, а голос. (Слова мы подставляем.)

Я не люблю встреч в жизни: сшибаются лбами. Две глухие стены. (Брандмауэра, а за ними – Brand! [152]) Так не проникнешь. Встреча должна быть аркой, еще лучше – радугой, где под каждым концом – клад. (Où l'arc en ciel a posé son pied... [153])

Но тем не менее – захудалое, Богом забытое (вспомнутое!) кафэ – лучше в порту (хотите? (Nordsee!) [154]), с деревянными залитыми столами, в дыму – локоть и лоб –

Но я свои соблазны оставляю тоже в духе.

* * *

Сейчас расстанутся на слишком долго, поэтому хочу – ясными и трезвыми словами: – на сколько и когда. Потому что я – так или иначе – приеду. Теперь признаюсь Вам в одной своей дурной страсти: искушать людей (испытывать) непомерностью своей правдивости. Давать вещь так, как она во мне и во вне – есть. [155] Испытание правдой. Кто вынесет? Особенно если эта правда, в данный час, – Осанна! Моя Осанна! Осанна моего данного (вечного) часа. Я не умеряю своей души (только – жизнь). А так как душа – это никогда: я, всегда: ты (верней – то) – то у другого или руки опускаются (трусливое, хотя тоже правдивое: «да ведь я не такой!») или земля ходит под ногами, а на земле – я, и ноги по мне. Принимаю и это.

Я знаю, что в жизни надо лгать (скрывать, кроить, кривить). Что без кройки платья не выйдет. Что только устроишь другого потоком ткани. Что в таком виде это не носко – и даже невыносимо. Но мои встречи – не в жизни, вне жизни, и – горький опыт с первого дня сознания – в них я одна (как в детстве: «играю одна»).

Потому что ни другому, ни жизни резать не даю. Моя вина – ошибка – грех, что средства-то я беру из жизни. Так ведя встречу нужно просто молчать: ВСЁ внутри. Ведь человек не может вынести. (Я бы могла, но я единственный из всех кого встретила – кто бы могла! Я всему большому о себе верю. Только ему. Нет – слишком большого!)

А потом меня обвиняют в жестокости. Это не жестокость. Свет перестал брезжиться (пробиваться) через тебя, через эту стену – тебя, ты темный, плотный, свет ушел – и я ушла.

К чему сейчас всё говорю? А вот. (Соблазн правдой!) – Вы сейчас мой любимый русский поэт, и мне нисколько не стыдно сказать Вам, что только для Вас и именно для Вас сяду в вагон и приеду. Ездят же чтобы купить себе пальто.

Никогда не поверю, что Вы есть. Вы есть временами, потом Вас нет. (Ваше исчезновение на кладбище.)

То, что Вы пишете о себе (русло, наклон, плоскость) правильно. Вы – слушайте внимательно – как сон, в который возвращаешься (возвратные повторные сны). Не сон, действующее лицо сна. – Или как город: уезжаешь – и его нет, он будет когда ты вернешься.

Так, в жизни я Вас наверное не пойму, не соберу, буду ошибаться, нужен другой подход – разряд – сонный. Разрешите вести встречу так: поверьте! Разрешите и отрешитесь.

Не думайте: мне всё важно в Вашей жизни, вплоть до нового костюма и денежных дел – я ведь насквозь-сочувственна! и в житейских делах проще простого (родней родного!), быт – это ведь общий враг, в каждом костюмном деле мы – союзники! Я не занимаюсь лизанием сливок (с меня их всегда лизали, оставляя мне обездушенную сыворотку быта, топя меня в ней! Подыхай, т. е. живи как хочешь, будь прохвостом, только пиши хорошие стихи, а мы послушаем (полижем!)), но – пока я Вам (о чем очень, глубже чем Вы думаете, горюю) в бытовой жизни не нужна – будем жить в вне-бытовой. Но если бы Вам – предположение – почему-либо понадобилось приехать в Прагу, я бы узнала нынешнюю валюту, и гостиницу – и всё чего не знаю.

* * *

Глава IV Пированьице

– Здорóво! Здорóво!

С морозу! С морозу!

Живи да не вдовствуй!

С морозцу! С морозцу!

– С морозу – да угости!

– С дороженьки поднеси!

Прóмерзли, продрóгли!

С дóроги! С дорóги!

Прóстыли, заголодали!

, топи баню!

безназвáнные! |

Здравствуй, гости, князья-друзи безымянные! |

Ручьи-реки-дожди-ливни разлитые...

(Вино)

* * *

Линия: Барин велит барыне выйти с сыном. Слуга без барыни: один, без канпаньи. «Говорит: не слышу. Говорит: не выйду». Три слова еще – тебе на ушко. Смех гостей: уродка! Барин сам за ней, приводит. – Хороша да некрещёна! Дворянское слово.

* * *

...Как не первенца качаю,

А меньшого | братца

родного |

* * *

Записи.

Я в жизни никогда не делала того, что не хочу и никогда – того, что хочу.

Тетрадь первая. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

* * *

Обед не стóит, чтоб его готовили. (Лучше – сырой!)

* * *

Когда-то, С. М. В. – мне: «Комната, где готовят – кухня, поэтому не: „Какая грязная комната“, а: „Какая чистая кухня“».

* * *

Я не могу делать то, чего не хочу.

Могу только не делать того, что хочу.

* * *

Как невозможно мне делать то, чего не хочу!

И как легко не делать того, что хочу!

* * *

Делать то, чего не хочу для меня – невозможность.

Не делать того, что хочу – обычное состояние.

* * *

Так, не могу сказать, что не хочу готовить обеда, могу только сказать, что пока готовлю обед страстно хочу писать стихи.

Только потому обед и сварен.

* * *

Сейчас, 10 л. спустя, даю такую формулу: все мои не хочу были духовные: у меня не было физических не хочу – очевидно из-за глубокой демократичности тела, до меня привыкшего...

А так как обед – и мытье полов – и так далее – и очень далее, ибо конца этому нет – вещи порядка явно-физического, я их безропотно и делала, и делаю, и буду делать.

Я ни к чему не чувствую отвращения, кроме – Но это бы заняло десять томов.

* * *

Летаргия: усиливающийся звон, скованность (мертвость) тела, единственное живое – дыхание, единственное сознание: дышать. И вдруг – сразу – отпускает. Это не сон: пропуск двух-трех слов только полная беззащитность слуха и тела: не хочу слушать и не могу прервать, хочу двинуться и не могу начать. Раздвоение сущности: тело – мертво и существует только в сознании. На кровати ничего нет кроме страха перестать дышать.

Отличие от сна: во сне я – живу, о том что я сплю – только вспоминаю, кроме того во сне (сновидении) я свободна: живу призрачным телом. А здесь умираю живым.

Это у меня с двенадцати лет, и это у меня двенадцати лет называлось карусель.

Варианты: возглас (чаще издевательский), иногда – одна интонация (от которой – холодею) – среди полного бдения (но всегда в темноте) иногда впрочем и посреди чтения – интонация издевки или угрозы – затем: постель срывается, летаем – я и постель – вокруг комнаты, точно ища выхода окна: простор, постели нет, я над городом, лесом, морем, падение без конца, знаю, что конца нет.

Тетрадь первая. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Либо: воздушное преследование, т. е. я по воздуху, те – по земле, вот-вот
достанут, но тогда уже я торжествую, ибо – те не полетят.

Но всё: и только звон, и полет с постелью, и пасть-не упасть и погоня – всё при
полном сознании скованности тела лежащего на постели – даже когда я с постелью
вылетела в окно – всё как спазма, меня свело и, если не отпустит – смерть. И
сквозь всё: погоню, полет, звон, выкрики, единственный актив и физический звук
собственного дыхания.

Когда мне было четырнадцать лет мне наш земский тарусский врач (Иван Зиновьевич
Добротворский, свойственник отца) в ответ на рассказ сказал, что от глаз –
зрения. Но я тогда уже поняла, что глаза не при чем, раз всё дело в слышимом и –
больше! – раз ничего не вижу. Другие (не врачи) клонили к отделению астрального
тела и прочему, но им я тоже не верила, видя, что я живая, попадаю в теорию, мой
живой – смертный – страх в какой-то очень благополучный (и сомнительный) разряд.
Не зная ни медицины ни мистики вот что

– сердце, мстящее мне ночью за то, что делаю с ним днем (тогда, 12-ти лет –
наперед мстящее: за то, что буду делать!), вернее платящееся за мою сверху: нашу
дневную – исконную – всяческую растрату. И наполнение этого ужаса – звуковыми,
т. е. слуховыми, т. е. самыми моими явлениями. Если бы я жила зрительной жизнью
(чего бы быть не могло) я бы этот ужас видела, т. е. вместо интонаций – рожи, м.
б. даже не рожи, а мерзости без названия, словом то, что в зрительной жизни
соответствует интонации (голосовому умыслу).

Исконная и северная *wilde Jagd* [156] сердца, которого в своей простоте не знает
– и не может знать – латинская раса.

Вся мистическая, нет – мифическая! – *wilde Jagd* крови по жилам.

Так – умру.

* * *

Предисловие к Мбодцу:

Эта вещь написана вслух, не написана, а сказана, поэтому, думаю, будет
неправильно (неправедно!) читать ее глазами.

Спойте вслед!

Что могла – указала ударениями, двоеточиями, тирэ (гениальное немецкое
Gedankenstrich [157], та пропуск одного слова морщина между бровями, здесь
легшая горизонталью).

Остальное предоставляю чутью и слуху читателя: абсолютному слуху абсолютного
читателя.

* * *

Зная только одни августейшие беды, как любовь к нелюбящему, смерть матери, тоску
по своему семилетию, – такое, зная только чистые беды: раны (не язвы!) – и всё
это в прекрасном декоруме: сначала феодального дома, затем – эвксинского берега –
не забыть хлыстовской Тарусы, точно нарочно данной отродясь, чтобы весь век ее
во всем искать и нигде не находить – я до самого 1920 г. недоумевала: зачем
героя непременно в подвал и героиню непременно с желтым билетом. Меня знобило от
Достоевского. Его черноты жизни мне казались предвзятыми, отсутствие природы
(сущей и на Сенной: и над Сенной в виде – неба: вездесущего!) не давало дышать.
Дворники, углы, номера, яичные скорлупы, плевки – когда есть небо: для всех.

Тетрадь первая. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

То же – toutes proportions gardées [158] – я ощущала от стихов 18-летнего Эренбурга, за которые (присылку которых – присылал все книжки) – его даже не благодарила, ибо в каждом стихотворении – писсуары, весь Париж – сплошной писсуар: Париж набережных, каштанов, Римского Короля, одиночества, – Париж моего шестнадцатилетия.

То же – toutes proportions encore mieux gardées [159] – ощущаю во всяком Союзе Поэтов, революционном или эмигрантском, где что ни стих – то нарыв, что ни четверостишие – то бочка с нечистотами: между нарывом и нужником. Эстетический подход? – ЭТИЧЕСКИЙ ОТСКОК.

* * *

У женщины – творчество всегда нарушенная норма. – А у мужчин, очевидно, обычное состояние?

* * *

Ж. Занд на Майорке, пиша свои многотомные – прекрасные – романы, учила детей, чинила и готовила.

Шопен просто сходил с ума.

* * *

Скифская страсть к бессмертью. (Мое – «отыграюсь!».)

* * *

Сон про Ахматову. (Волосы – лес – раздорожье.)

* * *

Сон про Блока. (Два шага по земле, третий – в воздух.)

* * *

Люди не требовательны, но я – требовательна. Потому так пишу (из жил).

Люди требовательны, но я – не требовательна. Потому так хожу (одеваюсь).

* * *

Я сню свои сны (волевое).

* * *

Снить, тьмить. Мра (смерть).

* * *

Мне сон не снится, я его сню.

* * *

Попытка главы десятой и последней – «Херувимская»

(Дай Бог!)

Рай проспишь

* * *

Вставай, барыня!

Рай проспишь!

* * *

Линия:

Слуга будит барыню.

Перед рассветом: голоса, голос – над барыней и над барином (спят врозь). Барыне голос: не езд, не сдавайся и – чем больше голос убеждает – тем она (обратное). («Сыном поплатишься» (Проклятыце). – Трижды.) – Над барином: Спяну хвастал. Брось дворянскую спесь. (Слово.)

Слуга стучит к барыне:

– Вставай, барыня, –

Рай проспишь!

Сначала к барину: – Обедню проспишь. Царство проспишь. Барин: – Не поеду. Барыня: – Не поеду. Слуга – лицемерно – потакает (что дворянское слово – ветер носит!).

Линия голоса: не езд, не сдавайся, сыном ответишь, мужем ответишь. А уж коли – не гляди в левое окно, цельную обедню очи тупь. Дальше – не в моей власти. Был тебе верен. (Без местоимений, просто – голос. Не зовет никак.) А окликну – откажись: не я. (Не я, не я, – другому жена.)

Над барином: – Не неволь жену, пять деньков еще под строкой: всего до сроку...

* * *

Попытка «Херувимской»

(– дай Бог!)

Рассвет

* * *

Сонных очей – мечтанице

* * *

Рассвет, рассвет!

Что – сер? что – сед?

* * *

Что цедают? Молоко, вино – сквозь зубы.

И бражник не цедит

* * *

И цыган не крадет,

И нищий не кланчит

* * *

Харчевня, кабак, кабатчик, трактирщик, сбитенщик, кравчий, пивовар, постоялец, постоялый двор, целовальник, бражник, корчмарь, шильник, жид.

* * *

Запись: – Тот кто обходится без людей – без того и люди обходятся. Так обходятся, напр., что дали Блоку умереть от голодной цинги. Окруженность в прямой зависимости от зазывания, привлечения. Что делают актеры? Выходят на улицу, сдирают с себя всё: – Вот я! И как хорош! (Бесстыдствуют.) Это делают и поэты, но действуя на более изысканное (глубокое, редкостное) чувство: слух – и душу (если есть!), зазывая к себе в духе, следовательно уже менее окружены. (Есенин, зазывающий цилиндром либо онучами и Байрон – ручными леопардами – уже

Тетрадь первая. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
актеры: актеришки.)

Но и здесь: желание или нежелание привлечь – всё. Даже при соизмеримом даровании, возьмите окруженность Белого и отчужденность Блока.

– «Тебя рвут на части? Ты этого хочешь».

...und suchen schöne Bilder

Und sind ihr ganzes Leben so allein...[160]

* * *

Иуда разрываемый на части зрителями – вот божественность актера.

Орфей разрываемый на части менадами – вот божественность поэта.

Ибо – один против всех.

Всякое иное разрывание на части – бесчестье.

* * *

Люди ревнуют только к одному: одиночеству. Не прощают только одного: одиночества. Мстят только за одно: одиночество. К тому – того – за то, что смеешь быть один.

* * *

Etre и avoir. [161]

Avoir – не мешает.

Etre – МЕШАЕТ.

Еще: Твое avoir не мешает (не может помешать) другим être, хотя бы потому, что они твоим avoir – хотя бы с краю – пользуются, хочешь-не хочешь – присосеживаются.

Твое être МЕШАЕТ, спать не дает другим, ибо явное имущество и явно недоступное. Явно-недоступное преимущество.

Те кому твоё être не МЕШАЕТ – сами сущие, т. е. имущие одного с тобой порядка: недоступного и неотъемлемого.

* * *

А может быть (приписка 1932 г.) всё – наоборот, т. е. простая зависть к имущему и глубокое равнодушие к сущему: незамечание его. Мои завистники (естеству) что-то – как будто – из Царства Небесного!

* * *

Ни одной вещи в жизни я не видела просто, мне – как восьми лет, в подготовительном классе при взгляде на восьмиклассниц – в каждой вещи и за каждой вещью мерещилась – тайна, т. е. ее, вещи, истинная суть. В восьмиклассницах тайны не оказалось, т. е. та простая видимость – бант, длинная юбка, усмешка – и оказалась их сутью – сути не оказалось! Но тогда я, восьмиклассница, перенесла взгляд на поэтов, героев, прочее, там полагая. И опять – врася в круг поэтов, героев, пр., опять убедилась, что за стихами, подвигами и прочим – опять ничего, т. е. что стихи – всё, что они есть и могут, подвиги – всё, что они есть и могут, что поэт – в лучшем случае равен стихам,

Тетрадь первая. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
как восьмиклассница – банту, т. е. видимое – своей видимости, что это-то и есть
то, для чего у меня – от бесконечного преклонения – никогда не было (и вопреки
всему – не будет) – имени. (Говорю не совсем точно, ибо боюсь упустить.)

Бант – знак, стихи – знак... Но – чего? Восемнадцатилетия (бант), но
восемнадцатилетие – чего? И если даже найду, то то – чего – знак?

Так я видела мир восьми лет, так буду видеть восьмидесяти, несмотря на то, что
так никогда его не увидела (т. е. вещь неизменно оказывалась просто – собой).
Ибо таков он есть.

* * *

(Лето 1932 г. Меня не обманули только Б. П. и Р. М. Рильке. Меня (упорство моего
неверия в видимость как в таковую) подтвердили только Б. П. и Р. М. Р., которые
оба мне были несуждены. И все поэты (которых не знала). И слово Гёте:

Alles Vergängliche ist nur ein Gleichniss [162]

которое я знала, которое я явила – отродясь. (Впервые услышала его 17 л. в
Мусагете [163], от одного из местных гётеянцев, таких же безнадежных как
пушкинианцы, как все анцы – если только не армяне.)

Меня не обманули только все деревья, все повороты старых (исхоженных) улиц, все
старые стены с молодым плющом, все – все – все –

Меня обманули только – люди, которых я пыталась, все люди (мно – ого!) которых я
пыталась любить, т. е. иносказать – в другой мир, откуда – мне казалось – они,
как я, родом, все – родом (вспять-сказать!) и оказавшиеся как раз тем, чему я не
верила, т. е. делец – делами, поэт – стихами, любовник – губами (если не
руками!), восьмиклассница – бантом. Т. е. каждая вещь своим атрибутом. Только.)

* * *

Дальше – Херувимская:

Нищие. – Как поминать-то? – Звать-то как? Читть-то как? – Не знаю. – Не помню. –
Легкое пересмеиванье (скрытое). Маруся как причастница. Говор народа, все голову
в ее сторону, шепот: откуда такая? чья такая? Зачарованность и легкая жуть.
Маруся потупив глаза (ни разу не вскидывает за службу, всё – внутри, слухом).
Доходит только свое, ответные мысли и трижды голос: не гляди! Треск свечей. Гул
народа, стук поклонов, ее свеча – гаснет. М. б. при входе – последний взгляд –
на барина? «Ровно вижу тебя в последний раз» – или: «Ровно вижу тебя в первый
раз» (или оба?). – Шутливо-ласковый ответ барина: «...моя немолённая...»

Шепот барина: – Молись,

Моя немолённая!

* * *

Певчие. Один голос пуще всех ликует, или: голос знаком. (Спор в ней двух
голосов, оба – его.) А м. б. много: певчие, нищие, он, ее мысли, les fidèles??
[164] Да еще слова службы. М. б. певчих – похерить?

И – перед Херувимской – третье: не гляди!

– и –

Глянула.

Из службы только то, что ей важно и иначе чем сказано (видоизменить, сохраняя).

Не забыть сына и (последний взгляд на) барина.

* * *

– Тако зеницу ока,

Свят, сохрани мя!

...Сбудутся сроки,

Вспомнится имя...

* * *

Тако зеницу ока,

Свят, сохрани мя!

(Красные – щеки!

Красное – имя!)

* * *

Необходимо ввести: народ (хотя бы слуховым, всё кроме зрения: шепот, стук поклонов, жар свеч и т. д.). Бормотанье часов. Народ: чья такая? Вводить это между строками часов. Необходимо: Барин слева (перекличка с: Месяц слева), ребенок у сердца, их несуществование для нее.

Линия Мóлодца (двойная) – не гляди, не взгляни. Дальше отдельные (дребезг стёкол) возгласы службы, ектении, оглашенные изыдите (сильный дребезг стёкол). Усилить: не гляди!

* * *

Тихо в храме

–

Бормотание

Часов.

* * *

Круче сына

К груди.

– Не гляди!

* * *

Из письма [165]:

– «Почему – мне?» Руку на сердце положи – случайность. Я как луч и как нищий стучусь во все окна. Или: я как луч и как вор вхожу во все окна. Дорога луча. Луч идет пока его не примет взгляд. Луч шел. Ваше дело – остановить. Тогда окажется: луч шел к Вам. Будьте – тем.

И вот, первая обида уже сменяется в Вас чем-то вроде жалости, не торопитесь: луч и без взгляда и после взгляда. Луч – сам взгляд! Я не ищу людей, но я не хочу этого упрека Богу из собственных уст: – Зачем ты послал меня на землю жить раз среди живущих я не встретила ни одного живого. – Поэтому и пытаюсь. И встречала: больше собеседников, чем друзей, больше лбов, чем сущностей. (И меньше всего – душ.)

Есть еще то хорошее в Вас для меня (во мне для Вас – всё!) – Вы не притча во языцех, имя меня отталкивает (в жизни), так я из ложной гордости и заранее-безнадежности пропускала главные человеческие события в моей жизни – и буду пропускать отыгрываясь на не-именах, которые – не случайно не став именами, ибо имя – не выслуга, а заслуга и ничем не покупается, кроме истинной ценности: не покупается, а рождается – итак: отыгрываясь на не-именах, которые большей частью оказывались ничем. Пропуская (упуская) больших, останавливала – мелочь, так: Иксу отдавала то, что отродясь принадлежало Блоку. Или – Богу.

Есть еще то хорошее в Вас для меня (хорошо – первое хорошее!) – Вы, если не ошибаюсь, из мира музыки, мира высшего моего: то, чем я кончаю – с этого у вас начинают, есть надежда быть понятым.

* * *

1. Ровно отравы опилась
2. Ровно пламя опилась
3. Ровно жара опилась
4. Ровно крови опилась
5. Ровно серы опилась
6. Ровно яду опилась
7. Ровно пены опилась (?)
8. Ровно смолы опилась (NB! надо бы – смолы)
9. Ровно зелья опилась
10. Ровно вару опилась (NB! варить смолу)

* * *

Запись: Заражаемость, но не подражаемость. Но: зараженная *fièvre pourpre* [166] болею ею как крапивной лихорадкой (справляюсь!).

И: зараженная – только всего крапивной лихорадкой – нет, ибо не заразна! – краснухой, болею ею как *fièvre pourpre*.

* * *

Бледная немочь и *fièvre pourpre* (Св. Августин). – Выразительность иных слов.

* * *

Женщина во мне спит глубоко – всегда – годами, пока ее – самыми простыми средствами – не раздражат. Самыми простыми средствами, дающими такие самые непростые – ум-за-разумные – последствия.

* * *

Очарование: отдельная область, как ум, как дар, как красота – и не состоящая ни в том, ни в другом, ни в третьем. Не состоящее, как они несоставное, неразложимое, неделимое.

* * *

Тетрадь первая. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
и нравление (слово) – как ладонь

На взлобье.

(Рифма – надгробье, беззлобен)

Чудное слово: взлобье. Взлобье горы. (Гёте)

* * *
[...]

Ложь – и ничего не сложится!

[...]

– в покой мой божеский,

Творческий, в мой день седьмой

[...]

Не твои ли,

[...]

[...]

В очесах, дыханье сузивших –

Крупная игра притворств,

Мутная вода союзничеств...

Брось! Всё знаю! Каждый ход

Знаю: от аза до ижицы.

Знаю что меня сведет

В ад: очарованье низости!

Отведи глаза, вдвойне

Близкие и ненавистные!

Ибо срочное и не

Доблестное в них написано.

Не щемь меня зрачком

Ибо взгляд от взгляду множатся

Где-то под седьмым замком

Дремлющие ненадежности.

* * *

Взором, спокойно готовым

На величайшую низость

Тетрадь первая. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
(он)

Взором, спокойно готовым

На величайшую нежность

(она, я)

* * *

– Проскомидия. – Часы.

Сохрани мя, Господи, тако зеницу ока, в крове крылу́ Твоею покрыеши мя. От лица нечестивых острастших мя: врази мою душу одержаша... Объяша мя, тако лев готов на лов и тако скимен обитаяй в тайнах.

...Окропи мя иссопом – и очищусь, умыеши мя – и паче снега убелюся... Яко чуждии воссташа на мя, и крепцыи взыскаша душу мою...

Вонми, Боже, молитву мою и не презри моления моего. Вонми ми и услыши мя: возскорбех печалию моею и о стужения грешника. Сердце мое смятется во мне и боязнь смерти нападе на мя. Страх и трепет прииде на мя и покры мя тьма... (И рек) кто даст ми криле, тако голубике, и полещу и почию...

...Уста их мягче масла, словеса их паче елея – и тя суть стрелы (но они суть обнаженные мечи). Мужие кровей и льсти не преполовят дний своих.

* * *

Последняя строка Мблодца:

До – мой:

В огонь синь

звучит как произнесенное: аминь: да будет так (с кем – произнести боюсь, но думаю о Борисе).

* * *

Синь да сгинь

Край села...

и:

Домой:

В огонь синь

т.е., первая строка и последняя строка, первое слово и последнее слово, – об этом не думала – САМО. Самозамыкание круга. Из сини Руси – домой: в огонь синь.

* * *

Мблodeц кончен 24-го декабря 1922 г., в Сочельник.

* * *

С аспидом – аспид,

С ястребом – ястреб

* * *

ястреб – истребитель.

* * *

(мечтаю написать)

Семейную Хронику [167] я читала впервые двадцати девяти лет от роду, т. е. ровно на двадцать лет позже чем она обычно читается, т. е. в возрасте Софьи Николаевны (матери), а не Сережи, Багрова-внука. Попутная мысль: почему маленьким детям дают взрослые книги («классиков», – точно они от слова холодной и безвредней. И – понятней!). Ведь не для 9-ти л. и не 9-ти л. от роду писался Багров-внук (себя – внука писал – дед!), не для 14-ти лет – обычный гимназический возраст – Рудин, и пр. Что думают учителя, давая 14-тилетнему (-ней!) в руки Евгения Онегина, где для 14-тилетнего (-ней!) – только письмо. Зачем так огорчать (от: горечь), омрачать девочку, так разжигать – мальчика? – Именно давая, ибо если ребенок сам берет! страстно! из рук рвет! – то мы уже имеем дело не с ребенком (возрастом), а с сущностью (вне), с особой особью любви – или стихолюбив, с Байроном в возможности или в будущем, т. е. с существом всё равно обреченным, с тем которого – спасти – нельзя.

Но как могут учителя, давая Евгения Онегина в руки среднему 14-летнему, ждать в ответ 1) хорошего сочинения 2) разумного поведения. Давать ребенку поэта (верней – поэму) то же самое, что прививать тифозному – чуму. Двойное безумие: истонное и навязанное. Но дети мудрее, разумнее – безнадежнее – чем я о них думаю: Онегин – в парту, «Лизочкино счастье» Чарской – на стол.

Не Пушкина, не Чарскую давать (дарить!) – Лескова (Соборяне), С. Лагерлёф (не Гёсту Берлинга!), очень, очень, очень Диккенса, так же – Андерсена, и больше чем можно, т. е. всего Alexandre Dumas, т. е. сплошное благородство и действие, – и В. Скотта, конечно (потом не захочется) – всё только не любовь в голом виде, или, как в Евгении Онегине если не в голом виде то силой дара покрывающей и быт и рассуждения и природу.

И никогда не – Семейную Хронику, т. е. живую душу несчастной, страстной, прекрасной женщины, живое мясо ее души.

Книги где конфликт не внутренний, так, образно: Геракла (Авгиевы конюшни), а не Тезея (лабиринт, т. е. клубок, т. е. любовь, т. е. Наксос) – никаких лабиринтов, никаких тайников души (и тела!) – сами! – рано! –

Никаких Неточек Незвановых и Бедных Людей, ибо Неточка – уже Соня Мармеладова, княжна Катя – уже Аглая.

Подвиги, путешествия, зверей, зверей, зверей. Джунгли Киплинга, Марка Твэна, всё что на белом свете дня или при достоверной луне (в достоверной тьме) ночи – под таким и таким-то градусом.

Тогда будут – здоровые дети, здоровые провинности, здоровые (свои) болезни, – здоровые люди.

Те же кому суждено быть поэтами – эти запретные книги, ни одной не читав, сами, из себя, на углу стола, под ор своих счастливых товарищей – напишут.

* * *

Европейский кинематограф как совращение малолетних.

* * *

Софья Николаевна. Горячая гордячка. Горячка гордости. Стихия ревности. Страсть к сыну. Попытка любви к мужу (роман в одиночку, диалог в одиночку). Дочь: «ребенок меня не любит». Страсть к сыну – как ответная страсть. (Вспомнить

Тетрадь первая. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
жену Захер-Мазоха, мать того нелюбимого «schwarze сверху: noiraud kind» [168],
из-за любви его, т. е. любви к нему – выбросившуюся из окна, и слова Р. Роллана
о материнстве: l'amour maternel qui dans l'ombre les couve toutes (passions)
[169].) Роман с душой старого самодура. (Ее пара. Разрозненная пара.)
Обольщение. Тайный союз. (После смерти, в его столе – ее письмо, бережно
сохраненное и глубоко-запрятанное: не читанное своим!) Гордость падающая при
зачарованности (стариком). Софья Николаевна – и природа. Разгадка: природа как
быт. Душа XVIII в. – вне природы, вся в человеческом: Lespinasse, Казанова,
обратный край – Вольтер: либо страстная, либо мозговая, всегда сухая.

Парижанка XVIII в. в Уфимской губернии XVIII в. Парижанка XVIII в. за уфимским
помещичьим сыном XVIII в.

Парижанка – душой и телом, умом и телом. Редкая разновидность: героиня, не
любящая природы, данная в природе, любовная героиня – без героя: одна любовь.

* * *

21 декабря

* * *

2-го нового января 1923 г. – благословясь –

* * *

– Продолжение Егорушки –

Написано:

1. Младенчество

2. Пастушество

3. Купечество

Должно быть написано:

4. Серафим-Град

5. Река

6. Елисавета

7. Престол-Гора

8. Орел-Златоперый

9. Три плача

Необходимо вести повествование круче, сокращать описания: этапами, не час за
часом – иначе никогда не кончу. Меньше юмора – просторнее – NB! не забывать
волка.

* * *

(Отрывки – как будто бы – никуда не вписанные)

Глядит Егор: в лицо заря

Разит: пожар малиновый!

Обетованная земля –

Слободка соколиная.

Глядит Егор на дело рук

Людских: пожар соломенный!

На тысячу земель округ –

Рдянь | из печи из доменной.

Огнь |

А что за люд

Таков смугловит?

Мечи куют

Для будущих битв

–

–

Ножи вострят

Для будущих сеч

Точильщики божески!

Точить ножи-ножницы!

Как мы ножинками теми –

Парши-шёлуды – да с темем!

Как мы недругам | христовым –

ворогам |

Башки-головы – да с корнем!

Богонравы...

Доброеи...

Костоправы,

Брадобрееи.

* * *

Жилочки горячи!

Запишите в ковачи!

Иди с миром:

Твой путь – мимо!

* * *

Кровь твоя весела

Просится в сокола

* * *

А что за гром

Таков серебрян?

– Кресты куем

Для праведных ран

* * *

Миновали ковачей –

Шаг от шагу горячей

– клубом

– варом:

Винокуры,

Пивовары.

* * *

А что за кипь–

Така–за крепь?

– Нутро крепить:

Солдат греть.

– А что за квас

Таков за

– чтоб зноб не тряс (трёс)

чтоб тряс | не брал

страх |

* * *

– Кваснички–пузыри

Запишите в

– Иди, братче!

Твой квас – хватче!

* * *

А что за тес

Таков за сруб?

– Кто тяжко нес –

Чтоб спал без смут

* * *

Что за кровать

Така – тесна?

– Солдатику:

Чтоб спал без сна.

* * *

– А что за тес таков за свеж?

А что за лес таков за част?

– Бескрёстному сугробу – крест,

Гол в землю лез – Господь подаст |

Бог тесу даст |

Бог гроб подаст |

* * *

Плотнички-столяры,

Разрешите до поры

В те гробочки-в кипарисы..

– Рано, рано, потрудися!

Скоро невеста

Сокола словит:

Будет и крестик,

Будет и гробик

* * *

Попытка беловика (тогдашняя)

Царство черных рук:

Рая | первый круг

Града |

Глядит Егор: в лицо заря

Разит – пожар малиновый!

Обетованная земля, –

Слободка соколиная.

Глядит Егор на дело рук

Людских: пожар соломенный!

На тридевять земель округ

Рдянь | из печи из доменной.

Огнь |

– А что за люд

Таков смугловит?

– Мечи куют

Для будущих битв.

– А что за гром

Таков серебрян?

– Кресты куем

Для праведных ран.

– Жилочки горячи!

Запишите в ковачи!

– Отстань, юнец:

Сердцам – кузнец!

(Взрастай, юнец,

Сердцам – кузнец!)

Иди с миром,

Твой путь – мимо

(Иди мимо, –

Твой путь – иной!)

Уж ты диво-городьба

Соколина слобода

Мозоль-удаль-чернобыль

Труженицка рудожилъ!

Пильщики,

Плотнички –

Божьи работнички:

– А что за лес таков за част?

Тетрадь первая. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
А что за тѣс таков за свеж?

– Безвестному кургану – страж,
Бескрѣстному сугробу – крест...

Как станет по полю мести
Шрапнель, свинцовая пурга:
Донскому воинству кресты,
Донскому воинству гроба.

Плотнички-крестари,
Разрешите до поры
В тот домочек в | кипарисов
Под кресточек |
– Рано, рано, потрудися!

Скоро невеста
Сокола словит:
Будет и крестик,
Будет и гробик.

Бредут. Что пасти львиные
На них – печищи доменны.
Один пожар – малиновый,
Другой пожар – соломенный.

Полымь шелковый,
Пузырящийся,
Плещущий –
Колокольчики,
Плавильщики,
Литейщики.

Распрям злым
Царство предано.
Глас творим:
Звон серебряный.

После зим –

Пашни зелены!

Звон творим:

Радость велию!

– Колокольщички щедры:

Запишите в звонари!

– Звоним – с крыши,

Твой звон – выше.

Закипела кровь:

– Не звонарь – так в чан!

Уж с жерлом ровь в ровь

...

– ан:

И сгнуло!

Морским морска

Пресиня

Лазорь-река.

* * *

Лазорь-река

NB! Кто перевозчик? М. б. – закрытая женщина, неуспокоенная: муж без вести пропал, вот она его и ждет – перевозит. (Не ты? Не ты?) Или же: ждет мстителя за всех убиенных. – Или же: Богоматерь: ждет мстителя за Сына.

* * *

Для Лебединой Слободки: Игорь с дружиной.

* * *

Лазорь-Река: испей, испей! Отмсти! Отмсти! Перевозчица: хлебнешь той воды – навек ожжет тебя женская слеза, через нее погибнешь. Жалоба реки: плач матери – жены – дочери (?). Перечисления. Егорий – конечно – пьет.

Ветлы плакучие,

Вёслы плескучие...

* * *

Синь-ты-излучина,

,

Вёсла плескучие

Лодочка легкая...

* * *

Тетрадь первая. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Кто на синь твою положится?

Плывет лодка одновёсельная,
Вместо лодочника – лодочница:

Жена мужняя ль, вдовица ли?
Молода ль утешная?
Аль от слез глаза повыцвели?
Не видать – лицо завешено.

Платье – покроя:
Ровно бы струи.
Лик под фатою:
Правит вслепую.

Волна струечкой расколется,
Струя лебедью полощется.
Таковы слова соколику
Говорила перевозчица:

– Не зови слезы – да жемчугом,
Не зови морской – да пресною,
Эти волны – слезы женские,
Эти всплески – слезы сестрины

Слеза вдовичья,
Кровяная: материнская.

* * *
Что пропал румян
И не шлет вестей.
Солона – из ран...
Той воды не пей!

Что шумит камыш
Из его кости.
Той не слышь,
Той не льсти

И – что кровь в пески:

– Испей, испей!

Отмсти, отмсти!

И – что

Отмсти! Отмсти!

Восстань! Восстань!

И дружно:

– К оружию!

Раскатом:

– Поратуй!

За мужа! За мужа!

За брата! За брата!

– Жжет язва!

– За князя, за князя!

За сына, за сына!

Погиб!

Исчез!

И всхлип

И всплеск

Не ест!

Не пьет!

И всплеск,

И всплётск...

* * *

Жжет язва!

За князя, за князя!

За сына! – Не выне-

* * *

–

За сына, за сына,

За сына! – Не выне-

сло сердце, всей горстью

в зыбь

Егор.

Испил молодец кровавой слезы,
Отведал женского плачу.

Не вынес – львиная
Душа! И хлынула
В уста Егорьевы –
Река лазорева.

* * *

Не вынес – львиная
Душа и хлынула
В уста малиновы –
Струя полынная

Ровно бы –
Между
В уста Егорьевы –
Река лазорева

И струя – струе как птицы:
– Спите! Спите! Мститель! Мститель!

И волна волне – как сосны:
– Славьте, славьте! Послан, послан!

И в лоб и в тыл,
И всплёск и всхлип:
– Испил! Испил!
Отмстит! Отмстит!

На седьмые небеса –
С лица дивного фата!

...

Голубины воркота

Вешние,
Вербные,
Щедрые,

Чистые...

– Мать Милосердная!

Дева Пре...

– Тише, таи!

Слышу... Навек...

Трепет фаты,

Лепет ладьи

О брег...

* * *

(Конец второй черной тетради с Мбодцем и попытки беловика Лазорь-Реки.)

ЧЕРНОВАЯ ТЕТРАДЬ (II в ЧЕХИИ)

Прага, Горние Мокропсы

(Черная, без блеску, формат книги, а не тетради, толстая.) Тетрадь начата 10-го нового мая 1923 г. в День Вознесения, в Чехии, в Горних Мокропсах, – ровно в полдень. (Бьет на колокольне.)

* * *

Время, я не поспеваю

* * *

(Хвала Времени – 10-го мая, 11-го мая – Мало ада и мало рая [170] с пометкой:

Это местничество могил!

Это как немецкое *dies*, не как: это есть. Т. е. возглас, а не утверждение (пояснение). Вся строка – одна интонация негодования (*Cette bassesse! – вернее: petitesse! [171]*).

* * *

Это – Давиды на Голиафов!

* * *

Сердце не примет твоих условий,

Жизнь! Голиафами навзничь рухай!

Это – разъятые узы крови:

союзы духа.

* * *

Совести сброшенная личина!

* * *

Совести сорванная личина!

* * *

Зримости сорванная личина!

Зрячести сброшенная | повязка

сдернутая |

Тетрадь первая. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

* * *

..В час, когда время порвав как привязь

— — — —

..Это Саулы у прозорливиц.

* * *

Черным по́ белу на конверте. —

Есть такая страна — Бессмертье!

* * *

Души, это не только ты,

Я, — но тысячи нас, но сонмы

...ТЬМЫ...

* * *

Вечность, это не только — слух.

(Слух о)

* * *

Единственная рифма — и внешняя и внутренняя — к: газет — клозет.

* * *

Забота бедных: старое обратить в новое, богатых: новое в старое.

* * *

Весь вопрос формы и содержания: одновременно вступить на коврик. А в Царстве Небесном — не женятся.

* * *

(Стихи: Час обнажающихся верховий, А может — лучшая победа... [172] (14-го мая))

* * *

Ландшафт сердца

Здесь никто не сдается в плен,

Здесь от века еще не пели

И не жаловались. Взамен

Пасторалей и акварелей:

Травок, птичек, овечек, дев —

Спарты мужественный рельеф.

Здесь с отвеса сердец и стен

Слаборожденного —

* * *

Спарта спертая: и плеть!

Здесь сердца на одну колодку!

Соловьям, чтобы им не петь,

Здесь свинцом заливают глотку

Тетрадь первая. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

* * *

Спарта спертая: и плеть!

Здесь сердца на одну колодку!

Соловьям – воспрещенье петь.

Здесь свинцом заливают глотку

Полководцам – за лишний слог.

Спарты мужественный заскок!

* * *

...

Каждый возвращивает лисенка

Под полою

Целый выводок лисенят!

Целым выводком

(Не окончено)

* * *

– Перерыв из-за переписки «Земных Примет».

* * *

Сивилла (когда-нибудь!).

Сивилла, когда-то любимица феба, забыла испросить у него вечную молодость. (Только – бессмертье!) И вот – стареет. Любовь к фебу пребыла, Сивилла – голос феба. (Встреча Сивиллы с юной любимицей феба: собой – той, но в другом теле, вечной той: с бессмертьем шестнадцатилетья (цветка живущего – день) – Сивилла давно не слышит людей (вестей) – только вопросы! – но вот, ветер, ворвавшись в пещеру – донес. – Встреча Сивиллы с сыном феба, их узнавание. Сыну феба не видит Сивиллы, он только слышит ее голос. – Это говорит скала! – Но по мере его возгласов, голос Сивиллы (вечной, Вечности) нежнее. – Это говорит трава. – Это говорит ручей.

Юноша влюбляется, хочет видеть, настаивает, наконец врывается в пещеру и разбивает себе грудь о скалу (Сивиллу).

Плач Сивиллы над телом юноши.

* * *

Не забыть

* * *

18-го нового (5-го русского) мая 1923 г. – 12-летие моей встречи с С.
(Коктебель, 5-го мая 1911 г. – Прага (Горние Мокропсы) 5-го русского мая 1923 г.)

* * *

Дикая, иди ко мне!

(Сафо – подруге, или кто-то (тот, которого не было) – Сафо.)

* * *

(Перерыв из-за Земных Примет.)

* * *

Тетрадь первая. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
На дне она, где ил

* * *
Июнь

(Диалог Гамлета с Совестью – 5-го июня 1923 г.)

* * *
Когда друг другу лжем
(Ночь, прикрываясь днем)
Когда друг друга ловим
(Суть, прикрываясь словом).

Когда друг к другу льнем
В распластанности мнимой
(, прикрываясь льном,
Огонь, прикрываясь дымом!)

Так, майского жучка
Ложь – полунощным летом
* * *
Ты думаешь – робка
Ночь – и ушла с рассветом?
Так, черного зрачка
Ночь, прикрываясь веком

* * *
Подземная река –
Ночь: глубока под светом!
Так, черного зрачка
Ночь, прикрываясь веком

* * *
Подземная река –
Ночь: глубока под днем!

* * *
Ты думаешь – исчез
Взгляд? – Подыми! – течет!
Свет, это только вес
Свет – это только счет

* * *
Брось! Отпусти домой
В ночь, в огневую | реку

...

Свет – это только веко

Над хаосом

(Не окончено)

* * *

– Магдалина!

Бьющаяся!

* * *

Магдалина!

Льющаяся!

* * *

Магдалина!

Длящаяся!

* * *

(Стихи Мореплаватель – 12-го июня 1923 г.)

* * *

Аля о Белом:

Чужой, ненужный, фарфоровая разбитая штучка.

* * *

Отрывки Сахары [173]:

Перерезанною веревкой –

Связь – и в сердце мое как в пропасть!

* * *

красавцем спящим

Спишь во мне как в хрустальном гробе

Справа от последнего двестишия: NB! Ледяной Аид (расщелина)

* * *

По каким городам и чащам

Мне искать тебя?

– красавцем спящим

Спишь во мне как в хрустальном гробе

Справа от последнего четверостишия: – Ты падал в меня – я пела!

* * *

А пока, – – –

На поверхности пляшем – взрывы

–

Без возврата и без отзыва.

* * *

прорве |

Ты во мне как в бездонной люльке |

бездне |

Спишь: ты падал в меня – я пела!

* * *

Но моих ледяных Аидов

...Этна...

А домашним скажи, что – тщетно:

Грудь своих мертвецов не выдаст.

* * *

легче с башни лететь и в Этну –

Эмпедоклом –

(NB! нужно –Эйфелевой)

* * *

Сочетавшись с тобой как Этна

С Эмпедоклом...

– Усни, сновидец!

А домашним скажи, что – тщетно:

Грудь своих мертвецов не выдаст.

* * *

В грудь и ребра мои закован

* * *

Глубже грота, алькова

* * *

Зря Елену клянете, вдовы!

Не Елениной красной Трои

Огнь, – расщелины ледниковой

Синь, на дне опочиешь коей.

* * *

(17 нового июня 1923 г.)

* * *

В час последнего отчаянья

В час последнего доверия

На уста – печатью крайнею

Перст тебе кладу. – Эгерии

Вверься...

(Впоследствии Луна – лунатику)

* * *

Глубоки и черны трущобы

Крови: каждая капля – заводь

* * *

NB! Неуменье наслаждаться чувством победы (нелюбовь к наслаждению вообще и к этому в частности), глубокое недоумение перед ней, а главное – полное незнание, что с ней делать, тупик победы, сразу превращающий меня из победителя в побежденного. – Отсутствие азарта? – Необычайное и неустанное присутствие его. Но – раз победил – длить победу? Но какое крохотное напряжение (что-то удерживать на таком-то уровне) по сравнению с тем! И какая скука!

Длить, – вообще не мое.

* * *

Я не рассчитана на вершки и на секунды. –

* * *

Я рассчитана на бóльшие пространства и сроки.

* * *

Где она – мера моей безмерности!

* * *

(Луна – лунатику)

* * *

Творчество поэта только ряд ошибок, вереница вытекающих друг из друга отречений. Каждая строка – будь то вопль! – мысль работавшая на всем протяжении его мозга.

* * *

Под ударом трагического единства

Бьется занавес как

* * *

(или – рвется?)

(Занавес – 23-го нового июня 1923 г.)

* * *

Раскрытая ладонь. Дай погадаю

Пытающийся скрыть себя, но не

Затоптанный огонь... Дуга над далью,

Протягивающаяся ко мне...

* * *

Расплёсканную в птичьем свисте

– Зачем не уберег? –

Набросанную щедрой кистью

На полотне дорог,

...

Где провода слились –

Меня, твоей бессонной смуты –

Тетрадь первая. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Единственную мысль.

* * *

(Из этого: Строительница струн – приструню

и эту...)

* * *

Ты – продвижение льдов полярных,

Ты – извержение ЭТН!

* * *

Презренная ветошь среди новизн,

Я здесь ничего не смею.

Будьте живы и лживы, живите – жизнь!

Обыгрывайте – Психею!

* * *

А теперь я должна Вам [174] рассказать тот сон, давно, среди зимы, который у меня почему-то духу не хватило рассказать Вам в жизни. Мы идем по пустынному шоссе, дождь, столбы, глина. Вы провожаете меня на станцию, и вдруг – неожиданно, одновременно – Вы ко мне, я к Вам, блаженно, как никогда в жизни! Рассказала – иными словами – Валентине Чириковой [175]. И та, смеясь: «Бросьте! Он никогда не поймет!» Поймите теперь, что я чувствовала день спустя, идя с Вами рядом по мокрой глине, вся еще в том сне, в чувстве его.

Рассказываю Вам теперь, чтобы Вы знали, что есть в мире не только день, но и ночь, не только любовь, но провидение, зоркая ночь древних, предвосхищающая (или – предрешающая?) события. Тень опережающая тело. Этот сон в моей жизни ничего не изменил, я переборола ночное наваждение, месяцы шли, мне было всё равно – и вдруг, тогда (теперь! но уже тогда), у самой станции, провожая Вас в первый раз: – «Если бы...» Всё вернулось. Та же глина, та же станция, та же я. (Та глина, та станция, та я.) Это был мой сбывшийся сон. Не относитесь легкомысленно. Сны у древних направляли жизнь, а древние были и мудрее и счастливее нас.

Вдоль правого поля: Запись внесенная в тетрадь позже и другим чернилом, очевидно октября 1923 г.

* * *

В жизни – одно, в любви другое. Никогда в жизни: всегда в любви.

* * *

Любовь – не состояние, а страна.

* * *

(Стихи: Сахара, в некой разлинованности нотной [176]:)

Судорожный час когда как солью

Раны засыпает | нам любовь

забывает |

Наглухо...

Закатной канифолью

Смазанные струны проводов...

* * *

— — — — —

Час, когда кифару раскря

Кровоистекающая Сафо

Плачет как последняя швея...

* * *

Это – остаются. Боль – как нота

Высящаяся... А там – клубы

Низящиеся...

Женю Лота

Насыплю застывшие столбы...

* * *

Тезей, Ариадну предавший, Тезей – презираю!

* * *

Плач безропотности, плач животной

Смерти

* * *

Вот и не было тебя! Впустую

Птицей выплеснувшийся рукав...

К белому полотнищу вплотную

Грудью и коленями припав...

* * *

Равнодушное дело | духов,

тело |

* * *

Я не знаю земных соблазнов

—

Запрокинуто тело навзничь

Но глаза вопрошают небо

* * *

И погружаюсь как в реку

В мимо-текущую Вечность

* * *

И погружаюсь как в вечность

В мимо-текущую реку.

* * *

Струею шелковой

Из рук скользящую

* * *

—

Что случилось с чувствами?

Себя текущую
Водой почувствовав

В ладонях берега
Поросших ивами
От древа к дереву
Теку – счастливая

–

–

Всеотпускающей
И всеприемлющей...

* * *

–

–

А старикам в меня
Глядеться вязами

* * *

(NB! бросаться кольцами)

* * *

–

Не ванной цинковой –

–

Дианой с нимфами!

* * *

Между нами – клинок двуострый...

* * *

NB! Сама душа – разве уже не двуострый клинок! (моя)

* * *

Синь речная – Магдалина

Исходящая мелодией.

* * *

Написать [177]:

1) Синь речная – Магдалина

2) Магдалина:

Льющаяся!

3) Иоанна Припадающего

4) От трагического хозяйства

5) Себя текущую

Водой почувствовав

6) Между нами – клинок двуострый

* * *

Какого-то июля 1923 г.

Дорогое мое дитя! [178] У меня за всю жизнь был всего один маленький друг – моих 17-ти лет в Гурзуфе мальчик Осман, одиннадцати. Я жила совсем одна, в саду выходящем на Генуэзскую крепость, возле татарского кладбища. И я этого мальчика любила так и этот мальчик меня любил так, как никогда уже потом никто меня и, наверное, никто – его. Я сейчас объясню: всё это была наиглубочайшая бессмыслица. Я была стриженная (после кори, волосы только начинали виться) – все татарки длинноволосые, да еще по 60-ти кос на голову! – во мне ничего не было, за что меня татарский мальчик мог любить, он всё должен был перебороть, его мною дразнили, я ему ничего не дарила, мы почти не говорили с ним, и – клянусь, что это не была влюбленность! Мы лазили с ним на мою крепость – на опасных местах, тех, без веревки, местах даже запретных, где лазили только англичане, он мне протягивал свою ногу и я держалась – а наверху – площадка: маки, я просто сидела, а он смотрел, я на маки, а он на меня, и смотреть, клянусь, было не на что, я была стриженная и во мне даже не было прельщения «барышни»: ни батистовых оборчатых платьев, ни белизны – полотно и загар! – ходили с ним на татарское кладбище – плоские могильные плиты цвета вылинявшей бирюзы – «Тут мой дедушка лежит. Когда я прихожу – он слышит. Хороший был» – и к нему на табачные плантации (он был без отца – и хозяин!) и к нему в дом, на пол перед очагом, где вся его семья (вся женская) – 10 мес. ребенок включительно неустанно пили черный кофе – не забыть бабушки (или прабабушки) 112-ти лет, помнившей Пушкина – он покупал мне на 1 копейку «курмы», горсть грязи, которую я тут же, не задумываясь, съедала. – Когда я уезжала он сказал: – «Когда ты уедешь я буду приходить к тебе в сад и сидеть». И я, лицемерно: «Но меня не будет?» – «Ничего. Камень будет». И в последнюю ночь ни за что не хотел уходить, точно я уже умерла: – «Я буду с тобой и не буду спать». В 12 ч. заснул на моей кровати, я тихонечко встала и пошла на свою скалу. Ночь не спала. Утром в 6 ч. разбудила. Пошли на пароход, и он опять нес вещи, как в первый раз, когда с парохода. Простились за руку. Тут – заскок памяти: помнится – брезжится – что в последнюю секунду что-то произошло: либо вскочил на пароход, либо – не знаю каким чудом – встретил меня в Судаке. М. б. вскочил в лодку и плыл вслед? Честно: не помню, только помню, что что-то под самый конец – было, а откуда на меня глядели его черные (всего лихорадочнее: татарские) глаза, с гурзуфской ли пристани, с судакской ли – не знаю.

Через 21/2 года я, уже замужем и с 2-хлетней Алей была в Ялте, поехала в Гурзуф, отыскала Османа – Осман-Абдула-Оглы: у фонтана – данный им навек его адрес – огромного! привезла его в Ялту, познакомила с С. – «Хороший у тебя муж, тихий, не дерется». Алей любовался и играл с ней. Обо мне рассказывал: «Когда ты уехала я всё приходил к тебе в сад, сидел на том камне и плакал» – просто, повествовательно, как Гомер о судьбах Трои. Был еще рассказ – о том, как он одной из этих зим ездил со своей школой в большой город: Москву и искал там меня. Было или нет, Москва ли этот большой город или Симферополь – так и не выяснила, рассказывал как сон. Но во сне или нет – искал меня. Потом как-то затосковал, сорвался с места: Домой поеду! Некрасивый, востролицый, очень худой.

Эту любовь я считаю – gros lot de ma vie [179]. Не смеюсь и не смейтесь. В ней было всё, что мне нужно: сознание (certitude [180]), но сознание – такое. –

Пишу это п. ч. Вы напоминаете мне моего Османа, не Вы, которого не знаю, а свое чувство, которое (которые) знаю: узнаю. Ваше двадцатилетие где-то во мне равняется его одиннадцатилетию. Из той же области чувств: без дна и без дня, вслепую и впустую. Пишу Вам как мысль идет, не сбивайте – и не делайте выводов: мы ведь еще не знакомы.

* * *

(Спросить Османа: – Ты любишь меня? было бы – просто грубостью. И совсем не знаю что бы он ответил. Дикари не знают как это называется. 1932 г.)

* * *

Дорогая деточка моя, как рассказать Вам то чувство глубочайшей благодарности за некие мимолетности Вашего пера и мысли. Ведь мне дорого только нечаянное, сорвавшееся! То, напр., что я, прочтя «поэтесса», чуть-чуть передернулась и – учитывая слишком многое – и наперед устав! – смолчала, а Вы не смолчали. («Поэтесса» это как «актриса» что-то подозрительное, в меру уличное: недоросшая сестра – старшей.) Любуюсь Вашей настойчивостью с «ремеслом». У Вас старинное деление на вдохновение и ремесло. Но нельзя же назвать книгу «Вдохновение». Пусть читатель сам назовет! Впрочем, довольно о книгах, давайте о Вас: чувствую в Вас свой костяк, Ваша мысль нелегко сдается, да это и не ее дело! И – раз навсегда – мне этого не нужно, мне не это нужно, мне нужно одно: доверие и некое чудо проникновения в мою настесь-распахнутую и посему трудно-читаемую душу. (В раскрытые двери собаки входить боятся. Им нужна щель: чтобы мордой.) Читайте в моих книгах всё что прочтется, всё что захотите прочесть. Это не фраза! Это самостоятельная жизнь (действие и поле действия) моего слова в другом, то, что мое слово делает само, без меня (дети без родителей ведут себя чаще всего препакостно, но они от этого не делаются детьми соседа!). Мои стихи – это мои дети на свободе, без корректива (гасителя, глушителя) моего родительства (авторства). А м. б. – сама я на полной свободе: как во сне.

Иногда думаю о себе, что я – вода. (Эти дни я много на реке. Чудесная: Moldau: Влтава: почему не Млдава??) налейте в море – будет морем, налейте в стакан – будет стаканом. Дело вместимости сосуда – и: жажды!

* * *

О русском русле. Дитя, это проще. Русская я только через стихию слова. Разве есть русские (французские, немецкие, еврейские и пр.) чувства? Просторы? Но они были и у Атиллы, есть и в прериях. Есть чувства временные (национальные, классовые), вне-временные (божественные: человеческие) и до-временные (стихийные). Живу вторыми и третьими. Но дать голую душу – без тела – нельзя, особенно в большой вещи. Национальность – тело, т. е. опять одежда. Прочтите Царь-Деву – настаиваю. Где суть? Да в ней, да в нем, да в мачехе, да в трагедии разминовений: ведь все любви – мимо: «Ein Jüngling liebt ein Mädchen» [181]. Да мой Jüngling никого не любит, я только таких и люблю, он любит гусли, он брат молодому Давиду и еще больше – Ипполиту. Вы думаете – я так же не могла написать Федру? Но и Греция и Россия – тело, т. е. одежда, Вы не любите одежды – согласна – сдерите ее и увидите суть. Это (в Царь-Деву) сделал пока один Борис Пастернак. – «На Вашу вещь не польстится иностранец, в ней ни опашней, ни душегреек, ничего русско-оперного, в ней человеческая душа, это иностранцу не нужно».

А Переулочки – знаете, что это? Не Цирцея ли, заговаривающая моряков? Переулочки – морька, неуловимая соблазнительница, заигрывающая и заигрывающаяся. Соблазн – сначала раем (яблочком), потом адом, потом небом. Это сила в руках у чары. Но не могу же я писать их как призраков. Она должна обнимать, он должен отталкивать. Но борются не тела, а души.

* * *

Поезжайте на море – я сейчас целый день на реке! Это тоже возможность беседы. Хотите еще одну умильность о вас? Вы – пишущий, профессионал слова, не хотите слов! И не могу не ответить Вам одним четверостишием из стихов прошлого лета:

Есть час на те слова:

Из слуховых глушизн

Высокие слова

Выстукивает жизнь.

Я не боюсь слов. Они не страшны именно тем, что – всегда малы, всегда тень (что резче и ярче тени!) что за словами – всегда – еще всё. Я всегда за слова! Когда человек молчит мне тяжело, – как вагон который не идет: – Ну же! Можно без рук, без губ, без глаз – нельзя без слов. Это – последняя плоть, уже духовная, воспринимаемая только сутью, это последний мост. Без слов – мост взорван, между мной и другим – бездна, которую можно перелететь только крыльями!

* * *

Теперь вслушайтесь внимательно и взвесьте: дает ли Вам – о моей душе, скажем – что-нибудь моя живая жизнь. Когда вернее: видя или не видя? В упор или потупясь? Не видеть, чтобы видеть (я) или видеть, чтобы не видеть? (опять я же?) Так я склонна утверждать, так я научена утверждать. Но – случайность ли наша живая жизнь (unsere lebendige Erscheinung [182])? Не есть ли в этом уклонении (от живой Erscheinung другого – и даже собственной) некое высокомерие? Можно ли быть привязанным – к духу? Можно ли любить собаку вне тела? Призрак собаки. Собаку – вне собаки: ушей, зубов, упоительной улыбки до ушей и т. д. На собаке (единстве) лучше видно.

И возвращаясь к человеку: не жизнь ли вяжет (жизнь: ложь, жар, спор, обида, дележ). И не променяете ли Вы Вашего незримого и абсолютного собеседника на первую встречную зримость: относительность: – на жизнь! Это я так спрашиваю. И больше утверждаю, чем спрашиваю!

* * *

Горние Мокропсы, близь Праги, какого-то июля 1923 г.

* * *

Вкратце:

Ариадна

Ипполита (Антиопа)

Федра

Тезей

Ипполит

* * *

Тезей, выведенный Ариадной из лабиринта, увозит ее на остров Наксос и там, по велению Диониса, покидает. (Неблагодарность.) Но, любя, забыть не может – и –

* * *

Тезей, спасенный Ариадной, увозит ее на остров Наксос и там, по велению Диониса, покидает.

По возвращении его с Наксоса врывается враждебное племя амазонок, осаждают город и убивают Ипполиту (жену). Возмездие первое.

Тезей женится на Федре, сестре Ариадны, в дни Наксоса малолетней.

Встреча Федры с Ипполитом.

Ненависть Ипполита к Федре: ненависть матери к мужчинам: ненависть сына к женщинам 2) ненависть к сестре той, – АРИАДНЫ – из-за которой так страдала оставленная Ипполита (NB! почему страдала, раз Тезея – ненавидела? Или – любила?), ненависть к сестре той из-за которой (возмездие богини Тезею!) Ипполита – погибла. (Слово Ариадны: Будь верен!) Ненависть к заместительнице матери.

Гибель Федры и Ипполита.

Упокоение в одной могиле.

* * *

Ариадна (мудрая) выводит Тезея из лабиринта. Выведя, хочет проститься, Тезей умоляет ее ехать с ним. – «Не проси, тебе грозят беды». Тезей не боится бед. (Не для того тебя вывел из одного лабиринта чтобы завести в другой. Не для того тебя вывел нитью, чтобы запутать в сетях. NB! в этом роде, можно переиграть клубком.) – Ступи на корабль! – Не хочет. – Открой тайну! – Не в моей власти ни предотвратить, ни открыть. Через меня ты когда-то потеряешь всё. – Не потеряв тебя – я ничего не потеряю, а потеряв тебя – мне нечего терять. – Долгий спор. Наконец Ариадна, любя его, берет с него клятву в верности. – Даже если сам Зевес потребует меня у тебя – будь верен. – Клятва Тезея. Отъезд.

(Ариадна едет с Тезеем не из-за ее сверху: своей (собственной) любви к нему, а из-за его отчаяния, и из-за поколебавшейся веры в богов (предначертание). – Слабость.)

* * *

Накос. Ариадна – Тезею: «Эту ночь еще – спи без меня!» Сон Тезея: явление (голос) Диониса. Борьба между любовью к Ариадне и страхом божества. (Дионис – искуситель.) Дионис грозит ему (NB! чем? очевидно – гибелью Ариадны). Тезей покоряется и выкрадывается с острова. (Можно короткий диалог с малолетней – NB! семилетней – Федрой. Можно – неспящую и присутствующую Федру.)

Пробуждение Ариадны. – Отчаяние. – Федра: «Сестра, я за тебя отмщу!»

Возвращение под черным парусом: гибель отца. Поход амазонок (гибель Ипполиты).

* * *

Ариадна.

Ариадна выводит Тезея из лабиринта. Тезей умоляет ее ехать с ним. Она отказывается. – «Выведя тебя из одного лабиринта, я тебя введу в другой. Тебе сейчас еще не поздно потерять меня. Или: Потеряв меня сейчас, ты ничего не потеряешь, кроме своей мысли обо мне. Потеряв меня потом, ты потеряешь не только меня, но всё что когда-либо было и будет твоим». – «Мне нечего терять, кроме тебя. Едем». Отказывается во второй раз: «Я, любя тебя, буду твоей бедою».

– Ты меня не любишь? – Люблю. – Ты меня не любишь! – Зачем же мне было выводить тебя из лабиринта? – Так почему же ты фраза не окончена

* * *

Ариадна выводит Тезея из лабиринта. Тезей зовет ее с собой. Она отказывается. – Ты любишь другого? – Нет. – Любовь на просьбу говорит: да. – Мудрая любовь на просьбу может, а порой и должна говорить сказать так!: нет. Когда ребенок просит у матери дать ему в руки пламя... – Я не ребенок, я – Тезей... и т. д. Едем! – Да сопутствуют твоему кораблю добрые ветра! – Я увезу тебя силой! – Когда слепой ведет зрячего – погибают оба. – В третий раз и в последний... (NB! Необычайная сила этой формулы! принудительная и магическая.) – Тезей! Не в моей власти ни

Тетрадь первая. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
раскрыть ни предотвратить. Сын бога Посейдона, совладай с бушующим сердцем
(кровью). Оставь меня! Оставив меня сейчас (NB! Ариадна – всё знает? И Наксос?)
ты совершишь подвиг, слава которого превысит все твои бывшие и будущие подвиги.
Еще не поздно меня терять. Тезей, откажись! Тезей, я люблю тебя! Но знай одно:
сейчас последний срок для потери. После того как твои уста прильнут к моим (NB!
что-то уж очень они торгуются, NB! вроде меня – в любви), ты уже не волен меня
оставить, я уже не вольна тебя спасти.

2) Оставив меня хотя бы час спустя как твои уста прильнут к моим (NB! проще –
поцеловать, что я и делала, а потом – продолжала) ты совершишь проступок за
который всю жизнь будешь нести кару. Сейчас ты теряешь только меня, тогда ты
потеряешь всё, что когда-либо было и будет твоим. Еще не поздно меня терять!
Сейчас – последний срок для потери. Тезей, откажись!

– В третий раз и в последний...

– Нет!

– Отец, отец, прими и уничтожь своего несчастного сына! (Отец – Посейдон, т. е.
пучина.)

– Остановись! –

...Тезей, я женщина и слаба сердцем. Страх и страсть затемняют мое зрение. Но пока
я еще вижу, Тезей, видь: войны, беды, измены, кровь – вот что ждет тебя, если ты
меня оставишь. Я не вольна тебя спасти. Нить выводит из лабиринта, но не
удерживает тела над бездной. Страшной клятвой, герой, клянись: никогда, ни
наяву, ни во сне, ни в первый час утра ни в последний под строкой: первый час
ночи, ни ради очей другой девы, ни по велению – хотя бы самого Зевеса ты не
оставишь меня.

Тезей клянется. Объяты. Оба исчезают за скалой, за которой море и паруса. Через
сцену (NB! не театральную! моей души, где всё это происходит) – маленькая
девочка, простоволосая, в слезах и в бешенстве. – Ариадна! Ариадна! Ариадна! О,
возьми меня с собой! О, не покидай!

Фигура Тезея. Ариадна делает несколько шагов навстречу Федре, плача прижимает ее
к себе и все трое скрываются за скалой.

* * *

Ариадна:

I

1. Чужестранец

2. Выступление Тезея

3. Оракул

II

1. Лабиринт

2. Сон Тезея (Наксос)

3. Плач Ариадны

III

1. Плач Тезея

2. Возвращение (Черный парус)

* * *

Женщины:

1. Медея (Эгей)

2. Ариадна

3. Малолетняя Федра

4. Голос Сивиллы

* * *

Герои:

Эгей

Тезей

Посейдон

* * *

Ввести: нить и созвездие (венец Ариадны).

* * *

Федра:

I

1. Нападение амазонок (смерть Ипполиты)

2. Тезей – Федра

II

1. Встреча с Ипполитом

2. Отъезд Тезея

3. Письмо

III

1. Проклятие

2. Гибель Ипполита (кони)

* * *

Афродита, разгневанная «изменой» Тезея Ариадне омрачает его страстью к Федре, затем к Елене. Тезей погибает из-за Елены: согласно обещанию он, получив по жребью Елену, идет с другом похищать у Плутона Персефону. За это время братья увозят Елену и чужой царь овладевает его царством.

* * *

Ариадна: ранняя юность Тезея: восемнадцать лет.

* * *

Федра: зрелость Тезея: сорок лет. (Федре около тридцати, Ипполиту – как первому Тезею – восемнадцать.)

Елена: старость Тезея, шестьдесят лет. (Елене, по мифу, семь. Нужно – двенадцать.)

* * *

Необходимо, в начале Елены, в монологе, чем-нибудь заполнить это 20-летие после смерти Федры. (NB! Когда – Ипполита? До Федры, раз – Ипполит. Тезей, чтобы утешиться, идет походом на амазонок и побеждает их царицу Ипполиту. – Так?)

NB! Можно в Ариадну (I акт) ввести Медею, злую волшебницу, любимицу старого Эгея, нашептывающую ему злое на сына. Эгей, влюбленный в Медею (NB! целая семейная хроника – или скандальная? *Chronique scandaleuse de [183]*) наполовину верит. После отъезда сына он прогоняет Медею.

* * *

Достоверность.

Тезей воспитанный вдали от отца. Приезд Тезея: пир: отравленный кубок Медеи.

Медея убеждает Царя Эгея, что Тезей – не его сын, или – что Тезей желает свергнуть его с престола.

* * *

Дружочек, я давно не слышала Вашего голоса, Ваш голос мне нравился, он делал меня моложе.

Недавно, в предместьи Праги, в поле ржи, перед грозой, сидя прямо на дороге, по которой уже никто не ходил (лбом в грозу, ногами в рожь), я рассказывала одной милой своей спутнице – Вашей сверстнице – больше ржи, дороге и грозе, чем ей! – конец одной встречи, начало которой Вы знаете. Это был конец, я чувствовала горечь и пустоту. Вся довременная обида вставала – моя рожденная обида!

– А как же это началось? – Как всегда, с писем, с моих милых, с его милых... – Но как же это всё могло так кончиться? – Как же это могло не кончиться – так? – А зарева полыхали, грозя поджечь рожь. – Только Вы простите, я всё это выдумала. – Как жаль. Это было так хорошо.

(Ей-то хорошо – слушать, а мне-то, с которой всё это было (!).)

Сейчас я уже в точности не помню, что рассказывала, помню, что был Берлин, ночные асфальты, стоянки под фонарем, чувство растравы, чьи-то благоразумные слова... (Когда повторится – узнаю!) Дитя, Вы гнусно вели себя, Вы сделались 40-летним, а я совсем бессмысленной, у меня д. с. п. еще чувство обиды на Вас за собственную ложь. (NB! Жаль, что не Вы тогда были рядом, перед грозой и под грозой, на пустой дороге, во ржи! Но я бы и Вам врала.)

* * *

Что из этого всего выйдет? Не знаю. По-моему – уже вышло.

* * *

Да, дружочек, навсегда дарю Вам этот свой просторный, пустынный час. Не «ложь» свою – ведь это была не ложь, а опыт наперед! – а нежность свою, благодаря которой эта ложь могла возникнуть. (О «знакомых» не лгут.) Преждевременный нож в сердце – вот название этой лжи. Этой ложью я только опередила нож. – Формула. – (Письмо – не литература. Нет, литература – письмо.)

Рожь, ложь и нож.

* * *

Отрывки:

Благовония Магдалины. – Застенчивость хороших семей [184].

* * *

Не труден (Но – труден)

– – –

Не будем

Переступать порогов

(NB! не мудрено: из Берлина – в Прагу! Кстати: Прага: порог (славянское праг) 1932 г.)

* * *

(Сок лотосова сока:)

гималайского |

Так с непреложного | слона

Раджа глядит. Так кедр – с Ливана

(Die Höhen von Libanon) [185]

* * *

Под тропиками родилась

Любовь

(NB! Ну, а душа – явно на Северном Полюсе! 1932 г. Нет: разум – на Северном. А душа? Явно на высшей горе мира. (Какой?) Узнать. Додумать.)

* * *

...Где всё забвение вещей

зернах

Покоится. Несла их три

Тетрадь первая. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Но и последнее, мой милый:

Зерно индийской конопли,
Рассеянная, | обронила.

Беспамятная |

* * *

О невесомости вещей

О невещественности веса

* * *

В тебя как в Индию войдя...

* * *

Дорогое мое дитя! Это письмо – вопрос на самую чистую чистоту, которая только возможна между двумя людьми, лично не связанными, ни в чем друг от друга не зависящими, свободными друг перед другом и друг от друга. Что у Вас в точности было с Эренбургами? Причины, вызывающей этот вопрос, сказать не вольна, но цель его – продолжать относиться к Вам как отношусь, а для этого мне нужно одно: правда, какова бы ни была. Я хочу Вас безупречным, а безупречность – не отсутствие повода к упрекам: вольное подчинение (подставление себя) упреку: – упрекай! (если можешь, а я – конечно – не смогу). Есть степень гордости и правдивости души, где уже нет самолюбия (faire le beau! [186]), т. е. правдивости и гордости настолько, чтобы идти под упрек как солдат под обстрел: души моей не убьешь. (Это еще зовется и вера, по мне – знание: малости каждого греха.)

Итак, не бойтесь «разочаровать», если это даже низость – я меньше всего судья! и если даже неблагоприятность – я меньше всего эстет. Я хочу мужской правды. И всё.

Повода к расхождению могут быть два: красота Любви Михайловны и идеология Эренбурга. Первый случай: какой-нибудь юношеский натиск – переоценка средств, второй – тот же натиск наоборот, т. е. отскок, словом: в первом случае слишком явное признание, во втором – слишком явное непризнание. И в обоих случаях – катастрофа.

Помня мою цель Вы не откажете мне ответить. Предупреждаю, что поверю без проверки и вопреки очевидности, на которую у меня отродясь нет очей.

Лично клонюсь к возможности второй, ибо – учитывая явную катастрофу – идеологией своей Эренбург больше дорожит чем Л. М. своей красотой, хотя бы потому что первая проходит, а вторая остается. – Мы всегда держимся за ненадежное. –

Пишу Вам как в гроб.

* * *

Всё так же – в ту же! – морскую синь –

Глаза трагических героинь.

В сей зал, бесплатен и неоглядн,

Глазами заспанных Ариадн

Оставленных, очесами Федр

Отвергнутых, из последних недр

Вотще взывающими к ножу...

Так в грудь, жива ли еще, гляжу.

Для глаз нет занавеса. Назад

В ночи отчаливающий! Взгляд

Души – безжалостнее свинца.

– В ночи прокрадывающийся –

...

Для чувств – нет ярусов! Пуст – театр!

Так мести яростной моя –

Мчи, семипарусная ладья!

* * *

24-го нового июля 1923 г.

* * *

Для Ариадны:

Я сына от тебя хотела.

* * *

(После этих слез:)

Несоленой кажется соль

* * *

Пишу Вам во мху, пока себе в тетрадь. На меня сейчас идет огромная грозная туча – сияющая. Я читала Ваше письмо и вдруг почувствовала присутствие чего-то, кого-то – рядом. Оторвалась – туча! Я улыбнулась ей так же как в эту минуту улыбнулась бы Вам.

Короткий мох колет руки, пишу лежа, подыму голову: она, сияющая, и сосны. А рядом, как крохотные танцовщицы – лиственницы. (Солнце сквозь тучу брызжет на лист, тень карандаша – как шпага.)

Шумят поезда и шумят пороги (на реке) и еще трещат сверчки, и еще пчелы, и еще в деревне петухи – и всё-таки тихо. Мой родной, уйдите с моим письмом на волю и прочтите его так, как я его пишу. Дружочек, вспоминая Психею и Елену, думаю, что я не была такой, что это меня люди научили, т. е. бесчеловечности: я научилась от людей – м. б. они ей на мне учились. Н я люблю как (и т. д.), но как (и т. д.) он мне безразличен. Чтобы с точностью определить это как нужно владеть хорошим женским (или мужским) инстинктом. Профессионально-женским, профессионально-мужским. Я этим не блещу – сейчас долго рассказывать! – но видя и видя и видя вокруг себя такое нечеловеческое деление живого на части, такую точность расчета и границ, я – о себе не говорю – допустила его в других, перестала (из высокомерия) удивляться, не поняв – сдалась. О, как это цвело в Prager Dialekt, и как это меня оскорбляло, Господи!

– Этот эту любит так-то... – Зачем так-то? Просто любит. – Нет, п. ч. это дает ему возможность любить эту – так-то и третью – другим манером.

Точно нельзя – целиком – двоих! Всем собой – целых двух! Выход из катастрофы многолюбия в безнаказанность распутства. И потом всем вместе сидеть и пить чай.

Я не розню и я не об этом говорю. Выбирать: т. е. принимать одно и отвергать другое, т. е. разборничать: вытыкать как вилкой из блюда – бездушное упражнение над живым, живодерство. Есть стихия сочувствия: делать чужое моим, кровным. О, это оскорбление очень знакомо мне через стихи: я люблю в Вас то-то и не люблю в Вас того-то. И я (теперь уже) молча: «Ты ничего не любишь». Права выбора в себе я не даю, когда начинают – отстраняюсь, уношу с собой всё блюдо, оставляю другого с пустой вилкой, как в немецких сказках или в детских снах.

Но – сейчас будьте внимательны – есть еще одно: стихия чисто-любовная, наиболее беспристрастная. Там это цветет. Ведь это дух разрушения! Там душа – только в придачу! Если наша встреча слепо-зрячая, то те любви зряче-слепые: глаза раздирают, чтобы лучше видеть и ничего не видеть, кроме как на миллиметр от своих (а то и вовсе вне расстояния!) – такие же разодранные глаза. Там – ненависть.

* * *

Думаю о Вашем втором зрении. Оно – изумительно. В одном из предыдущих писем – «поэтесса» – я поморщилась и уже в следующем – а я ничего не спросила – пояснение. То же сегодня. Вчера я Вам писала (еще на Берлин) об эстетской «отраве ради отравы», а сегодня Ваша приписка: – «Что-то в моем последнем письме было не так». – Дорогое дитя мое, откуда?

* * *

Но признаюсь Вам сейчас в одном. Сейчас, идя по лесу я думала: – а откуда же: сделай мне больно! (то, что мы все знаем и, чего не зная, мы ничего не знаем) – этот вечный вопль души в любви. Вопль, надежда, жажда.

Что – это желание боли? И не об этом ли Вы, опережая, писали? Ведь душа – единовременность, в ней всё сразу, она вся – сразу. Это жизнь распределяет. Постепенность – дело выявления, не суть. Пример из музыки: ведь вся гамма в горле уже есть, но нельзя спеть ее сразу, отсюда: если хочешь спеть гамму, не удовлетворяясь иметь ее в себе, смирись и признай постепенность.

Перевод вещи во время.

* * *

Есть в Вашем письме нечто вроде упрека. – «Вы отравлены логикой». Дитя, этот упрек мне знаком как собственная рука. Мне не было 16-ти лет – поэт Эллис [187], которого Вы знаете по записям Белого [188] – сказал обо мне: – Архив в хаосе. – «Да, но лучше, чем хаос в архиве!» Это – я, один из моих камней (о меня!) преткновения людей и спасательных кругов от них.

* * *

Вы сейчас на воле. Выберите себе какое-нибудь любимое дерево. Это необходимо. С собой Вы его не возьмете, в себе – да. Ничего бы не следовало любить, что не возьмешь с собой в гроб.

* * *

...Веру Зайцеву я нежно люблю, и она меня, не понимая, очень. Борис Константинович [189] мне скучен. А Ходасевич – гнусен. Последние стихи его о заумности [190] – прямой вызов Пастернаку и мне. Конечно, он о нас – думал. Ангелам Богу предстоящим я всего предпочитала человека. Наши лучшие слова – интонации. (Кстати, откуда Ходасевич взял, что ангел говорит словами?!). Жену его [191] знаю (слегка) и глубоко равнодушна, хотя бы из-за того уже, что никогда, никогда, ни секундочки не любила Ходасевича, т. е. в главном: в двуедином видении любви и поэзии с ней расхожусь. Из поэтов люблю Пастернака, Маяковского и – да, Мандельштама. И совсем по-другому уже – Ахматову и Блока. В Ходасевиче я не чувствую стихии, а не чувствую – потому что ее нет. Вам как литературному критику нужно быть и широким и бесстрашным и справедливым. Он зол и без обратной стихии добра. Он – мал. Маленький бесенок, змееныш, удавёныш с растравительным голосом. Бог с ним, дай ему Бог здоровья и побольше разумных поэм и Нин!

* * *

Тетрадь первая. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Есть ли у Вас Tristia Мандельштама? М. б. Вам будет пропуск одного слова знать, что стихи: «В разногололице девического хора», «На розвальнях уложенных соломой», «Не веря воскресенья чуду» и еще несколько – написаны мне. Это было в 1916 году и я тогда дарила ему Москву. Стихов он, из-за жены (недавней и ревливой) посвятить не решился. У меня много стихов к нему, приеду – привезу. (Между прочим, все «Проводы» в каком-то № «Русской Мысли». Стихи 1916 г.)

Дружочек, я подарю Вам все свои дохлые шкуры, целую кладовую дохлых шкур! – а сама змея – молодая и зеленая, в новой шкуре, как ни в чем не бывало. Может, и ее подарю!

* * *

О Белом. В прошлом году, когда я приехала из России я встречалась с ним (знакомка была с 1910 г., но встретила только в 1922 г.), он рванулся ко мне навстречу – весь – с фалдами и чувствами. У меня было чувство бесконечного умиления и жалости и горечи за такое одиночество (всяческое!) я твердо знала, что будь я сейчас свободна, я бы осталась с ним, смутно, но верно чуя, что для него, именно для него, призрака – сочувствие, участие, восхищение людей – мало. Что ему просто нужен – уход. (Я не сказала – простой, да какая тут простота, когда – поэт!) Что ему просто нужно – очень непростые вещи. (Это мне напоминает книгу священника (академика) Погодина «Простые речи о мудрѣных вещах» [192], еще из библиотеки деда.) И я бы, не любя его, всё-таки его, всего его, на себя взяла – и только потому, что рядом не было никакой другой, не только не было, но как раз – убыло (уход Аси). Но это было невозможно, такого оставлять (внешне, хотя бы на час) нельзя. Ибо нельзя, одновременно: с 1 ч. дня по 1 ч. ночи – в Праге (куда я ехала) – и в Берлине. А ему именно нужно было в Берлине, т. е. с ним. Не именно меня, я думаю, – он меня даже не рассмотрел, хотя и писал о Разлуке, хотя ко мне из своего гробовщицкого поселка Zossen'a и рвался – скажем, безымянно-меня, но я сумела бы вчувствоваться. (И не на такое жизнь – сердце – чернила – а, главное, время – тратила! Единственное из всего перечисленного – и опущенного – невозместимое!) Чего бы я, голубчик, не сумела! Но –

Отношение было спокойное, он глубоко и сердечно-воспитан, со всплесками нежности – он весь – всплѣк! – с моими ответными – и с его ответной радостью. Никогда не забуду поездки в автомобиле, ночью, в Шарлоттенбург, когда деревья мчали на нас. Было чувство того света. О, расскажу! И это – подарю. Это не дохлая шкура, это отрезок (хотя и крохотный) живой змеи. Кстати, ненавижу змей, завидев поперек дороги, а иногда просто слышав (а здесь их мно-ого! Позор на гады [193]. В самых земляничных и ежевичных местах:

Берегись

Змеи любят землянику!

И речные есть. Плынешь – и она плывет) – итак, завидев и даже незавидев бегу обратно три километра не оборачиваясь, до дома. Змея или нет, но жизнь. Здесь не было огорчительных достоверностей.

* * *

А! Поняла! Болевое в любви единолично, усладительное – безлично. Боль называется ты, усладительное – безымянно. Поэтому «хорошо» нам может быть со всяким (NB! можно это «хорошо» от всякого не принять) боли мы хотим только от одного. Боль есть ты в любви, наша личная в ней примета. Отсюда: «сделай больно!» т. е. скажи, что это ты, назовись.

* * *

– Читали ли Вы Николая Курбатова? [194] начал он его писать в дни горячей дружбы со мной и героиню намеревался писать с меня. Но – как скоро Эренбург ни пиши, дружить со мной – еще пропуск одного слова, поэтому: не успел. Разошлись – сразу и резко. Зачатая в любви, рожденная в гневе, героиня должна была выйти чудовищем. – Напишите.

* * *

Прозрение – презрение – признание.

Тетрадь первая. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

(Прозрение – тебя в веках, презрение – к тебе, в вершках, признание – тебя, в руках.)

* * *

Это волчицы грусть,

Схожая с громом:

– Ромул мой, Ромул!

* * *

Стихи за июнь:

1. На дне она где ил
2. Когда друг к другу льнем
3. Закачай меня
4. Чем окончился этот случай
5. На назначенное свиданье
6. Рано еще –
7. Пядь последняя и крайняя
8. Занавес
9. Красавцы, не ездите!
10. Строительница струн
11. В некой разлинованности
12. Брат
13. В глубокий час души
14. Божественно и детски гол
15. Глаза трагических героинь
16. Наклон

* * *

(Стихи: Наклон, к ним пометка:)

Проверьте и будьте внимательны, это не пустой подбор сравнений, это – из книги подобий, которая есть – я. Напишите, которое из них больше дошло (ожгло).

Тетрадь первая. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Наклоняться можно и ввысь (раз земля – шар!). На коленях, ведь это довершенный наклон: мать перед спящим сыном, к которому сначала клонилась – до-клонилась – т. е. молится. Не принимайте наклона как высокомерия и коленопреклонения как смирения, это не те меры. Откиньте всякую, увидите движение, и вне человеческого дурного опыта, увидите смысл его.

* * *

Смогу ли я, не боясь и не считаясь (– чужого страха и: с чужим расчетом) быть с Вами тем, кто я есмь. Вы в начале безмерности.

* * *

– Есть ли у Вас мир, кроме моего, т. е. природы, работы, одиночества? Значат ли что-нб. в Вашей жизни: дела, деньги, «друзья», войны, новости, открытия, – всё чем заполняют день. Любите ли Вы что-нибудь кроме? (всего, т. е. одного). Будьте правдивы, не считайтесь с тем, что от того или иного ответа я буду любить Вас больше – или меньше, ведь для Вас важно быть любимым – именно в упор, чтобы Вас любили, а не соседа. Есть ли у Вас это чувство – негодования как на оскорбление – когда любя Вас – любят мимо, навязывая Вам – чужие добродетели! Что Вам от того, что я буду любить Вас – не знаю как – когда это – не Вы?! Только оскорбительно.

Истоки мне Ваши близки, русло может быть чуждо, да о русле (ходе) реки нельзя говорить, пока она не дошла до устья. Подвержены ли Вы музыке, меняетесь ли, и мгновенно меняетесь ли от нее? В Prager-Diele (единственная пядь земли, на которой мы вместе стояли, да и то врозь! Не без иронии: «земли») в Prager-Diele ее просто не слышали, не услышали поэтому и меня.

* * *

Помните, что Вы должны мне быть неким духовным (слово между нами излишнее!) оплотом. Там, где всё содержание, формы нет, это Вы обо мне сказали (ставлю ударение и на Вы и на мне). И вот, эта встреча чужого отсутствия (т. е. сплошной формы, если была бы мужчина – сказала бы: форм!) с моим присутствием (т. е. сплошным содержанием), – словом, с Берлином у меня много неоконченных (не: неуплоченных, а: сплошь переплоченных!) счетов, я должна иметь Вас союзником, хотя бы мысленным. Стихи мне перед людьми не оплот: брешь в которую все ломаются. Я должна знать, что вся в Вас дома, что мне другого дома не нужно. (Как черновая тетрадь, в которую – всё.)

Вы наверное думаете, что я страшно торгуюсь: и собакой (слепца!) будь, и оплотом будь, и домом, и краем земли. Деточка, м. б., всё выйдет по-другому и я от Вас буду искать оплота (бежать на край земли)?! – шучу. –

(NB! Когда я говорю «шучу», тут-то и становится серьезным! 1932 г.)

Моя тетрадь для стихов превратилась в тетрадь записей к Вам, а моя обширная переписка – в диалог. Впрочем, для точности прибавлю, что кроме Вас для меня сейчас еще – вне Праги – существует С. М. Волконский, мой далекий, недостижимый друг.

* * *

Найдите, что я далеко не всё Вам пишу, что хочется, и далеко еще не всё хочу, что буду хотеть.

* * *

Исток моего доверия к Вам – самооткрытый Вами Добровольческий Марш [195] в Ремесле и то (не знаю что), что Вы мне – один из всех людей – сейчас в письмах даете.

* * *

Хорошо именно, что Вам 20 л., а мне 30 л. Если бы я была на 10 лет старше, я не говорила бы о материнстве. (NB! – о бабушкинстве!)

* * *

А хотите – 10 л. и 20 л.? Прежде чем говорить нет, взвесьте. Проследите

Тетрадь первая. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
внимательно вопрос, он менее добр и прост чем кажется.

* * *

Что совершает события между нами, никогда вместе ни одной секунды не бывшими?
Какое восхитительное доказательство со-бытия!

* * *

Человечески любить мы можем иногда десятерых за-раз, любовно – много – двух.
Нечеловечески – всегда одного.

* * *

Отрывки:

Психеи неподсудной.

* * *

Будьте живы и лживы, – живите жизнь!

Обыгрывайте Психею!

* * *

Круг

Сих неприсваивающих рук...

* * *

(Раковина – 31-го июля 1923 г.)

* * *

...солью

Моря и крѳви...

* * *

Так в ненавистный дом –

Улица тащится

* * *

Так о своем, родном

Грезит приказчица,

Так в ненавистный дом –

Улица тащится

* * *

Ужас заочности...

Так из песочницы

Тихо течет песок.

* * *

Это – заочности

Взгляд – из последних глаз!

* * *

Разминовение минут

* * *

Из Валтазарова зала зла

Я тебя вызвала и взяла –

В зори...

* * *

Тише – утешу

* * *

В самую душу тебе шумя...

* * *

Солью

Моря, и кровью –

* * *

Как в детства глухие года

[...]

Когда города

Обрушиваются на нас

Глухими дверьми

И слепостью стен фабричных,

В те первые дни

Отчаяний заграничных...

Подъездов, застав...

* * *

Когда новостей

не хочешь

* * *

Смысл: так подъезжаю к – любви? смерти? старости?

* * *

NB! Я не хочу ставить между Вами и мной – своего отношения которое – рано или поздно мне Вас заслонит (NB! своей оценки, которая – рано или поздно – мне Вас открывает). Поэтому не посылайте – своих стихов, для них еще рано.

* * *

арий

* * *

(Кастальскому току [196] – 4-го нового августа 1923 г. В глубокий час души, В глубокий – ночи [197] – 8-го нового августа 1923 г.)

* * *

Минута: варианты:

* * *

Минута: минуца: минешь!

Не выманишь из роци Муз!

Семидесяти кож змеиных –

Минутностями не смущусь

* * *

Шестидесяти сроков мнимых

Секундностями...

* * *

Минута: минуца: минешь!

Акулам в люк!

Да будет выброшено ныне ж

Что завтра б – вырвано из рук.

* * *

Глаза перерастают жизнь,

Куст обгоняет лес.

* * *

Час без путей, но и без пут –

Час...

* * *

Так писем не ждут [198] – 11-го августа 1923 г.

Минута – 12-го августа 1923 г.

* * *

Есть час души [199]: варианты:

С глаз – все завесы! Знай – гроза –

Душа! Грозы же час –

Час запахов. В тот час глаза

Растут и царства в нас

* * *

С глаз – все завесы! Все пуды

С подошв! Все звёзды – в пруд!

Час запахов. В тот час сады,

Растут, глаза растут.

* * *

Есть час души – 14-го нового августа 1923 г.

* * *

Дошли ли до Вас мои письма от 26-го и 28-го июля, последнее, согласно Вашей просьбе, по старому адресу. Никогда бы не решилась тревожить Вас в Вашем молчании, если бы не страх совершить несправедливость, приписав Вашей сознательной воле то, что м. б. объясняется своеволием почты. Вкратце: я писала Вам дважды и ни на одно из писем ответа не получила. Последнее что я от Вас имела – открытка с просьбой писать по старому адресу. (Ровно три недели назад.)

Если мои письма дошли – всякие объяснения Вашего молчания – излишни. Равно как всякие Ваши дальнейшие заботы о моих земных делах, с благодарностью, отклонены. Мне останется только просить у Вас прощения за ошибку дверью, что – наперед и наугад – в этих строках и делаю.

Итак, жду только «да» или «нет». Это из всех слов, в конце концов, всё-таки самые содержательные.

МЦ.

Адрес мой до 1-го октября прежний, дальше – не знаю, ибо переезжаю.

Р. С. Был у Вас от меня с оказией около 30-го июля один человек, но ничего, кроме пустоты и известки в Вашей квартире, не нашел. – «Там давно никто не живет».

* * *

(Приписка чернилом:)

Не скрою от Вас – и в этом м. б. мое предельное великодушие – что Вы одна из моих горчайших и жесточайших обид за жизнь.

* * *

Между нами клинок двуострый [200] (Б. П.) – варианты:

1. Но бывает такая примесь

Прерий в ветре и бездны в губ
Дуновении

2. Но бывает такая примесь

Прерий в ветре, такая вслух
Тайна сказана. Меч, храни нас
От бессмертных душ наших двух!

Двух? Но это тела – по счету!

* * *

Двух? Но если

– двое сказать – кто смог?

Нет, от нашей | единой крови,
этой |

От которой – потек клинок!

* * *

магнолий |

Губы – что! Лепестки из боли |

–

Нет, от нашей единой воли,

От которой – потек клинок!

* * *

Боль и сласть – равенства знак

* * *

Но бывает такая примесь

Тетрадь первая. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Прерий в ветре и бездны в губ

Дуновении... В рай не примут?

Так в аду – даром сожгут!

* * *

Но бывает такая примесь

Прерий в ветре и бездны в губ

Дуновении... ринусь

Как пловец – в черную глубь!

* * *

Меч, храни нас

От беды – пущей меча!

* * *

Слушай (вот уж шепчу) срываясь

С неба (вот уж к плечу) звезда

В море падает... Острова есть

* * *

(Кончено 18-го августа 1923 г.)

* * *

Любовь, любовь,

Вселенская ересь двух!

* * *

Гудят провода,

На них воробьи –

Как воры...

* * *

Руками держи

Любовь свою, мни

Тискай!

Правами вяжи!

Глазами вражды, сыска

Гляди – На груди

* * *

Курьерская гарь

К большим городам –

Не к вам мы!

Я думала встарь

Что – по проводам

Телеграммы

Тетрадь первая. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Идут: по струне

Спешащий лоскут:
«Срочно».

Сама по струне
Хожу – вся душа –
В клочья!

Мне писем не шлют
Последнее Шах –
Отнял.

Бумажный лоскут
Повисший в ветрах –
Вот я...

* * *
Пространство – стена
Но время – брешь
В эту стену.

* * *
Душа стеснена.

Не стерпишь – так взрежь
Вены!

Пространство – стена,
Но время – брешь
В эту стену.

Вдоль правого поля, напротив последнего фрагмента: Время, т. е. смерть, т. е. конец пространству и времени.

* * *
(Без рук не обнять [201]: варианты)

Прав – только сосед...

* * *
Иначе – звезда

Сглазит!

* * *
(24-го августа 1923 г.)

* * *
Всё меня отшвыривает, Б. П., к Вам на грудь, к Вам в грудь. Вас многие будут любить и Вы будете знаменитым поэтом, но никогда и ни в ком Вы так не прозвучите, я читаю Ваши умыслы.

* * *

(Меж нами – десять заповедей [202]: варианты:)

И плакала бы, и плакала бы

Пока не стало глаз.

* * *

Час сей – года накапливался...

(века?)

* * *

Теки ж, теки же, огненная,

На глиняные пески!

Страсть, по частям распроданная,

Расплёванная – теки!

* * *

Отчаянием, раскаянием –

Испариною с чела!

* * *

Торжицам

* * *

Господи! Злые – люди!

Вот я и девой

Блудною вышла.

Каждый хвалил мои груди

Сердца ж под левой –

Никто не слышал.

Господи! Злые – дети!

* * *

Господи! Злые – тоже

Слуги твои.

* * *

Дитя моей души! Беру Вашу головку к себе на грудь, обнимая обеими руками и – так – рассказываю: я за этот месяц исстрадалась. Вы действительно дитя мое – через боль. Достоверности следующие: ни на одно из своих последних писем я не получила ответа, мое последнее письмо опущенное мною самой в Праге 2? числа пропало, как и Ваше последнее. Станьте на секунду мною и поймите: ни строки, ни слова, целый месяц, день за днем, час за часом. Не подозревайте меня в бедности: я друзьями богата, у меня прочные связи с душами, но что мне было делать, когда из всех на свете в данный час души мне нужны были только Вы?! О, это часто случается (NB! кстати, не оправдание и даже не объяснение: чаще всего случаются – низости. 1932 г.) собеседник замолк (задумался). Я не приходо-расходная книга, я – сплошной расход и сплошной кредит. Моя главная забота всегда: не болен ли? жив – значит, мой! Но с Вами другое: напряжение мое к Вам и Ваше ко мне (?) было таково (о как я не знаю, не знаю, не знаю другого!) что молчание здесь было явной злой волей: злой, п. ч. мне было больно, волей, п. ч. этого другой и хотел. Я непрерывно о Вас думала, я ни о чем другом не думала – о, Вы не знаете меня! – Мои чувства – наваждения, и я безумно страдаю! Вначале это был сплошной оправдательный акт:

Тетрадь первая. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
невинен, невинен, невинен, это – злое чудо, знаю, ручаюсь, верю! Это – жизнь
искушает. Дорвусь. Дождусь. Завтра! Но завтра приходило, письма не было, и еще
завтра, и еще, и еще: Я получала чудные письма – от друзей, давнишних, и совсем
от чужих, все точно сговорились, чтобы вернуть меня в (постоянное) чувство:
себя, вернуть мне себя, меня – себе – да, я читала письма и радовалась и
отзывалась, но что-то внутри щемило и ныло и выло и разгоралось и гасло (не
гасло!) настоящий нож в сердце, не пропуск одного слова даже во сне. Две недели
прошло, у меня отстоялась горечь, я брала себя за голову и спрашивала (вслух) –
За что? Ну, любит магазинную (или литературную) барышню, – ну, а я-то при чем?
Я-то что сделала? Нет, барышня – вздор, это просто – жест игрока (для 20-ти л. –
недурно!) – дал – возьму обратно. Заставить страдать (l'éternel masculin [203]).
Но, друг, я не из тех, льстящихся на плеть, как только я вижу, что другой –
нарочно (мучает), я сразу перестаю страдать. Мне смешно. И если мне все эти
недели ни разу не стало смешно – то только потому, что уверенности в Вашем
мучительстве – у меня не было. (И – глупо: зачем плеть, когда всё само плыло Вам
в руки, так плыло Вам в руки, такое – всё! Когда вся тайна, вся сила, вся чара
были в правде: в абсолютной безмерности чувств?!). Если Вы игрок, Ваша ставка –
проиграна.

И такая боль потери, такая обида за живую мою душу, такая горечь, что – не будь
стихи –. О, мне этого хотелось: чужого и тупого тела, без души (говорят, что
бывает!), чтобы и помину не было о душе, зачем душа, когда ее так топчут? И не
Вам мечь – себе: за все ошибки, все промахи, за эти распахнутые руки, вечно
хватаящие воздух.

Друг, я не маленькая девочка (хотя, в чем-то – никогда не дорасту) – жгла,
обжигалась, горела, страдала – всё было! – но так разбиваться, как я о Вас
разбилась – ни о кого, никогда. Это была ставка доверия, поймите. Я оборвалась с
Вас как с фразы не окончена

Последние дни (третьего дня, вчера) я уже чувствовала к Вам шутовское презрение,
я знала, что Вы и на это письмо не ответите и с губ моих, с самого края их, уже
неудержимо рвалось: хам!

* * *

Я получила Ваше письмо. Я глядела на буквы конверта. Я еще ничего не
чувствовала. (Я не из плачущих, слез не было ни разу, не было и сейчас.) Я еще
не раскрывала письма. Внутри было – огромное сияние. Я бы могла заснуть с Вашим
невскрытым конвертом на груди. Письмо было – во мне. Этот час был то, к чему я
рвалась – ну-ка, помножим? В сутках – 24 часа, а дней всех прошло 32. 24х32
запись вычисления в столбик =768 часов, о, я не преувеличиваю, Вы меня не
знаете, – узнайте меня! Это письмо было предельным осуществлением моей души, я
свою душу держала в руках. – Вот. –

* * *

Думаю о бывшем. Дитя мое, это было искушение. Одновременная пропажа двух писем:
обоюдо-пропажа: два вопроса без ответа (здесь, кажется, помогла бы алгебра – или
космография? Я тогда всего этого не учила, не зная как понадобится!) В этом
что-то роковое. Жизнь искушала – и я поддалась. Вы, мое кровное, родное,
обожаемое дитя, моя радость, мое умиление (NB! я этого человека никогда не
видела и даже не попросила карточки – 1932 г.) – сделались игроком, из призраков
– почти что приказчиком, я вырвала Вас из себя, я почувствовала презрение к
себе. Я была на самом краю (вчера!) другого человека, просто – губ. Провожала
его на вокзал, стояли под луной, его холодная, как лед, рука в моей, руки не
расходились, слова прощания уже кончились, глядели, не глядели, и я: «Если бы...»
и как-то задохнувшись... «Если бы...» (сейчас не была такая большая луна...) и
тихонько высвободив руку: – «Доброй ночи!» – Не судите меня. Если бы... Вы меня
знали (Вы бы поняли что я Вас сейчас уже не люблю, люблю другого. 1932 г., в
подлиннике же:) Вы бы поняли, что к губам этого милого, ласкового, веселого,
чужого человека меня влекло просто – отчаяние. Это было вчера, в 12-том ночи.
Уходил последний поезд.

(С этого 12-го ч. ночи начинается жизненный этап поэм: Горы и Конца. – 1932 г.
Всё последующее уже – явно – тому.)

Думай обо мне что хочешь, мальчик, твоя голова у меня на груди, держу тебя близко и нежно. Перечти эти строки вечером у последнего окна (света), потом отойди вглубь комнаты, сядь, закрой глаза. Легкий стук: – Это я. Можно? – Не открывай глаз, ты меня всё равно узнаешь! Только подайся немножко – если это даже стул, места хватит: мне его мало надо. Большой ты или маленький, для меня – всё мальчик, беру тебя на колени, нет, так ты выше меня и тогда моя голова на твоей груди, а я хочу тебя – к себе. И вот, рассказываю тебе: руками по волосам и вдоль щеки, и никакой обиды нет, и ничего на свете нет, и если ты немножко ближе придвинешься, ты услышишь то, что я так тщетно тщусь передать в стихах и в письмах: просто – сердце.

* * *

У меня есть записи всего этого месяца: «Бюллетень болезни». Пришлю Вам его после Вашего следующего письма.

Убедите меня в необходимости Вам моих писем, – трещина доверия, ничего не поделаешь.

1-го переезжаю в Прагу, новый адрес мой: Praha Kašiče Švedska ulice 1373 – мне.

«Оказия» не заставшая Вас была просто деньги, я боялась берлинской революции и хотела чтобы у Вас была в руках возможность выехать. Сейчас, из-за переезда, их уже у меня в руках нет, но как только войду в колею непременно вышлю – если Вам нужно, о чем убедительно прошу сообщить. Кроны здесь – ничто, в Берлине они – много, и я не способна на только-лирическую дружбу. Просто – Вы мой, мое дитя, я не могу, чтобы Вы нуждались. (Если не нуждаетесь – тем лучше!)

А вот Вам земные приметы: лица, мое и Алино, скорее очертания, чем лица.

* * *

Записи.

Чудо души и причуда губ.

* * *

Плач Ахилла над телом Патрокла.

* * *

Вы, как критик, читаете современный хлам, вещи одного дня, а Вам, как моему другу, нужно читать Библию и Трои.

* * *

Дайте мне Вас – издалека – вырастить. Мне хочется вложить Вам в руки самое лучшее и самое вечное, что есть в мире: подарить Вам всё. Когда говорят: «я даю тебе мою душу» думают только о губах, о заботах и о слезах. Это получающий знает и поэтому – принимает. Когда же я говорю, я действительно думаю о всей душе: моей – всей, т. е. мне ведомой, и всей вне-моей, той которая не может быть моей (ни Вашей!). Это получающий знает и поэтому – не принимает (не принял бы и одной моей!). Дайте мне чудо приемлющих до конца (и без конца!) рук. Будьте своими двумя ладонями и подставьте их. Соберите себя в две ладони и раскройте их. Ясно?

(NB! Так же безнадежно как принять в ладони весь ливень: несколько капель, остальное – мимо. 1932 г.)

Напор велик и плоскость мала (подчеркиваю для ударения).

* * *

Отрывки:

Так в воздухе и синем

Гиганта шаги по вершинам.

* * *

NB! Луна сквозь лохматое дерево.

* * *

О городе: видение города, город у ног, звезды сорвались с неба на землю –
вызвездило – ночью город – карта звездного неба.

* * *

Тысячью бессонных окон

Вызвездившая земля

* * *

Разве по небу ступают?!

* * *

Но не столь земля презренна

[...]

Небо ночь свела на землю:

Картою созвездий – прах

Расстиляется...

* * *

Я смотрю на свои земные дела как боги на битву троянцев с ахейцами.

* * *

(Стихи: С этой горы – как с крыши... 30-го августа 1923 г.)

* * *

Нищеты моей пригорок!

Не отдам тебя за негу –

Оттого что ночью город

Опрокинутое небо

Звездное

Оттого что город – звёзды

Для глядящего с горы

Звездной и военной картой

Город лег (златая Прага

Именем)

Небо сведено на землю

Картою созвездий – Прах

Тетрадь первая. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Расстиляется...

* * *

О благовониях (непоставленный ей вопрос Христа: откуда?).

* * *

(Два стиха Магдалина – 31-го августа)

* * *

Я тебя запеленала

В огненную пелену

(волосы)

* * *

Губы стонущие: мало!

: льну!

Я тебя запеленала

В огненную пелену

* * *

До свиданья!

То есть:

До страданья

* * *

2-го нового сентября 1923 г. переезжаю в Прагу.

* * *

прага

(переехала 2-го)

3-го сентября 1923 г. (в окне туман, Аля говорит: живем в небе.)

Бахраху отправила во вторник и в среду (экспрессом), т. е. 28-го и 29-го.

* * *

Этот отлив –

Крови от щек...

* * *

Отлило, обмерло

* * *

Самый ничтожный порой как взморье

Тихого Океана

* * *

Знаете, этот отлив атлантский

Крови от щек

* * *

Час, когда книгу достать из шкафа

Труд

Час когда лиру роняет Сафо

* * *

Станций:

Расстанься

* * *

Это письмо похоже на последнее. Завтра 5-ое, последний срок. Не напишете – Вам не нужно, значит не нужно и мне. Моих писем Вы не могли не получить, или же: повторяющаяся случайность есть судьба (русское «не-судьба!»). Я писала Вам во вторник, 28-го и в среду 29-го (экспрессом). Я писала Вам из глубины существа, была перед Вами беззащитна как перед собственной душой. Если Вы на эти слова не сумели найти слов, Вы их никогда не найдете и лучше кончить сейчас.

У меня к Вам ни гнева, ни обиды, – ни одного дурного чувства. Спасибо Вам за всё доброе, другого помнить не буду.

Не скажу Вам даже, что навсегда прощаюсь с Вами, это решит жизнь. Не отнимаю у Вас права когда-нибудь, в какой-то там час, окликнуть меня, но не даю Вам права окликать меня зря. Это уже будет делом Вашей чести (верней, чем совесть!).

Когда-нибудь пришлю Вам стихи: Ваше да вернется к Вам, ничего не присваиваю и ничего не стыжусь: это – уже очищенное, можете их всем читать.

«Бюллетень болезни» оставляю, как был, в тетрадке – видите, я правдива и не пишу, что жгу.

А Вам, дружочек – и задумываюсь: не знаю, чего пожелать?

* * *

Расставание или разминовение – не знаю. М. б. расставание – на день, м. б. разминовение – на жизнь. Я сыта ожиданием и тоской и сознанием несправедливости и праздным биением в стену, всё это не для меня, я в такие времена не живу. Мне нужно быть и расти, так я по рукам скована.

* * *

Милый друг, сейчас мы друг от друга дальше, чем были вначале – между нами живой человек [204]. Если это у Вас не считается – не будет считаться и у меня. Дороги души напрямик и свыше жизни, – но – я Вас не знаю. Между нами ничего и никого, но рядом со мной живой, чужой. Если это Вам мешает – простимся. Не скрою что ничего от меня к Вам не изменилось [205] – я м. б. столь же чудовище как чудо – но не зная Вас, или: зная Вас – не могу скрыть и достоверности. Ваше изменение, если последует, принимаю: Вы молоды и чувствуете свою боль.

Друг, если бы Вы тогда, после выяснения, рванулись ко мне, нашли бы простые слова, ничего бы не было, но – Вы велико- и равнодушно поручили меня Богу – я без иронии – т. е. большой дороге: вернули меня домой, отказались от меня. (Я слов не боюсь.)

* * *

Презренную и прекрасную бренность.

* * *

До свиданья

То есть:

До страданья

* * *

Океаний

сады.

До свиданья:

То есть

До страды

Новой...

* * *

Расставаний

Розные

Столбы...

До свиданья

То есть:

До страды!

В пламенем

игравший хворост,

До свиданья:

До ножа – еще раз

В грудь –

До свиданья:

То есть:

До суда

Дня –

Где растаптывавших сердце – судят.

– поправший всё! –

Где за сирое мое словцо

Там станций

Где за сирое мое словцо: останься...

* * *

Тише всего

Веко – к оку.

* * *

Тише всего –

Шаг судьбы

* * *

(Дно оврага – 10-го сентября 1923 г., никогда не узнаешь, что жгу [206]: варианты:)

Тетрадь первая. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Недоверчивым внукам своим поведай:

– Просто – с ангелом лечь!

Прав, что слепо берешь. От такой победы

Руки могут – от плеч!

* * *

О, не вглядывайся! Под луной бродячей

С кем – и мало ли спал?

Прав, что слепо берешь. От такой удачи –

Слезы могут – из скал!

* * *

листвой |

Под луной | падучей – во мне, бродячей –

Кто судьбы не искал?

* * *

О, не вглядывайся! Под листвой падучей –

С кем и мало ли спим?

, сухие сучья...

С летом кончено сим.

* * *

Проходные руки, стихи на случай –

С часом кончено сим

* * *

Ночь. Листвы падучей

Дождь. Сухие сучья

Рощ. Из синей тучи

Столп: стальная кось

* * *

Ночь. Листвы падучей

Дождь. Сухие сучья

Рощ. Меж лбом и тучей –

Мост: стальная кось.

* * *

... и руки –

Врозь.

* * *

(Запись невероятно-сокращенная и мелкая, догадываюсь с трудом:)

Если Вы внимательно вчитаетесь в первое после разминовения, очень внимательно, сверх, Вы поймете что в жизни моей не всё как месяц назад. Разбег был взят слишком большой, я уже неслась по пути живого (допелась!) если это был бы столб

Тетрадь первая. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
я бы разбилась. Не хочу договаривать словами, хочу чтобы Вы поняли так, и так поняли (правильно). Я могла бы вас вовсе не мутить, но – здесь всё начистоту, иначе вся встреча не будет стоить ни копейки. (NB! в конце фразы сомневаюсь, прочесть невозможно, восстанавливаю изнутри и более подходящего (и по виду) не нахожу.) Человек со мной рядом. Ваше дело поставить его – между нами. Счастлива ли я с ним? Да. Пос. ум. (?) сверху: Поскольку умею (?) Не скрою, напиши Вы мне это, я бы сказала: как я – (?) Посему, если будет – не пишите. Ничего не знаю о будущем, – м. б. и мост! (т .е. с моста, 1932 г.) Мне нужны руки люб. др. (любого другого?), хотя бы, чтобы в последнюю минуту – столкнул. Этот человек – хороший повод для смерти, всё налицо. Чары чуждости.

* * *

Запись – другому [207]:

Вечные севастопольского утра: молодость, свежесть, соль, отъезд. Так складывались у меня чувства к человеку. – Господи, научи глядеть вглубь! – А сейчас вспоминаю как и я всегда сердечно удерживала Вас.

(NB! Севастополь: его рассказ. Чувства – м. б. о моих к нему в связи с его рассказом. (NB! Я и по сей день способна любить человека «за Севастополь».) Господи, научи – его, конечно (меня, пожалуй – разучи!). Последняя фраза, очевидно, обо мне: как я его, и не любя, сердечно удерживала (NB! любила бы – не удерживала бы!). И уже явно к нему:)

Ваше прошлое, которого я не знаю, для меня – клад. Вы пришли ко мне богатым – хотя бы страданиями, которые вызывали! униженный, как жемчугами – слезами оставленных. Пусть всё это не так было, я иначе – не увижу!

* * *

Дно Оврага: варианты:

С койки затхлой

Ночь по каплям

Пить – другую пощи!

Тьма – без пятен,

Дождь – бесплатен,

Смерть беспошлинна в ночи.

* * *

Я вечность знала в чаду часов,

В распутице чувств и стрелок.

: песок

В песочнице – слишком мелок!

* * *

Когда ж поедем?

* * *

В Бессмертье что час – то поезд!

* * *

К тому же:

Для меня одиночество – временами – единственная возможность познать другого, прямая необходимость. Помните, что я Вам говорила: окунать внутрь и так глядеть.

Тетрадь первая. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Так Вас сейчас окунаю. И гляжу. И вижу. Моя задача (о, у Вас тоже есть своя!)
доказать Вам нищету мира вещественного: наглядных доказательств. Знаете, иногда
я думаю: ведь я о Вас почти дословно могу сказать то, что говорила о Казанове: –
«Блестящий ум, воображение, горячая жизнь сердца – и полное отсутствие души».
(Раз душа не непрерывное присутствие, она – отсутствие.) Душа это не страсть,
это непрерывность боли.

* * *

(Так Поликсена, узрев Ахейца [208] – 12 bis сентября [209] 1923 г.)

* * *

Женщины Трои:

Елена – пустое место красоты

Кассандра – видящая

Поликсена – страсть к врагу

Андромаха – вдова Гектора, мать

Пенфезилея – любовь-ненависть

Ифигения – смерть за Грецию

Энона – жена Париса, ненависть до гроба

– и все, кроме первой и последней – я.

* * *

Вотще ожидают на том краю

Подруги, в лепете трав забвенных...

Вверяюсь, теряюсь – и вновь пою

Презренную – и прекрасную бренность!

* * *

Подруги! Милые! Раньше тьмы

Ушедшие!

за те холмы

Зашедшие – раньше солнца!

* * *

Пограничный холм.

* * *

Граница – или страница?

* * *

И вот, опустив ресницы,

Гадаю: бешеных дней моих

Граница – или страница?

Тетрадь первая. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

* * *

Не в первый раз – не в последний раз?

* * *

Аллеи последняя алость.

* * *

(Как та чахоточная что в ночь [210] – 15-го сентября 1923 г.)

* * *

Стою, гадаю: канун? конец?

* * *

Нищий и вечный жест

* * *

Не крепость: брать не надо штурмом!

БЮЛЛЕТЕНЬ БОЛЕЗНИ

(с трудом обнаруженный в тощей синей тетрабочке в несколько листков – так легко могшей пропасть!)

* * *

Пока я буду говорить – о Ваших стихах или о Вас самом: – «Нет, не так, так не надо» – всё хорошо: под всеми этими нет – одно сплошное да. Когда же начнется: «Да, да, правильно, очень-хорошо, совершенно-верно» – всё поздно, ибо под всеми этими да – одно сплошное-безнадежное! – НЕТ.

* * *

(В первом – сосредоточенное внимание, страстная жажда правды – своей и чужой – исхищенное и напряженное проникновение в другого – проникновение слухом – неустанная проверка высокой меры – ничего не спустить как поэме! вся надежда, вся вера, вся ставка на подлинник, вся непомерность требования от другого как от себя.

Во втором: снисхождение, высокомерие, усталость, равнодушие, двое-душие, без-душие.

В первом: tout à gagner [211].

Во втором: rien à perdre [212].

– по-русски: всё равно провалилось! –)

* * *

Присылайте мне все вырезки Ваших статей, – я газет не читаю: одним видом брезгую! – Вас я читаю и чту. Вы для меня не газета, а книга, – почти что белая (м. б. очень черная: горе: NB! мое от Вас – в будущем). Мне это важно как встреча с Вами вне Вас и меня, как Вы – и мир. Много ли Вы в газетах лжете? (Иного они и не заслуживают.) Прочувствую Вас и сквозь ложь.

* * *

Стихи сбываются. Поэтому их не все пишу.

* * *

Перечтите, если не лень, в Ремесле «Сугробы».

...и не оглянется

Жизнь крутобровая!

Здесь нет свиданьца,

Писано было в полном разгаре дружбы, на прямой дороге схождения, по которой шли (шлось) гигантскими шагами – целыми телеграфными столбами, положенными вдоль! – ..а ведь вышло, сбылось. В час разминовения я бы иначе не написала.

Я знаю это помимовольное наколдовыванье – почти всегда бед! Но, слава Богу, – себе! Я не себя боюсь, я своих стихов боюсь.

* * *

Книги и люди ничего не открыли мне кроме моей безмерной возможности любить: Готовности служить.

* * *

Так, начав с: «Я привыкла к Вашим письмам», я пожалуй кончу это письмо (когда??) – «Я отвыкла без Ваших писем».

* * *

Как странно, что пространство (т. е. вся свобода между двумя) – стена, в которую ломишься.

* * *

2-го

Когда люди, сталкиваясь со мной на час, ужасаются тем размером чувств, которые во мне вызывают, они делают тройную ошибку: не они – не во мне – не размеры. Просто: безмерность, встающая на пути. И они может быть правы в одном только: в чувстве ужаса.

* * *

4-го

Я вольна была бы скрыть от Вас эту скуку – раз письмо есть и она прошла (NB! не послать Вам письма!). Но – не хочу. Сумейте вместить. – Или Вы из тех, кто «привыкает», «избаловывается»?.. (Хорошую собаку – не забалуешь.)

* * *

Просьба: не относитесь ко мне как к человеку. Как к дереву, которое шумит Вам навстречу. Клянусь, что это не фраза – и правда более полная, чем Вы думаете, ибо дерево шумит Вам навстречу только если Вы это так чувствуете, а так: – просто шумит, только Вам, если Вам так нужно, если никому не нужно – никому. Вы просто попадаете под шум (как под дождь, как под Рок) – Ваше дело присвоить – или отдать далям (отослать – дальше!) или вовсе не услышать.

Итак: как к дереву которое шумит Вам навстречу. Вы же дерево не будете упрекать в «избытке чувств». Вы только услышите как «уста глаголют». Если Вы меня заставите быть с Вами человеком, т. е. считать, я замучусь – и замкнусь, п. ч. считать я не умею.

* * *

Ваше молчание – что? Занятость? небрежность? расчет? «Привычка» или преувеличенно-исполненная просьба («пишите только когда и если до зарезу нужно и только то что невозможно – никому другому»). До злости – исполненная! Теряюсь. Через несколько дней (10, примерно) привыкнув и отказавшись – успокоюсь. Но пока мне эти дни тяжелы.

* * *

Чувствуете ли Вы то, что я. В письме узнаю. Если нет – Schwamm drüber [214], как мне, 1блетней, дрезденская гадалка сказала о моей первой любви.

* * *

Мокропсы, 30-го июля 1923 г. (NB! письмо в Бюллетене долженствовавшее стоять первым, но эти записи рассеяны и не разобралась в числах)

Дружочек!

Как это глупо вышло – с оказией! У меня не было ни минуты сроку, если бы раньше знала, я бы переслала Вам что-нб. свое, живое, «земную приметку», фраза не окончена

Мне очень хочется подарить Вам одну вещь, но она навек, и я не знаю как Вы относитесь к таким (страшным) подаркам.

Мой друг, скучаю без Вас. Скука во мне – не сознание отсутствия, а усиленное присутствие, так что, если быть честным (точным!): не без Вас, а от (!) Вас.

В каком-то из Ваших писем Вы, на не-совсем еще умелом и мне уже очень милым языке своим пишете: «Мне не хватало теплоты». [215] Прочтя, задумалась, п. ч. во мне ее нет (так что, если Вам именно ее не хватает – со мной больше чем с кем бы то ни было и – вечно будет не хватать!). И тут же, мысленно перечеркнув, заменила: нежность. И тоже задумалась, п. ч. она во мне есть.

Дитя, никогда не берите (а м. б. – не ждите!) – никогда не применяйте ко мне того, что заведомо не может жечь: ведь даже лед жжет! И бесстрашие жжет. Всякий абсолюте жжет. А вот теплота – нет, п. ч. она тогда уже жар, т. е. ее уже нет. (Степень (ступень) ведущая к собственному уничтожению.) Обратное жару не холод, а теплота.

А нежность – от ледяной до смоляной! И всё-таки – нежность.

Так вот, об этой нежности моей, сосущей и растущей, так неожиданно вставшей и так певуче во мне жалующейся. Я очень счастлива. Это совсем как смычок.

* * *

Теперь, начистоту: есть ли у Вас мир, кроме моего: Души? – Значат ли что-нибудь в Вашей жизни: дела, деньги, друзья, идеи, войны, новости, открытия, смена правительств, спорт, моды, – всё чем заполнен день (– проще бы «дни»). Вне их отражения в мире Души, конечно (которое есть преображение!), ибо тогда: и вода – не вода и земля – не земля. Существует ли для Вас всё это как таковое?

«Деловая жизнь», «мужская жизнь», «общественная жизнь», и, приостановившись – семейная жизнь. (Единственная без кавычек.) Развлечения? Зрелища? Хождение в гости? Споры на тему? Литературные течения? Футбол? Техника? Вопросы дошкольного образования? Конгрессы? Судьбы Европы? Лекции Бердяева?

Друг, если Вы ко всему этому равнодушны, Вы пусты как я. Вы пусты, как Музыка. Вы без событий. Вы без стен. Вы – вне, Вы – пропуск одного слова. Вам легко будет умирать.

Но жить – Вам будет трудно!

Мне всё скучно. Заранее и заведомо. Когда я с людьми, я несчастна: пуста, т. е. полна ими. Я – выпита. Я не хочу новостей, я не хочу гостей, я не хочу вестей. У меня голова болит от получасовой «беседы». (Клянусь, что аспирин.) Я становлюсь жалкой и лицемерной, говорю как заведенная и слушаю как мертвец. Я зеленею. Чувство, что люди крадут мое время, высасывают мой мозг (который я в такие минуты ощущаю как шкаф с драгоценностями!) наводняют мою блаженную небесную пустоту (ибо небо – тоже сосуд, т. е. безмерное место для) – всеми отбросами дней, дел, дрызг. Я переполняюсь людьми!

Пишу Вам по горячему следу вчерашнего посещения из Праги: 5 ч. подряд, 4 человека, да нас трое, итого семь. И самым жалким среди этих семи, бесспорно, была я.

* * *

Друг, если Вы не таковы, Вам будет трудно со мной. Если таковы – мне будет трудно с Вами. (Лучше и дважды лучше – так.)

* * *

У меня трудно рифмуется только с чудно.

* * *

Будьте правдивы, не считайтесь с тем, что я от того или иного ответа буду любить Вас больше – или меньше. Что Вам из того, что я буду любить Вас – не знаю как! – если это не Вы?!

* * *

Недавно напала случайно на Ваш отзыв в Днях о Степуне [216]. Хотите мой взгляд? Трагедия Степуна в невытравимости благополучия, фраза не окончена. Там у него жены и любви тонут, пропадают, – а он считает – и размещает: Марину – в такой-то разряд, Елену – в такой-то (точно: по такому-то разряду) без всякого страха, в полном уюте, – как коллекцию жуков – на память. (Умерли-то они, я-то – живу!) И даже жути нет: не: до жути доведенное благополучие, не герой Гофмана – читатель Гофмана, в шерстяных носках, с очками на носу и кисточкой над носом читающий ужасы собственной жизни, понятые только Гофманом.

Никогда не забуду. Кажется 1920 г. Москва. Лето. Скамейка Тверского бульвара. Я на скамейке. Возле, в песке – т. е. в пыли – Аля. Кто-то с тростью или с зонтиком, вразвалку, мягкая шляпа: Степун. Присаживается. Только что приехал из деревни – по театральным делам (ТЕО – звалось) и скоро опять едет. Живет? Великолепно. Мало есть – отлично, а то вместо лица – что-то свиное. И т. д.

– А что Вы там делаете – в своей деревне?

– Я пишу, а они – паашут...

Они – мать и жена, друг друга ненавидящие и соревнующиеся в любви к нему. – Вот.

* * *

С страстным увлечением и со всеми подробностями рассказывает мне свой роман (тот который пишет, пока те паашут) – теперешний Николай Переслегин. – «Природу и обстановку я нарочно даю пошлыми: скамейки, клумбы с астрами, пруд...» – «Природу – пошлой?.. И: не peut pas qui veut [217]: как это Вам удается: природу – пошлой? И это где-нибудь у Вас оговорено? А то еще подумают...»

– Ничего не подумают (самодовольно). Даже не заметят.

– Я тоже думаю.

* * *

Ваша отповедь ему [218], с цитатами из моего врага Ходасевича наверное? (Брента) [219] мне близка только как отповедь-вообще пропуск двух-трех слов. «Проза», что думает Ходасевич, и что думаете Вы и что думает Степун, когда вы все это пишете. Девушка выходит замуж за старика – «проза»? Противоестественность, чудовищность, тайна такая, что куда там Тристанам и Изольдам! Куры под столом и самовар на столе, все герои Чехова – «проза»? Какая проза, когда от этого слезы пропуск одного слова от умиления (NB! не у меня) или волосы дыбом становятся от ужаса: живые, раз живут, есть Этна и Эмпедокл, а они хотят в «Москву». (NB! только слухом (зато с самого раннего детства) слыхала, никогда, по сей 1932 г. августа 31-ое не читала ни Дяди Вани, ни Трех сестер, ни Чайки (которую по детским

Тетрадь первая. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
запечатлениям всегда путаю с Дикой уткой [220], – мне даже тогда казалось, что в театре всегда играют про птиц) – и нечаянно не читала, просто: не пришлось, – в полном собрании сочинений, которое в доме было, нужно думать – всегда пропускала – от заведомости чуждости, в которой не ошиблась: не читав знаю как если бы: не сама писала, а – жила: ведь вся моя жизнь, внешне 1922 г. – 1932 г. жизнь трех сестер, только не трех, а одной, без двух других, без эхо, без всего что у тех, счастливых, было и главное с достоверной невозможностью Москвы, достоверно без Москвы – и не только Москвы достоверной, но всех Москв! Жизнь трехсестринской кухарки, т. е. еще бедней и серей: без кума пожарного, а главное без достоверной трехрублевки – пусть даже рублевки – на рынок. Вот.)

Да ведь это же – куры и самовар, пар самовара и пар московского поезда – ТРАГЕДИЯ (не самовар и куры, а они сами, которые в этом видят трагедию. Вспомните трех сестер Бронте [221], которые так же жили.). Проза, это то, что примелькалось. Мне ничто не примелькалось: Этна – п. ч. сродни, куры – п. ч. ненавижу, даже кастрюльки не примелькались, п. ч. их: либо ненавижу, либо: не вижу, я никогда не поверю в «прозу», ее нет, я ее ни разу в жизни не встречала, ни кончика хвоста ее. Когда подо всем, за всем и надо всем: боги, беды, духи, судьбы, крылья, хвосты – какая тут может быть «проза». Когда всё на вертящемся шаре?! Внутри которого – ОГОНЬ.

* * *

Степун – бургер с порываниями в Трагедию (das Tragische [222]). Байрон в Трагедию не рвется, он в ней живет, вне ее – не живет. Она за ним по пятам гонится и загоняет его в Албанию.

* * *

Дитя, я глубоко-необразована, за всю жизнь не прочла ни единой философской строки, но я знаю душу, я каждый день вижу небо и каждую ночь вижу сны. Вы – критик и Вам необходимо писать о книге, и нельзя со всеми ссориться, всё учитываю, только всегда хочу и, пока с Вами, всегда буду хотеть знать: Вы ли это, или «pour la galerie» [223].

* * *

Думаю о Вас и боюсь, что в жизни я Вам буду вредна: мое дело – срывать все маски и все брони: иногда при этом задеваю кожу, а иногда и мясо. Людей Вы через меня любить не научитесь, – всё кроме людей. Но живут «с людьми»...

* * *

1-го

Я давно не слышала Вашего голоса и мне уже немножко пусто без Вас. Молчание мне враждебно, я молчу только когда это нужно другому. (NB! Не примите дословно!) Голос – между нами – единственная достоверность. Когда я долго Вас не слышу, Вы перестаете быть.

* * *

Мне некому о Вас сказать. Аля, с двух лет до девяти бывшая моим «в горах – отзывом», сейчас, десяти лет, играет в кукол и глубоко-равнодушна ко мне. Вы моя тайна, сначала радостная, потом болевая. О, Бог действительно хочет сделать меня большим поэтом, иначе он бы так не отнимал у меня всё!

* * *

Наблюдаю боль (в который раз). Те же физические законы болезни: дни до, начало, постепенность, кризис. До смерти у меня никогда не доходило. Боль для меня сейчас уже колея, горечь уже – вода, узнаю, узнаю, узнаю. NB! Это не значит, что горечь – сладка, это вода – горька!

О, мои юные учителя, не ставшие моими учениками! О, мои юные ученики, ставшие моими учителями! – Спасибо. –

* * *

Я поняла: Вы не мой родной сын, а приемш, о котором иногда тоскуешь: почему не мой?

Тетрадь первая. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

* * *

Русский народ царственен: это постоянное: мы, наше. (Написала и поняла: как хорошо перекликнулось с Моисеем! Как неслучайно царская дочь над корзиной!)

* * *

(Мы, наше можно также понять как ничье, безымянно-божье. Вне гордыни сверху: сиротства: я. Но тогда и царское: Мы, Наше – ничье, безымянно-божье, вне уродства: гордыни: я. Мужик как царь: один за всех. 1932 г.)

* * *

И еще: мужика «мы, наше» делает царственным, царя – народом. – И обоих – божьим.

* * *

Ломит голову. Ломаю голову.

Болезнь? Любовь? Обида? Сознание вины? Страх? Разочарование?

Оставляю болезнь: любовь, но чем любовь к кому-нб. может помешать Вашей ко мне дружбе? Обида – да, поводов много: просьба не писать (детское самолюбие), отзыв о Ходасевиче (дружеское самолюбие), отзыв о его жене (рыцарство?), упрек в эстетстве (человеческое достоинство). Сознание вины (т. е. содеянное предательство)? – но разве у меня есть виноватые? Разочарование: слишком сразу отозвалась: друг, я не обещала вам быть глухой! Страх – вовлечься. Я не вовлекаю и не завлекаю, я извлекаю: из жизни. Потом: из меня сверху: себя – в Жизнь.

* * *

И последнее: просто-небрежность. Не верю в такую простоту. Небрежность – следствие.

* * *

Мне уже не так больно (7-ое, десятый день), еще десять дней – и пройдет, перегорит, переболит. У меня уже любопытство, горечь, враждебность скорее себе, чем Вам, но во всяком случае фраза не окончена

Горечь – это скорее холод чем жар. Вроде ожога льда.

* * *

8-го на горе

Мой (перечеркнуто). Нет, мне еще очень больно. Но я безмерно-терпелива. Сегодня утром – письмо, смотрю – не Ваш почерк, всё равно чей, раз не Ваш.

Завтра – две недели как я получила Ваше последнее письмо. Что я теряю в Вас? Да временное русло своей души, общий знаменатель дел и дней. Упор. Прицел. – Вы были моим руслом, моей формой. – Опять разливаться!

* * *

Дальше вырван листок, так что Бюллетень болезни действительно обрывается. На последующем последнем листке – книжка была очевидно для подсчета белья –

* * *

4 простыни – 4

наволочка – 1

мужских рубашек – 2 и 5 (одна верхняя)

воротничков –

Тетрадь первая. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
носовых платков – 7

полотенец – 1

Дамских рубашек – 3

Дамских штанов – [224]

Фартуков – 2

лифчиков – 3

ночных рубашек – 1

Мужских? штанов – 1

* * *

В пояснение самой себе, а отчасти и себя – тогда и впредь:

* * *

Ceux qui vivent dans la retraite, dont les existences se déroulent dans la réclusion des écoles ou de tout autre lieu clos par des murs et gardé, sont exposés à être bientôt et pour longtemps négligés dans la mémoire de leurs amis, habitants d'un monde plus libre (clos non seulement par des murs, я, 1932 г.). Inexplicablement, peut-être, et juste à la suite d'une période de relations d'une rare fréquence, d'une succession de petits événements dont la suite naturelle semblerait plutôt encourager que suspendre la communication, survient un arrêt soudain, un silence muet, un long espace d'oubli. Cet espace là est toujours ininterrompu; il est aussi entier et inexplicable. La lettre ou le message jadis fréquents sont suspendus, la visite, autrefois périodique, cesse; le livre, le journal, ou tout autre signe qui témoignait de souvenir, ne reviennent plus.

Il y a toujours d'excellentes raisons pour justifier ces intervalles, mais l'ermite ne peut les connaître. Bien qu'il soit inactif dans sa cellule, au dehors ses amis tournoient dans le tourbillon de la vie. Cet intervalle vide qui passe pour lui si lentement au point que les pendules mêmes paraissent arrêtées et que les heures sans ailes marchent péniblement à la manière des vagabonds fatigués et prêts à s'arrêter près des bornes, ce même intervalle, sans doute, se trouve fécond en événements et haletant de précipitation pour ces amis.

L'ermite – s'il s'agit d'un ermite raisonnable – avalera ses propres pensées et enfermera ses propres émotions durant ces semaines d'hiver intérieur. Il saura que le Destin avait l'intention qu'il imitât le loir en cette occasion; alors il se soumettra, se mettra lui-même en boule, se glissera dans un trou de la vie et se résignera doucement à se laisser emprisonner par le mouceau qu'y transportera le vent et qui, bientôt, le bloquera et le gardera dans la glace pour la saison nouvelle.

Qu'il dise: «C'est très bien; cela doit être ainsi puisque c'est ainsi». Et peut-être qu'un jour son sépulcre neigeux s'ouvrira, que la douceur du printemps reparaitra, que le soleil et le vent du sud l'atteindront les haies en bourgeons, les chants des oiseaux et des rivières libérées l'inciteront à une résurrection chaleureuse.

Peut-être sera-ce le cas; peut-être en ira-t-il autrement; il se peut que la gelée pénètre dans son cœur et ne fonde plus; il se peut qu'au retour du

Тетрадь первая. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
printemps un corbeau ou une pie becquètent du mur ses os de loir.

Eh bien, même dans ce cas, tout sera bien; on suppose que dès son commencement il se savait mortel et qu'il devrait un jour suivre le chemin destiné à toute chair: «Aussi bien tôt que tard».

* * *

L'espace blanc est toujours un point nuageux pour le solitaire.

...Vers la dernière de ces sept et longues semaines j'admis ce que pendant les six autres j'avais jalousement exclu, la conviction que ces blancs étaient inévitables: le résultat des circonstances, le décret du Destin, une part du sort de ma vie et surtout un sujet sur l'origine duquel aucune question ne devait jamais être posée et sur la conséquence douloureuse duquel aucune plainte ne devait jamais être proférée.

...J'essayai divers expédients pour soutenir et remplir mon existence: je commençai un grand ouvrage de dentelle, j'étudiai l'allemand avec quelque assiduité, j'entrepris un cours régulier de lectures dans les volumes les plus austères et les plus gros de la bibliothèque; en tous mes efforts j'étais aussi orthodoxe que je savais être. Y avait-il erreur, pourtant, sur quelque point? Fort probablement.

Mais l'heure du supplice était celle du courrier

Так писем не ждут:

Так ждут – письма. [225]

Mais l'heure du supplice était celle du courrier; par malheur je ne la connaissais que trop bien et j'essayais aussi vainement qu'assidûment de me cacher cette connaissance, redoutant la torture de l'attente et l'aballement écoeuré du désappointement qui, quotidiennement, précédait et suivait le coup de sonnette bien connu.

Je suppose que les animaux en cage et nourris chichement au point de rester toujours affamés, attendent leur nourriture comme j'attendais une lettre. Oh – pour dire la vérité et abandonner ce ton faussement calme qui, si on le soutient longtemps, use l'endurance de la nature – je subis durant ces sept semaines des craintes et des douleurs cruelles, d'étranges épreuves intérieures, de misérables défaillances de l'espérance, d'intolérables envahissements du désespoir. Ce dernier La lettre – la lettre bien-aimée – ne voulait ras venir; et elle était toute la douceur que j'avais à attendre dans la vie.

* * *

Charlotte Brontë – 1853

МЦ – 1932 [226]

* * *

– Не знаю, обнаружится ли в дебрях моих записей еще одно мое письмо, последнее, знаю, что в дебрях сундуков существует на него ответ: целый обвинительный акт: за ужасное (у меня – намеренное, чтобы сразу разорвать) слово: связь, за разбитое его доверие, преданность, приверженность. (Было ли всё это – ничего не знаю и никогда не узнаю.) На последнее письмо, уже дико мучась от другого: другим, не ответила.

1926 г. – весна, помнится. (2-го ноября 1925 г. приехала в Париж.) Мы на Villette, у Черновых [227]. Новые люди, успех первого вечера, воженья вдоль

Тетрадь первая. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
виллетского канала увесистого чудного Мура, и пр. и пр., сердце – отчасти, время – целиком замещено. И – письмо от А. Бахраха. Просит повидаться. Назначаю. Нееврейски-высокий, но типично-еврейский молодой человек, долговязый, с большими глазами (или очками?) с большими ушами, с большими губами. У Черновых его знают, по крайней мере с виду: как усердного танцора на эмигрантских балах и неудачного претендента на руку дочки Цейтлиных [228] (меценатов) – красотишки – предпочедшей ему какого-то профессора. Отношение (черновское) юмористическое. Подготовленная, нацеливаюсь.

Сидим в кухне – все Черновы, т. е. с нами человек двенадцать – и едим кровавую колбасу (будэн, изделие местных бойнь, какой-то особенный сорт: с кашей).

– А это, что Вы едите, кровавая колбаса. Она очень полезная: сгущенная кровь. В этом кусочке, напр., – правда интересно! – целая бочка крови, конечно не бочка, но вроде. Между прочим, ее покупают на метры – здесь два – но она когда жарить сильно садится, так что нужно покупать три. Здесь как раз бойни, очень удобно.

А. Б. – Гм...

И т. д. – повышенно-деловито и участливо, точно в ответ на его подробные расспросы, точно весь он, А. Б., от этого будэна зависит (так человеку хором объясняют как лучше проше быстрее пройти туда-то, где он в 3 ч., скажем, непременно должен быть).

Словом, с колбасы не съехали.

Говорили впрочем кажется еще о Борисе Зайцеве.

* * *

(Сейчас – и только сейчас – вижу, что шутка вышла не совсем уместная: из-за еврейства – и крови, которых тогда не связала и которых, убеждена – ибо знал меня – не связал он. Могли связать – другие, но плохих других – не было. Невинно веселились (все, кроме него). Сейчас чуть-чуть жалко вспоминать: кажется единственный раз в жизни была со всеми – против одного (как год или около? спустя – единственный раз – со всеми – за одного: Линдберга: toutes proportions gardées! [229]). Но цель моя была – только мистификация: оказаться после такого, после того лирического потока – дурой, занятой только кровавой колбасой. Словом, если не щадила его, не щадила и себя, ибо никакого разъяснения не последовало. М. б., взволнованный встречей, ничего и не заметил, кроме: много народу, разговоры не о том... [230])

* * *

Ѓода – не знаю, знаю весна, положим – 1927-ая [231]. Пишу, очевидно после перерытия дебрей, т. е. напав на какое-нб. его, А. Б., письмо (трогательное), т. е. его – того, себя – ту, всё – то – узнав! – что очень хочу повидаться по-человечески, не на людях, не за едой (NB! колбасой) и предлагаю встретиться на Champ de Mars – таким-то поездом (день, число, час). Если не может – пусть предупредит.

Число, день, час, поезд. Champ de Mars. Иду вдоль перрона, поднимаюсь по лестнице, вхожу в здание вокзала – никого. Жду возле вокзала 10 мин., спускаюсь по лестнице, сажусь в обратный поезд.

Дома пишу: На вокзале была, но никого не было. Если шутка – неудачная, месть – недостаточная, т. е. недостаточно крупная, т. е. просто мелкая: никакого мелкого самолюбия у меня нет, а крупного не бывает. «J'ai failli attendre» [232], – да я всю жизнь – жду (тем хуже для тех, кто не приходят!) внутри себя жду и внутри дома, на улице – никогда, а если да – то не дольше десяти минут и не больше пяти раз за жизнь – но всё это – частности. Недоразумение? т.е. очередное разминовение? Но повторяющаяся случайность есть – судьба, здесь: не-судьба.

Ответ: никакого письма не получал. Ждал.

Я, в ответ: – Роковое, ибо адрес был тот и я сама опускала. Что ж, попытаемся еще раз, но пусть теперь назначает – он, м. б. у него более легкая рука.

Ответа – никакого. Дивлюсь и перестаю думать.

Через день – письмо: – Стоял, ждал, прождал три поезда, Вас не было.

Я, в ответ: – Стоял и ждал в Neuilly (или еще как-то), а я сидела и ждала (письма) в Мёдоне – которого так и не дождалась.

В ответ в закрытом конверте: телеграмма его мне: жду Вас там-то, такого-то, таким-то поездом. Не сможете – предупредите – телеграмма возвращенная ему с надписью: Destinataire inconnu [233].

В Мёдоне я, тогда, жила два года, ни разу не переезжала, и знали нас, из-за огромной переписки, больше чем кого бы то ни было. Смотрю: 2, Avenue Jeanne d'Arc Meudon M-me Zvétaieff-Efron – совершенно верно и точно.

– ? –

* * *

Больше не писали и не пытались. Очевидно – устали оба. (NB! Назвать весь этот случай всерьез судьбою мне мешает не крупность человека. С Б. П. это была бы – судьба, и не дай Бог!) Тоже очевидно, что не так уж было нужно: что совсем не было нужно – раз обошлись.

* * *

Совсем-конец

Или

Послесловие

* * *

Еще через год – посылка, книжная. Открываю: все мои книги: Царь-Девушка, Ремесло, Молодец, и еще и еще... Почерк на бандероли – его. В углу отправитель. Понимаю (зачем шлет) и делая вид, что принимаю за подарок, раздариваю тут же (необходимо было, а купить было не на что) всем Черновым: Оле – Стихи к Блоку, Наташе – Царь-Девушку и т. д. и т. д.

Денег – возместить – не было никогда. Тем и кончилось. [234]

* * *

Так или иначе, тогда, летом 1923 г. я этого человека – любила. Этого ли человека – любила?

(1932 г.)

* * *

А – он??? (всякий он, пропуск одного слова кто не я – для меня вопросительный знак. Отвечали мне, т. е. понимала я – только: Dingé [235]. И поэтов. И женщин. (То есть опять – себя.))

* * *

конец флорентийских ночей

Ночь с 1925 г. на 1926 г. Я только что приехала в Париж. Бал Писателей. (NB! Кадриль Литературы. [236]) Залы, отдельные комнаты, в одной из них, с притушенным (придушенным) светом – № новогодней программы – гадают. Со мной еще двое-трое. Входит, влетает группа костюмированных, один отделяется, подходит, кланяется. В белом бурнусе и чалме. – «Узнаете?» – Нет. – Ну, взгляните, неужели костюм так изменяет? – Вглядываюсь. – Неужели Вы серьезно не узнаете?

Молодое миловидное лицо, темный.

Робко: – Теперь мне действительно как будто кажется, что я Вас где-то когда-то... Как будто – голос...

Вглядевшись еще: – «Нет, я Вас определенно вижу в первый раз».

Вокруг – не то одобрительный, не то удивленный – смех, возгласы, и на фоне общего шума:

– Такой-то.

– Вы?! Господи! Ради Бога, простите, но я так близорука, и так плохо помню лица, и мы с вами так давно не виделись, и Вы тогда были с усами...

– Я – с усами? Но я никогда в жизни не носил усов!!

– Быть не может. Я отлично помню: с черными усиками, щеточкой.

– Но уверяю Вас, что я никогда в жизни...

Тут вступаются окружающие: – М. И., Вы перепутали, Вы его с кем-то другим спутали, он действительно никогда не

– Странно. Я отлично помню. Вот такие маленькие, щеточкой.

Геликон, с отчаянием: – Большие или маленькие, щеточкой или как у Вильгельма – я никогда не носил усов!

– Ну, я Вам верю. Только странно: отлично помню: маленькие черные усики. Или – стойте, стойте! – или это было пэнснэ? Вообще что-то было – чего нет – да, наверное пэнснэ, а те усики щеточкой – это были брови... Должно быть так... Но – как странно.

– Действительно – странно.

Оскорбленный – отходит.

* * *

Руку на сердце положила: узнала или не узнала? Действительно ли, до такой окончательной степени, не узнала? Думаю: в первую секунду – да (т. е. не), во вторую – забрезжило, в третью – знала (узнала! по голосу, конечно), но

Тетрадь первая. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
воспользовавшись неподдельностью ибо действительностью своего первого возгласа,
уже взятым разгоном (голосовым и внутренним) неузнавания – продолжала не
узнавать всё дальше и до конца.

Никогда не окликнул. Изредка – раз в три года – слышу о нем – всё то же:
издательство прогорело, занят какими-то делами.

* * *

Ну, а – усы? В усы – честно – верила, мало: их – видела, как только себя назвал
– увидела, и увидела, что – отсутствуют. И щеточками бровей – вовсе не
отшутилась. Что-то над чем-то, а усы ли над губами или брови над стеклами – это
уже частность, это – ему знать, а не мне. Хватит с него вверху: с меня и –
щеточки!

* * *

X, Y, Z – дело не в именах – если бы все прошедшие через эту тетрадь, т. е. мою
жизнь – неважно с какого по какой год – ибо так было, есть и будет, и тетрадь по
существу – одна, если бы любой из них или: хотя бы один из этих всех меня вдруг,
неожиданно, как во сне бывает, окликнул, назвал за руку через стол:

– Марина!

Если бы кто-нибудь из этих всех отважился назвать меня по имени – как во сне и
тогда – взглянуть – как во сне и тогда – взять за руку – как во сне и тогда, я
бы каждого – сразу (даже никогда не виданного и не любимого!) не только узнала,
– всё бы забыла – кроме него. (О, как рванулась бы через стол – и все годы!)

Вдоль правого поля: Уже слышу свое «дружочек!».

Мое наглухо-забвение и начисто неузнавание ведь только в ответ (я ведь никогда
не знаю, было ли) – в отместку себе, а не им, и если оно цельнее и полнее
ихнего, то только потому что я сама (пропуск одного слова моя любовь тогда)
полнее и сильнее их – любви и самих.

Чтобы мне, ничего не знавшей кроме, так не узнать – нужно было именно (когда-то,
хотя бы вчера) ничего не знать кроме. Знакомых я помню (приблизительно). Друзей
– точно и прочно.

Но – С. М. без меня обошелся, Эренбург без меня обошелся, Геликон без меня
обошелся, тот А. Б. без меня обошелся, как обошелся тот кого в этой тетради пока
что только провожала – только что проводила! под луной, как обойдется тот, кого
еще и тени нет в тетради (скоро ляжет через лист) как обошелся же Б. П.,
разойдясь с женой и женившись не на мне: на НЕ-МНЕ: полюбив – другую.

Как один не обошелся: Рильке – скажете, п. ч. умер? – как не обошелся бы Рильке,
без всех, но не без всего обходившийся. Я же, чисто, просто, без пропуск
двух-трех слов. (All.) Оттого и allein. Das All ist allein. [237] (п. ч. всё в
нем, а не вне.) Пропуск одного слова не через пропуск одного слова, а через
включение.

ЗАПОЗДАЛЫЕ ЗАПИСИ ВЕСНЫ 1923 г.
(пастернаковской)

АПРЕЛЬ

Когда я уезжаю из города, мне кажется, что он кончается, перестает быть. Так о
Фрейбурге, напр., где я была девочкой. Кто-то рассказывает: «В 1912 г. когда я,
проездом через Фрейбург...» Первая мысль: – Неужели?.. (т. е. неужели он,

Тетрадь первая. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Фрейбург, есть, продолжает быть?) Это не самомнение, я знаю, что я в жизни городов и людей – ничто. Это не: без меня? а: сам по себе?! т. е. он действительно есть (будет, был) вне моих глаз есть, не я его фраза не окончена

Когда я ухожу из человека, мне кажется, что он кончается, перестает быть. Так о Z, напр. Кто-то рассказывает. «В 1918 г., когда я встретился с Z...» Первая мысль: – Неужели?.. (т. е. неужели он, Z, есть, продолжает быть...) – Это не самомнение, я знаю, что я в жизни людей – ничто, это глубокое, невинное изумление, за которым – пусть я в жизни городов и людей – ничто – очевидно нечто – есть.

(Переключка с С. М. В. об Але – той же весной 1923 г. в Чехии: «Ничего удивительного. Сначала она думала, что всё внутри, а теперь начинает открывать, что есть что-то и пропуск одного слова. Просто – открывает внешний мир». Я: – факт существования чего-то во-вне.)

* * *

Кончается, перестает быть. Здесь нужно различать два случая. Сильно обжитые (оживленные? выжатые?) мною люди и города пропадают безвозвратно: как проваливаются. Не гулки китежи, а глухие Геркуланумы.

Те же, лишь беглым игрищем мне служившие (в которых я, в людях и в городах, только проездом, где сверху: в которых не жила, через которые только прошла) – застывают. На том самом месте. На том самом жесте. Как в стереоскопе.

* * *

Когда я слышу о первых, я удивляюсь: неужели стоит? Когда я слышу о вторых, я удивляюсь: неужели растет? (дальше).

Повторяю, это не самомнение, это глубокое, невинное, подчас радостное изумление.

Слушаю, расспрашиваю, участвую, сочувствую и – втайне: Не Фрейбург. Не тот Фрейбург. Личина Фрейбурга. Обман. Подмена.

* * *

Если часто уезжать, можно обезлюдить (обезгородить) всю Европу!

* * *

14-ти лет я была убеждена, что это мои глаза зажигают по Москве фонари.

* * *

Это достоинство у меня есть: безвозвратность.

* * *

Эвридикины асфодели.

* * *

Веймар и май.

* * *

Продвигающаяся по пашням.

* * *

Для тех, открячавших последние крики,

Свидания ножик востер.

Не надо Орфею сходить к Эвридике

И братьям тревожить сестер.

* * *

Небо – тридевять земель.

Тетрадь первая. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

* * *

Аля: Сумасшедший священник (?) оплакивающий каждую секунду. (NB! связь утеряна. 1932 г.)

* * *

Диалог о домике.

* * *

За этот – пожизненный ад

* * *

Как зуб к десне,

Как дуб к сосне...

* * *

«Не нашел своего лица...» У поэта должно быть не лицо, а голос.

* * *

май 1923 г.

– Это так преломляется в Ваших глазах! (Люди обо мне и мире.) – Нет, не прелом – лядется: выпрям – лядется!

* * *

Я (о своих Земных Приметах, которые тогда переписывала)

– Будь я критиком, т. е. имей я возможность говорить о своих вещах вслух, я бы о своих Земных Приметах сказала: – Поразительная легкость в мыслях!

* * *

Переписка с С. на Штейнере (доклад, поскольку ныне помню, о детях дошкольного возраста, предназначенный, поскольку помню, для рабочих [238]).

я: – 1) Как в церкви! – 2) Посрамляет естественные науки. – 3) Скоро уйдем. 4) Совсем не постарел с 1909 г.

С.: Лев [239] распластан ибо полагает, что этот Ersatz [240] Льва его посрамляет сплошными grossartig'ами [241].

я: – Терпи. Накормлю яичницей. Бедный Лев! Ты – настоящий.

С.: Бюллетень о состоянии Льва:

Успокоился. Обнаружил трех львов на стене. К псевдо-Льву свое отношение определил: «Злая Сила!»

* * *

я: Жалею Льва. Этот похож на Чтеца-Декламатора.

С.: Для меня – на незнакомом языке!

я: Он обращается исключительно к дамам. 2) Простая элементарная пропаганда антропософии. 3) Будет ли перерыв?

С.: – Сам жду. Вдруг – нет? Вдруг до утра? А?

Лев

Я: Если Штейнер не чувствует, что я (пропуск одного слова) в зале – он не ясновидящий.

* * *

Запишу, что помню. Во-первых, вовсе не помнила, что Штейнера, раньше, уже видела. (Иначе откуда бы: совсем не постарел с 1909 г. Очевидно в отрочестве, в Москве.) Доклад был скучный. Но сначала о докладчике. За кафедрой – юноша. Движения птицы. Главное действующее лицо: перекатывающееся адамово яблоко, как у мучеников. Молодой протестантский проповедник. Никакого пробела на груди, сплошь черен, застегнут наглухо, только у самого горла узкая кайма воротника. Молодой Бодлэр. «Sehr geehrte Herrn und Damen... Herrn und Damen... Herrn und Damen... Zahnwechsel!... Herrn und... Zahnwechsel!... Damen... Damen... Zahnwechsel!...» [242] crescendo и из presto – prestissimo [243] – как обратный (снизу вверх) водопад, вот-вот сейчас имеющий оторвать ему голову.

– «Bis 7 Jahre ist ein Kind nur ein grosses Auge» [244].

Больше ничего не помню.

Чувство явного несоответствия голоса и говоримого, голосового (и душевного) размаха – и смысловой пропуск одного слова. Не сказал ничего нового, ничего примечательного, ничего своего, но сказал – голосом, шеей, адамовым яблоком – так, что до сих пор помню, верней – вижу.

Зал ужасен: пражские немцы, т. е. худшие во всем мире, п. ч. мало-мальски приличные из Праги, после революции, ушли. Короче: сплошные приказчики, пришедшие послушать своего (немца). По окончании каждый считает своим долгом подойти к Herr Doktor и оповестить его кто о своем нынешнем сне, кто о первом зубе своего ребенка. Идут как к акушерке или к гадалке. А он – как Блок в 1921 г. под напором ненависти – под напором этой любви – всё глубже и глубже в деревянную стену кафедры, которая вот-вот станет нишей, а он – святым. И всё выше и выше умученное адамово яблоко. И с неизбывной кротостью – всем – каждому: улыбку, ответ, кивок. Очередь приказчиков на ясновидящего: я в самом конце. Последняя. (Всем – нужнее!) Стою, борюсь: так устал – и еще я... Но: я, ведь это всё-таки не эти все. И – если он ясновидящий... Пока борюсь – уже предстою. Тому юноше – тысяча лет. Лицо в сети тончайших морщин. Тончайшая работа времени. Шаг назад – и вновь юноша. Но стою – и леонардовой работы старость. Не старость – ветхость. Не ветхость – призрачность?. Вот-вот рассыпется в прах. (Сколько стою? Секунду?)

И, набравшись духу и воздуху:

– Herr Doktor, sagen Sie mir ein einziges wort – fürs ganze Leben! [245]

Долгая? пауза и, с небесной улыбкой, mit Nachdruck:

– Auf wiedersehn! [246]

* * *

(Доклад этот был вскоре после пожара Johannisbau [247] и незадолго до его смерти.)

* * *

У каждого свое повторяющееся событие в жизни. Это и есть «судьба». (То, что мы помимовольно и непреложно, одним явлением своим на пороге – вызываем. Следствия, вырастающие из ходячей причины – нас.)

Тетрадь первая. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

* * *

Не весна в деревне – деревня в Весне. (Ибо Весна стихия и в деревне вместиться не может...)

«Русские березки», «русский можжевельник». Ложь. Самообман. Если не скажут – не отличить. Весна – Стихия и мне от нее ничего, кроме нее, не нужно.

* * *

Стало быть – безразлично: Чехия или Россия? Да, везде, где дерево и небо – там весна. – Ну, а в Африке? Нет, в Африке будет Африка, а не весна. Там для меня, пришлого, баобаб одолеет дерево. Надо родиться среди баобабов.

* * *

Для меня опасны слишком выявленные города и страны. Отвлекают. Стихии не фраза на окончена

* * *

Когда я иду в лес, я иду в свое детство: в ведение и в невинность.

* * *

Если бы я была мужчиной, я непременно бы любила замужнюю женщину: безмужную женщину: ненужную женщину.

* * *

Предрассудки, предшествующие рассудку, с молоком матери всосанные: не преобразенные ли инстинкты?

Так, отродясь и особенно в московский голод никогда не заглядывалась на съестные витрины. Еще подумают: хочу! Еще подумают: не могу! Явно хотеть и не мочь – мерзость!

И вот, в 1923 г., в Праге, от одного бывшего гвардейца узнаю: мой всосанный предрассудок (никто не учил!) – параграф гвардейского устава: Никогда не заглядываться на витрины, особенно – гастрономические. Я не воспитывалась в Гвардии, – м. б. мой предок какой-нибудь? А составитель устава – просто нищий гордец.

* * *

Начитанность под строкой: Чтение тоже делает одиноким: «вращение в пропуск одного слова кругах».

* * *

Есть, очевидно, и круговая порука зла: он, не желая, мне, я, не желая, другому, тот, не желая, еще кому... Безымянная. Круговая отместка – кому?

* * *

Остров Pathmos – не на тебе ли я родилась? [248]

* * *

Эротика, это похоже на рот и на грот.

* * *

Тело! Вот где я его люблю: в деревьях.

* * *

Platon и Platen. (первого – никто не судил.) [249]

* * *

Интонация: голосовой умысел. Intonation: intention vocale [250].

* * *

NB! 20 год. Бальмонтовское ведро!

* * *

В моих стихах кто угодно спутается. Ничтожные поводы иногда вызывали эпохи.

Эпос.

* * *

Присяжные поверенные и поэты.

* * *

Единственное чего я никогда не ощущала стихией – любовь. Дружбу (д) – да!

* * *

О, мне всего мало, поэтому и не начинаю, не начну. (Я с людьми.)

* * *

До свидания великого! (Р. Штейнер)

* * *

ранили, –

До великого свидания!

* * *

Сестра: в этом и простор и страдание. И еще – запрет. Простор, порожденный запретом. («Отыграюсь».) Победа путем отказа. (Сергей Волконский) Будь я женой, я бы ревновала к сестре. Беспредельность не может ревновать к пределу. (Думаю о Б. П. 1932 г.)

* * *

Б. П. Заочный оплот.

* * *

Жена – предел. Тупик, разверстый ребенком.

* * *

(Из мыслей к Б. П.) ...втроем не выйдет. Я и вдвоем умею плохо. Два уже меньше чем один (в котором другой). Мы уже меньше чем я (в котором ты). Два это рядом. Весу меньше. (Я вешу еще всем тобой, так мы вес – поделили, и земля нас конечно вынесет!) Нет, не обольщаюсь и не обольщаю: втроем не выйдет. (NB! 1932 г. м. б. – тоже гвардейский устав? Ne daigne [251].) Могут выйти два вдвоем (мое с Вами, мое с ней). Зачем втягиваете? Я – размежевываю. Не отводите мне никаких мест.

* * *

Сонмы голосов дозвучивающих.

* * *

Vorfühlen. Nachfühlen [252]. Вы поймете когда пройдет, я – прежде чем стряслось.

* * *

Сострадай!

* * *

Люди по мне проходят бесследно. Выходит: они – волны, а я – камень. (Без никакого следу кроме соли.)

* * *

Выпеть и выжечь.

* * *

Не хочу того слова: оно круг. (Из двух рук!) Гораздо больше, чем всё.

* * *

Встреча должна быть аркой. Не в упор (кто кого?) не две дороги вдоль (перекресток, чтобы вновь разойтись, да просто: РОССТАНЬ!) а радугой. Арка: увечнённая встреча. Не встретились, а непрерывно встречаются. Вечность в настоящем времени. Настоящее время (Presens) вечности.

* * *

Чем дальше основы арки, тем выше арка. Нам нужно отойти далёко. Для нужной нам высоты нам нужно отойти очень, очень очень далёко, м. б. (отступая спиной) и

Тетрадь первая. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
немножко оступиться – по ту сторону.

* * *

Кусочек из Диккенса. (Шаги перед грозю. История двух Городов.)

* * *

Мои стихи, равно как мои платья хороши в темной комнате. При белом свете дня – сплошные дыры (ожоги).

* * *

M-me Roland у подножья эшафота [253].

* * *

Море отражает дно (себя, недра).

Дно – одно.

Река отражает небо.

У реки не может быть лица, только поступь и голос (бег и звук). Лики ее – те небеса, под коими протекает. В известном смысле я – безлична.

* * *

Не оскорбила бы меня только страсть ангела: его стыд с семижды седьмого неба превышающий мой (с седьмого).

Еще: его стыд (mé^salliance [254]) вместо моего собственного.

* * *

Бог (магнит) некоторых забыл снабдить сталью.

* * *

15-го нового апреля:

Чувство, что дорога за мной пропадает, зарастает по следам.

* * *

Дети меня жестоко ненавидели в детстве. Я не простила детям.

* * *

Мой страшный страх обид.

* * *

Меня нет: обижайте пустое место! Пустующее как раз на том месте, где я стою (где вы думаете, что я стою).

* * *

Белый и Блок: Внутренняя радость дающая внешнюю.

* * *

Застава: концы концов: все концы с концами сходятся: начало всяческой беспредельности: дали, горя, песни...

* * *

Апрель (конец, 29-ое. Говорят, самое любовное время – полночь. Неправда: час призраков. Еще: рассвет. Неправда: слушаешь гудки заводов и вокзалов: тоску просыпающегося дня. Нет любовного часа, а если есть то скорей уж полдень (Vettina: «Meine verschlafendste Zeit» [255]).

* * *

Если бы любовная любовь не включала в себя: услады и забавы, я бы может быть ее и любила. Если бы она была совсем горькой. (Т. е. – не собой. 1932 г.)

Тетрадь первая. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

* * *

Дорваться друг до друга – да, но не для услады же! Как в прорву. «Зной – в зной, Хлынь – в хлынь, До – мой: – В огонь синь» [256].

* * *

Чтобы потом – ничего не было.

* * *

Чудо в физическом мире ограничено, ибо ограничен сам физический мир. Но чудо (безграничность?) ограниченным быть не может, следовательно: или чудо происходит не в физическом мире, или в физическом мире чудес не происходит.

* * *

А м. б. другие (сущности их) вскрываются исключительно в любви (Эросе). Но может ли сущность вскрыться в частности? И в частности, да. Но почему же исключительно в этой?

* * *

Может ли сущность (Аполлон, Дионис, Люцифер) вскрываться исключительно в Эросе? Нет, сущности скрываются, пропадают в Эросе. М. б. он и есть из богов – сильнейший! Да и то ложь: ибо частность Эроса в сущности Диониса, напр., растворяется.

* * *

«Поэт в любви». Нет, ты будь поэтом в помойке, да.

Примечания

1

Извольская Елена Александровна (1897 – 1975) – переводчица, религиозная писательница.

2

Заключительная строфа стих. Цветаевой «Земное имя» (1920; 1940).

3

Волконский Сергей Михайлович, князь (1860 – 1937) – внук декабриста С. Г. Волконского, театральный деятель, художественный критик, мемуарист.

4

Поэма «Егорушка» (1921 – 1928).

5

С. М. Волконский «Художественные отклики»

6

Героиня романа В. Гюго «Собор Парижской Богоматери».

7

Книга литературного секретаря Гете в 1823 – 1832 гг. И. П. Эккермана «Разговоры с Гете в последние годы его жизни»

8

Книга Волконского

9

Городок близ Дрездена, где в 1912 г. проходили так называемые «школьные Празднества» – представления обосновавшегося там Института ритмической гимнастики Жак-Далькроза.

10

«Книжная лавка писателей» просуществовала в Москве с осени 1918 г. по осень 1922 г.

11

Жюли де Леспинас (1732 – 1776) – хозяйка парижского салона, где собирались энциклопедисты, подруга д'Аламбера.

12

Эмиль Жак-Далькроз (1865 – 1950) – швейцарский композитор, автор системы так называемого ритмического воспитания.

13

было бы лучше: und von einer Leidenschaft (и некой страстью (нем.)) (а была-то, м. б., просто – Liebschaft! (зд.: страстишка (нем.))).

14

Гете прощается с неким пейзажем и некой возлюбленной.

«Однажды летним вечером, в сумерках, он бросил, сквозь слезы, последний взгляд вниз на луга, леса, горы и долины; он стоял с полыхающим лицом. Еще раз вся прожитая жизнь, как раненый исполин, припала к его груди, затем он, улыбаясь, легко разжал и это объятие, уже сознавая свою божественность». (нем.)

15

Вниз – на горы? (нем.)

16

Псалтирь 150:6.

17

Борис Александрович Бессарабов (1883 – 1970) – послужил прототипом героя неоконченной поэмы «Егорушка».

18

Как это тогда (11 лет назад) много казалось – неделя!

19

Шлёцер-Скрябина Татьяна Федоровна (1883 – 1922) – вдова А. Н. Скрябина (юридически их брак не был оформлен).

20

«Скажите же мне, сударыня, можете ли Вы мне сказать – что же в ней хорошего, в жизни? Это обилие страданий...» (фр.)

21

рыбьи кости (фр.)

22

скользят по поверхности (фр.)

23

Миндлин Эмилий Львович (1900 – 1981) – литератор, автор книги воспоминаний «Необыкновенные собеседники»

24

Имение в Тамбовской губернии близ Борисоглебска, купленное родителями Волконского.

25

Из незавершенного ст-ния «В сновидящий час мой бессонный, совиный...»

26

человеческий документ (фр.)

27

Умственная молитва (фр.). В православной традиции утвердился перевод «умная молитва», т. е. молитва, творимая про себя.

28

распрявление (фр.)

29

Ст-ние «Быть голубкой его орлиной!..» и др. ст-ния цикла «Марина».

30

«Святой Антоний Падуанский, дай мне найти то, что я потеряла...» (фр.)

31

Семья Иоакима Самуиловича Каннегисера (1860 – 1930), надворного советника, крупного инженера-путейца, директора правления Русского акционерного общества «Металлизатор». Его сыновья Сергей и Леонид упоминаются в «Нездешнем вечере». Ко времени написания письма ни Сергея, ни Леонида Каннегисеров уже не было в живых: первый покончил с собой в марте 1917 г., второй был расстрелян в сентябре 1918 г. как убийца председателя ВЧК М. С. Урицкого.

32

Софья Яковлевна Парнок (1885 – 1933), поэтесса и критик.

33

Зеркальная галерея (фр.) – одна из достопримечательностей Версальского дворца.

34

Ст-ние Кузмина «Среди ночных и долгих бдений...»

35

Актриса Людмила Владимировна Эрарская (ок. 1890 – 1964), близкая подруга С. Я. Парнок до конца ее жизни.

36

для вида (фр.)

37

Алексеев Владимир Васильевич (1892 – 1920) – актер, ученик Мансуровской студии Е. Б. Вахтангова (1914 – 1919); герой второй части «Повести о Сонечке» (1937).

38

Тетрадь первая. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Со всех крыш кричать о своей красоте (фр.).

39
Чабров (наст. фамилия Подгаецкий) Алексей Александрович (1883 – ок. 1935) – музыкант, близкий друг А. Н. Скрябина.

40
день отъезда С. в Армию после командировки.

41
падение Крыма (узнала 1-го ноября в Камерном театре на премьере Благовещенья Клоделя. Когда запели Интернационал, я одна, во всем театре, очень на виду (ложе прессы) не встала: не п. ч. не хотела, а п. ч. – НЕ МОГЛА).

42
Первое ст-ние цикла «Благая весть».

43
Шестое ст-ние цикла «Георгий».

44
...

45
Из первого ст-ния цикла «Поэты».

46
Второе, третье и четвертое ст-ния цикла «Благая весть».

47
Такие арки и стройки видела в 1931 г. на Колониальной выставке. Международная Колониальная выставка проходила в Париже в мае-ноябре 1931 г.

48
чулан, кладовая (фр.)

49
Любопытно, что переписывая, мне хотелось вписать: «Автор моих снов – мой ясновидящий страх» и тут же читаю: «Особенность моих снов...» т. е. тот же ход мысли (и фразы) одиннадцать лет спустя. 1921 г. – 1932 г.

50
Пятое ст-ние цикла «Разлука».

51
Малиновский Александр Николаевич – художник.

52
В г. Александрове Владимирской губ. в 1916 г. жила А. И. Цветаева с М. А. Минцем и сыном (от первого брака) Андреем Борисовичем Трухачевым (1912 – 1993).

53
Впоследствии «Красный Бычок».

54

нянька дочерей Цветаевой

55

Никодим Акимович Плущер-Сарна (1883 – 1945), близкий друг Цветаевой, и его жена Татьяна Исааковна (1887 – 1972).

56

Младшая дочь А. Цветаевой.

57

Вследствие интриг актрисы Каролины фон Гейгендорф (1778 – 1848), возлюбленной великого герцога Саксен-Веймарского Карла-Августа (1757 – 1828), в 1817 г. Гете был вынужден отказаться от руководства Веймарским театром.

58

Стахович Алексей Александрович (1856 – 1919) – актер и педагог Московского художественного театра.

59

Не стану больше

Внизу стоять я.

Оставьте руки,

Оставьте платье,

Оставьте кудри:

Они – мои!

(нем.)

60

Первое и второе ст-ния цикла «Отрок».

61

колонна (нем.)

62

Десять лет спустя, в 1931 г., у Эпиктета читаю: Цитата не вписана.

63

Впоследствии, точь-в-точь, слово в слово о Рильке (Твоя смерть). Повторение не мысли, а явления, однородную мысль вызывающего. Недаром я Блока ощущаю братом Рильке, его младшим в святости – и мученичестве. Знаю, что из всех русских поэтов Рильке больше всего любил бы Блока.

64

Почему мои радости всегда были горькие и далекие? 1932 г.

65

Э. Л. Миндлин и Б. А. Бессарабов

66

Четвертое ст-ние цикла «Отрок».

67

Ст-ние «Веками, веками...».

68

Боже сил... (фр.)

69

Из первого ст-ния цикла «Ханский полон».

70

Ст-ние «От гнева в печени, мечты во лбу...»

71

Из незавершенного ст-ния «Справа, справа – баран круторогий!..»

72

«Ибо любовь – о странная и ... шутка! –

Питается голодом и умирает от пищи» (фр.).

73

Нолле-коган Надежда Александровна (1888 – 1966) – жена историка литературы и критика Петра Семеновича Когана (1872 – 1932), близкая знакомая А. А. Блока в последний период его жизни.

74

Зайцева Вера Алексеевна (1878 – 1965) – жена Б. К. Зайцева.

75

кафе

76

Владелец петербургского издательства «Алконост» Самуил Миронович Алянский (1891 – 1974).

77

Управляющий делами издательства «Геликон» в Берлине Абрам Григорьевич Вишняк (1895 – 1943).

78

Каплун (псевд. Сумский) Соломон Гитманович (1883 – 1940) – заведующий издательством «Эпоха» в Берлине.

79

П. С. Коган

80

Гольцев Борис Викторович – в 1921 г. был секретарем Центропечати.

81

Башкиров Кирилл Александрович – журналист.

82

псевд. О. Дешарт, 1894 – 1978, известна своими работами в области философии и истории искусств.

83

соприкосновение двух эпидерм (фр.)

84

Финальные строки ст-ния «Пуще чем женщина...».

85

Дракон и месть – и всё Песнь о Нибелунгах (нем.).

86

жалюзи (фр.)

87

Елена Оттобальдовна Кириенко-Волошина (1850 – 1923), мать М. А. Волошина.

88

М. А. Волошин

89

Ст-ние «Масляница широка!..»

90

Варвара Дмитриевна Иловайская (1858 – 1890) – первая жена И. В. Цветаева, мать единокровных сестры и брата Ц. – Валерии и Андрея.

91

стоячий гребень (фр.)

92

Я отменяю этот поцелуй. – Я отменяю эти шлепки (фр.).

93

NB! Только и умеющий! (и обращать других в рабство). Его Корсика. 1932 г.

94

чего ради? (фр.)

95

NB! (1932 г.) в том-то и дело, что не ведая и что ведала только я.

96

Вернее: Вот что-то – нечто – сила – движение – Вы по дороге – удар – Вы уклоняетесь – как всегда уклонялись все – кроме Рильке и Б. П.

97

Адресат писем – А. Г. Вишняк.

98

Florentinische Nächte («Флорентийские ночи» (нем.) – новелла Г. Гейне.)

99

С тех пор как перо стала держать – нет, даже до пера! – ВСЕМ, ВСЕГДА.

100

Немецкая идиома, означающая: всё целиком, без остатка.

101

Гуковский Александр Исаевич (1865 – 1925) – один из редакторов «Современных записок», при которых существовало одноименное издательство.

102

В оригинале: «Freude». «Через страдание – радость» (нем.). Ставшие знаменитыми как жизненный девиз Бетховена, слова из его письма к графине Марии фон Эрдеди от 10 октября 1815 г.

103

Вот она и разгадка – солнцеворота! Восхитительная (от земли восхищающая) ночная поездка с Белым в Шарлоттенбург.

104

т. е. А. И. Гуковскому

105

экспресс-почтой (нем.)

106

Неточная цитата из «Мнения о начале поэзии и стихов вообще» В. К. Тредиаковского.

107

от чешск.: svobodárna – общежитие для холостых (незамужних).

108

т. е. бойцов «Марковского» офицерского полка Добровольческой армии, названного по имени возглавившего его генерала Сергея Леонидовича Маркова (1879 – 1918).

109

надежда (фр.)

110

Олег Вячеславович Туржанский (1916 – 1980) – сын Александры Захаровны Туржанской (урожд. Дмитриевой, ? – 1974), до эмиграции – актрисы, и Вячеслава Константиновича Туржанского (1891 – 1976), знаменитого кинорежиссера.

111

Альтшуллер Григорий Исаакович (1895 – 1983) – в то время студент-медик Пражского университета, сын известного врача И. Н. Альтшуллера.

112

Демону (лат.).

113

Речь идет о сб. «Темы и варьации».

114

Ст-ние «Так начинают. Года в два...».

115

великое Может Быть (фр.)

116

Ст-ние «Не надо ее окликать...».

117

Ст-ние «Нет, правды не оспаривай...».

118

Ст-ние «Эмигрант».

119

Первое ст-ние цикла «Скифские».

120

Второе ст-ние цикла «Скифские».

121

Третье ст-ние цикла «Скифские».

122

Ст-ния «От руки моей не взыгрывал...» и «Оперением зим...»

123

Ст-ние «Плач цыганки по графу Зубову».

124

Edel – благородный; Edelstein – драгоценный камень (нем.).

125

Рейтлингер (в замужестве Кист) Екатерина Николаевна (1901 – 1989) и Рейтлингер Юлия Николаевна (1898 – 1988) – близкие знакомые семьи Цветаевых в Чехии, в то время обе студентки.

126

а если дальше и меньше – так и больно.

127

и увидела же – на горе, можжевельником. 1932 г.

128

Тетрадь первая. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Слоним Марк Львович (1894 – 1976) – литературный критик, один из редакторов
журнала «Воля России».

129

а что – последней? Вру, конечно, – конечно последней.

130

«Весна наводит сон... Уснем!» – да, ибо каждая вещь равна своему обратному.

131

Другие бы сказали – наказания!

132

смысл: permanente (постоянный (фр.)). 1932 г.

133

Цикл «Федра».

134

Первое ст-ние цикла «Провода».

135

Отсюда: Терпеливо, как щебень бьют / Терпеливо – как смерти ждут / Буду ждать
тебя – (восьмое ст-ние цикла «Провода».)

136

Логическая ошибка. Надо: Раз Вы видите – это есть, следовательно – будет. 1932
г.

137

богемский лес (нем.)

138

Горизонтальное и вертикальное ремесло (нем.).

139

Речь идет о С. М. Волконском

140

Пятое ст-ние цикла «Провода».

141

кто ничем не рискует, тот ничего не выигрывает; кто рискует малым (фр.).

142

Обращено к Александру Васильевичу Бахраху (1902 – 1985), в то время начинающему
критику.

143

Название большого универмага в Берлине.

144

Тетрадь первая. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Анна Алексеевна (Ася) Тургенева (1890 – 1966) – первая жена А. Белого, видная антропософка.

145
русский стиль (фр.)

146
Из ст-ния К. Павловой «Ты, уцелевший в сердце нищем...».

147
наш случай (фр.)

148
Первое ст-ние цикла «Ариадна».

149
Речь идет о возникшем примерно в то же время замысле драматической трилогии «Тезей».

150
«Поэма заставы»

151
Цикл «Поэты»

152
пожар (нем.), а также имя героя одноименной драмы Г. Ибсена.

153
«Где радуга опустила свою ногу» (фр.).

154
Северное море (нем.).

155
Пример во-вне:

– Ты поцеловала себя в зеркало как я тебя просила?

– Нет, в той комнате было холодно и я не пошла.

NB! Прибавлено при переписке, Б. П. этого не писала. 1932 г.

NB! Полнота правды есть ее точность. Не: ВСЁ, как было, а: всё КАК БЫЛО 1932 г.

156
букв.: дикая охота (нем.).

157
тире (нем.), букв.: черта (морщина) мысли.

158

с учетом пропорций (фр.)

159

с еще большим учетом пропорций (фр.)

160

«...и ищут прекрасные образы

И всю жизнь так одиноки...» (нем.) Неточная цитата из ст-ния Р. М. Рильке.

161

Быть и иметь (фр.).

162

«Всё преходящее есть только подобие» (нем.) – слова мистического хора из финала II части «Фауста» Гете.

163

Московское символическое издательство; при нем существовал кружок, так называемый «молодой Мусагет».

164

верующие (фр.)

165

Обращено к А. В. Бахраху.

166

букв.: пурпурная лихорадка (фр.); горячка.

167

Автобиографический роман С. Т. Аксакова.

168

«черный (смуглый) ребенок» (нем., фр.); «enfant noiraud» значит также «особый ребенок» (фр.).

169

материнская любовь, которая все их (страсти) укрывает в тени (фр.).

170

Ст-ние «Сестра».

171

Это низость! – вернее: убожество! (фр.)

172

Ст-ния «Ночь» и «Прокрасться...».

173

Тетрадь первая. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Наброски относятся не к ст-нию «Сахара», а к ст-нию «Расщелина».

174

Обращено к Константину Болеславовичу Родзевичу (1895 – 1988), бурный роман с которым Цветаева пережила осень 1923г.

175

Чирикова Валентина Евгеньевна (1898 –1988) – дочь писателя Е. Н. Чирикова, художница.

176

Ст-ние «Рельсы».

177

Из приведенного списка написано лишь последнее ст-ние – «Клинок».

178

Обращено к А. В. Бахраху.

179

главным выигрышем в жизни (фр.).

180

уверенность (фр.).

181

«Юноша любит девушку» (нем.). Начальная строка си-ния Г. Гейне из раздела «Лирическое интермеццо».

182

наш живой облик (нем.).

183

Скандальная хроника (фр.).

184

Ст-ние «Сок лотоса».

185

Ливанские высоты (нем.)

186

покрасоваться! (фр.)

187

Наст. имя: Лев Львович Кобылинский (1879 – 1947).

188

Цветаева имеет в виду «Воспоминания о А. А. Блоке» А. Белого.

189

Б. К. Зайцев

190

Речь идет о ст-нии «Жив Бог! Умен, а не заумен...».

191

Нина Николаевна Берберова (1901 – 1993) – в то время начинающая поэтесса, впоследствии известная писательница.

192

«Простая речь о мудреных вещах» – сочинение Михаила Погодина.

193

Осторожно, змеи (чешск.).

194

Роман Эренбурга «Жизнь и гибель Николая Курбатова».

195

Ст-ние «Посмертный марш».

196

Ст-ние «Заочность».

197

Второе ст-ние цикла «Час души».

198

Ст-ние «Письмо».

199

Третье ст-ние «Час души».

200

Ст-ние «Клинок».

201

Ст-ние «Наука Фомы».

202

Первое ст-ние цикла «Магдалина».

203

вечно-мужское (фр.).

204

Речь идет о К. Б. Родзевиче.

205

кроме напряжения, т. е. – всего. 1932 г.

206

Тетрадь первая. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Цикл «Овраг».

207
К. Б. Родзевичу.

208
Ст-ние «Ахилл на валу».

209
т. е. 13 сентября

210
Ст-ние «Последний моряк».

211
все сбудется (фр.)

212
нечего терять (фр.)

213
Из ст-ния «Не здесь, где связано...».

214
Оставим это; довольно (нем.).

215
Ненавистное мне слово – и вещь. Теплоту признаю только одну: причастную, ибо здесь она достоверность: знаешь о чем говорят. Печной и весенней теплоты нет, ибо она – тепло. А теплота людская – спасибо!

NB! Я всю жизнь страдала от людской «теплоты»! 1932 г.

Теплых сужу – как в Евангелии. В моей оценке «теплоты» собеседника – уже бесконечное пропуск одного слова, снисхождение: снижение.

216
Речь идет о рецензии Бахраха на книгу Степуна «Основные вопросы театра».

217
захочешь – не сможешь (фр.).

218
Отзыв Бахраха о книге Степуна носит вполне положительный характер.

219
Рецензия Бахраха завершается строками «И с тех пор люблю я, Brenta, / Прозу в жизни и в стихах» из стихотворения Ходасевича «Brenta».

220
Драма Г. ибсена.

221

Английские писательницы сестры Шарлотта (1816 –1855), Эмили (1818 – 1848) и Энн (1820 – 1849) Бронте всю жизнь прожили в пасторском доме своего отца в местечке Хауорт (графство Йоркшир).

222

трагическое (нем.)

223

«для галёрки», «для публики» (фр.).

224

из чего не следует что я ходила без, очевидно были одни, которые непрерывно стирались.

225

Начальные строки ст-ния «Письмо».

226

Текст представляет собой монтаж отрывков из начала главы 24 романа Ш. Бронте «Виллет» (в современном переводе – «Городок»), который Ц. читала по-французски. Приводим русский перевод по изданию: Бронте Ш. Городок. Пер. с англ. Л. Орел и Е. Суриц. М.: Худож. литература, 1983, с. 321 – 323 (пропуски Ц. отмечены знаком купюры):

Того, кто обречен жить в тиши, кому выпала жизнь в стенах школы или другого отгороженного от мира прибежища, порой надолго забывают друзья, обитатели шумного света (отгороженного не только стенами, я, 1932 г.). Вдруг, ни с того ни с сего, после особенно частых встреч, которые сулили оживление, а не прекращение дружбы, – наступает пауза, полное молчание, долгая пустота забвенья. Ничто не нарушает этой пустоты, столь же полной, сколь и необъяснимой. Нет больше писем, прежде приходивших то и дело; нет визитов, ставших уже привычными; почта не приносит ни книг, ни бумаги, никаких вестей.

Всегда същутся причины этим перерывам, только они неведомы бедному отшельнику. Покуда он томится в тесной келье, знакомцы его кружатся в вихре света. Пустые дни катятся для него так медленно, что бескрылые часы едва влекутся, словно унылые бродяги, не чающие добраться до межевого столба, в то же самое время, быть может, для друзей его полно событий и летит, не успевая оглядеться.

Отшельнику, ежели он отшельник разумный, – остается забыть обо всем, не предаваться ни чувствам, ни мыслям и пережидать холод. Ему следует понять, что Судьба судила ему уподобиться маленькому зверьку соне и не горевать о себе, свернуться калачиком, забиться в норку, покориться и перезимовать во льду.

Ему остается сказать себе: «Что поделать, чему быть, того не миновать». И быть может, в один прекрасный день отворится ледяной склеп, повеет весной, его согреет луч солнца и теплый ветерок; колыханье трав, птичий щебет и пенье раскованных струй коснется его слуха, призывая к новой жизни. Это может случиться, но может и не случиться. Сердце его может сковать мороз так, что оно уж не оттает. Теплой весной лишь косточки бедного сони могут достаться ворону или сороке. Но даже и тогда – что поделать! С самого начала ему следовало помнить о том, что он смертен и однажды пройдет путь всякой плоти. ...

Середина пустоты – всегда самое тяжелое для затворника время ...

Тетрадь первая. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
На последней из этих долгих семи недель я уступила мысли, в которой целых шесть недель не хотела себе признаться, – что пустот таких не избежать, что они следствие обстоятельств, указ судьбы, моя участь, и главное – о причине их нечего и дознаваться, и винить решительно некого. ...

Чего только я не перепробовала, чтобы скоротать одинокие часы: затеяла плести мудреное кружево, корпела над немецкими глаголами, перечла все самые толстые и скучные книжки, какие отыскивались на полках; и всё это с большим прилежаньем. Быть может, я просто выбирала занятия невпопад? Не знаю.

Час мучений наступал, когда ждали почту

Так писем не ждут:

Так ждут – письма.

Час мучений наступал, когда ждали почту. Увы, я хорошо знала, когда ее приносят, и тщетно старалась себя обмануть и отвлечь, страшась пытки ожидания и горечи обманутой надежды, ежедневно предварявших и сопровождавших слишком знакомый звонок.

Думаю, звери, которых держат в клетках и кормят так скудно, что они едва не гибнут с голоду, ждут кормежки с тем же нетерпением, с каким я ожидала письма. Ох! Говоря по правде и отступая от притворно спокойного тона, в каком уже нет сил продолжать больше, за семь недель я пережила непереносимую боль и страх, мучилась догадками, не раз теряла всякую веру в жизнь и делалась добычей отчаянья самого горького. ... Письмо, милое письмо никак не приходило; а мне не было иной отрады (фр.).

227

С Ольгой Елисеевной Колбасиной-Черновой (1886 – 1964) и ее младшей дочерью Ариадной (1908 – 1974) Цветаева подружилась в Праге и активно переписывалась после их отъезда в Париж в октябре 1924 г. В Париже К.-Ч. поселилась (уже со всеми тремя дочерьми) на rue Rouvet, 8; первые полгода после своего переезда в Париж Цветаева жила на их квартире.

228

Правильно: Цетлиных. Речь идет о дочери М. С. Цетлиной от первого брака Александре Николаевне Авксентьевой (1907 – 1984).

229

с учетом пропорций (фр.)

230

Ср. устные воспоминания Н. В. Резниковой (Черновой): «Например, была большая обида с Бахрахом. Его критика на ее стихи ей очень понравилась. Но позднее, когда он пришел к нам, вместо того чтобы вести с ним интересную беседу, она стала едко над ним издеваться. Помню, она все говорила о каком-то „boudin“ (кровяная свиная колбаса). – Вот купим „boudin“, будем есть „boudin“. А он ожидал от нее умных разговоров о поэзии. Так она дала ему понять, что больше его ни в грош не ставит» (Лосская В. Марина Цветаева в жизни. М., 1.992, с. 152).

231

В действительности речь идет о лете 1928 г.

232

Тетрадь первая. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
«Я зря прождала» (фр.)

233
Адресат неизвестен (фр.)

234
Ср. в воспоминаниях Бахраха: «Пропал даже пакет с ее книгами, который я ей выслал по ее просьбе. Что-то ей было нужно, а у нее иссякли авторские экземпляры».

235
вещи (нем.)

236
Выражение из романа Достоевского «Бесы».

237
(Вселенная.) Оттого и одинока. Вселенная одинока (нем.).

238
Речь идет о публичной лекции главного идеолога антропософии Рудольфа Штейнера (1861 – 1925) «Развитие и воспитание человека в свете антропософии», состоявшейся 30 апреля 1923 г. в помещении пражской Товарной биржи.

239
Домашнее прозвище С. Я. Эфрона.

240
эрзац, суррогат (нем.).

241
великолепиями (нем.)

242
«Глубокоуважаемые господа и дамы... Господа и дамы... Господа и дамы... Смена зубов... Господа и... Смена зубов... Дамы... Дамы... Смена зубов...» (нем.)

243
крещендо, быстро, очень быстро (итал.)

244
«До семи лет ребенок это только огромный глаз» (нем.)

245
«Господин Доктор, скажите мне одно-единственное слово на всю жизнь!» (нем.)

246
с ударением: «До нового (следующего) свидания!» (нем.)

247
Антропософский храм в Дарнахе

Тетрадь первая. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

248

Остров Патмос был местом изгнания евангелиста Иоанна; на этом острове ему было видение о конце света, после которого он написал «Откровение» («Апокалипсис»).

249

Цветаева имеет в виду насмешки и осуждение, которые вызывала у современников гомоэротическая тема в поэзии Августа фон Платена (1796 – 1835).

250

Французский эквивалент предшествующей фразы.

251

Не снисхожу (не снисходи) (фр.)

252

зд.: Пред-чувствие. После-чувствие (нем.)

253

Манон Ролан (1754 – 1793) – жена одного из лидеров жирондистов, министра внутренних дел французской Республики Жана-Мари Ролана де Ла Платьера (1734 – 1793), погибшая на гильотине.

254

мезальянс (фр.)

255

Беттина: «Мой самый сонный час» (нем.). Беттина фон Арним, урожд. Brentano (1785 – 1859) – немецкая романтическая писательница.

256 финальные строки поэмы «Молодец».

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://tsvetaevamarina.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!